

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

ФАКТОРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО
КОУПИНГА БЕЗРАБОТНЫХ В УСЛОВИЯХ
ВТОРИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК РЕГУЛЯТОР
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЖЕНЩИНАМИ ПРОБЛЕМ
В СЕМЬЕ ПРИ ПЕРВОМ И ПОВТОРНОМ БРАКЕ

2018 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по психологическим наукам (19.00.00)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Psychological Sciences (19.00.00).

ISSN 2072-8514 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – д. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Психологические науки»

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. – д. псих. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Нестерова А.А. – д. псих. н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. – к. псих. н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Забродин Ю.М. – действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К.Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский городской психолого-педагогический университет

Иванников В.А. – действительный член (академик) Российской академии образования, д.псих.н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Карри К. – д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова

Марцинковская Т.Д. – д. псих. н., проф., Психологический институт РАО (г. Москва)

Овсяник О.А. – д. псих. н., доц., МГОУ

Митина Л.М. – д. псих. н., проф., РАН

Слайтер Э. – д. псих. н., адъюнкт-профессор, доц., Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Утлик Э.П. – д. псих. н., проф., МГОУ

Фирсов М.В. – д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы

Шнейдер Л.Б. – д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. – д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США).

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2018. – № 2. – 142 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

Индекс серии «Психологические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе научных электронных библиотек eLibrary.ru и Киберленинка, а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного
университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

A.A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, MRSU

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

Zabrodin Yu.M. – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky

V.A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, RAE (Moscow)

O.A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, MRSU

L.M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Adjunct Professor, Associate Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

E.P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, MRSU

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute for Additional Professional Education of Workers for Social Services.

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

Science council of «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – PhD in Philological Sciences, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – PhD in Philological Sciences, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – PhD in Juridical Sciences, PhD in Historical Sciences, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor in Pedagogic Sciences, Member of the Russian Academy of Education, the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor in Psychological Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor in Philosophical Sciences, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor in Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor in Economic Sciences, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor in Pedagogic Sciences, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – PhD in Philological Sciences, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor in Physical and Mathematical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor in Pedagogic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A, Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology. – 2018. – № 2. – 142 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26137.

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

© MRSU, 2018.

© Information & Publishing department of MRSU, 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Мишина М.М., Перевощикова Г.С.</i> ФРУСТРАЦИОННАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ	6

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Алдашева А.А., Гуцыкова С.В., Зеленова М.Е.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК РЕГУЛЯТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ.....	20

<i>Анохина С.А.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И УРОВЕНЬ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ У РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	37

<i>Аргентова Т.Е., Аргентова Л.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЖЕНЩИНАМИ ПРОБЛЕМ В СЕМЬЕ ПРИ ПЕРВОМ И ПОВТОРНОМ БРАКЕ	51

<i>Дробышева Т.В., Тихонова Э.В.</i> ФАКТОРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КУПИНГА БЕЗРАБОТНЫХ В УСЛОВИЯХ ВТОРИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ.....	60

<i>Кобзев Е.А.</i> ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ЗАВИСИМЫХ ОТ ТАБАКОКУРЕНИЯ	74

<i>Кобзева Н.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ МИГРАЦИИ.....	86

<i>Мурсалыева Г.М.</i> СТРУКТУРА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ....	102

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Зотова Л.Э.</i> РОЛЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕДАГОГОВ О РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТИ	114

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Лобанова Т.Н.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРУДОВЫХ ИНТЕРЕСОВ....	125

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

- M. Mishina, G. Perevoshchikova.* FRUSTRATION TOLERANCE OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL AND PERSONAL MATURITY.....6

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

- A. Aldasheva, S. Gutsykova, M. Zelenova.* PROFESSIONAL MENTALITY AS A REGULATOR OF SOCIAL EDUCATORS' ACTIVITIES20

- S. Anokhina.* SOCIAL SUPPORT AND LEVEL OF EMOTIONAL STRESS OF PARENTS RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES.....37

- T. Argentova, L. Argentova.* FEATURES OF ASSESSING THE PROBLEMS IN THE FAMILY BY REMARRIED WOMEN AND WOMEN IN THE FIRST MARRIAGE.....51

- T. Drobysheva, E. Tikhonova.* FACTORS OF COLLECTIVE SYMBOLIC COPING FOR THE UNEMPLOYED IN CONDITIONS OF SECONDARY ECONOMIC SOCIALIZATION.....60

- E. Kobzev.* PSYCHOLOGY OF RELATIONS IN THE FAMILY OF BOYS AND GIRLS DEPENDENT ON SMOKING74

- N. Kobzeva.* PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INTRAPERSONAL CONFLICTS IN VARIOUS SITUATIONS OF MIGRATION.....86

- G. Mursaliyeva.* THE STRUCTURE OF ETHNIC IDENTITY OF ADOLESCENTS IN CONTEMPORARY CROSSCULTURAL SPACE102

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

- L. Zotova.* ROLE OF PERSONAL RESOURCES IN SHAPING TEACHERS' UNDERSTANDING OF THE RESOURCE PROFILE114

SECTION IV.

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, ERGONOMICS

- T. Lobanova.* PSYCHOLOGICAL MODEL OF LABOR INTERESTS.....125

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-6-19

ФРУСТРАЦИОННАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Мишина М.М.¹, Перевощикова Г.С.²

¹ *Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

² *Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описаны особенности развития фрустрационной толерантности у студентов-психологов, обучающихся на психологическом факультете и реагирующих на трудности в достижении цели. Исследование фрустрационных реакций выполнено с помощью методики Розенцвейга, которая позволяет прогнозировать некоторые эмоциональные и фрустрационные реакции у студентов-психологов на различные трудности при достижении цели. Описаны установленные различия в проявлении эмоциональных фрустрационных реакций у разных групп студентов-психологов и особенности проявления их психологической защиты, что является основанием для создания психолого-педагогических условий для воспитания устойчивости к фрустрирующим ситуациям, т. е. выработки фрустрационной толерантности. Развивать фрустрационную толерантность как профессиональную способность необходимо в условиях обучения и воспитания будущих психологов, что будет способствовать преодолению психологических барьеров.

Ключевые слова: агрессивность, зрелость психологическая, импунитивность, интропунитивность, фрустрация, фрустрационная толерантность, фрустрационное состояние, фрустрирующая ситуация, экстрапунитивность.

FRUSTRATION TOLERANCE OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL AND PERSONAL MATURITY

M. Mishina¹, G. Perevoshchikova²

¹ *Moscow Region State University
10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

² *Russian State University for the Humanities
6, Miysskaya pl., Moscow, 125993 Russian Federation*

© СС ВУ Мишина М.М., Перевощикова Г.С., 2018.

Abstract. The article describes the peculiarities of the development of frustration tolerance among psychology students studying at the faculty of psychology and reacting to difficulties in achieving the goal. The study of frustration reactions was carried out using the Rosenzweig technique, which allows one to predict students-psychologists' emotional and frustration reactions on various difficulties in achieving the goal. The article describes the established differences in the manifestation of emotional frustration reactions in different groups of students-psychologists and the features of their psychological defence. This forms the basis for creating psychological and pedagogical conditions for elaborating resistance for frustrating situations, i.e. development of frustration tolerance. It is necessary to develop frustration tolerance as a professional ability in the conditions of training and education of future psychologists. This will help overcome psychological barriers.

Key words: aggressiveness, psychological maturity, impunity, intropunitivity, frustration, frustration tolerance, frustration condition, frustrating situation, extrapunitive.

Актуальный вопрос развития современного общества связан с профессиональным и личностным обучением и воспитанием студенческой молодёжи. Анализ показателей фрустрационных реакций студентов-психологов (занимающих активную или пассивную позиции по отношению к студенческой жизни) на трудности в достижении цели, выполненный на основе методики Розенцвейга, позволил определить программу по развитию фрустрационной толерантности. Использование методики Розенцвейга даёт прогноз эмоциональных фрустрационных реакций у студентов-психологов на трудности при достижении цели. Исследование позволило установить различия в проявлении эмоциональных фрустрационных реакций у различных групп студентов – будущих психологов и выявить степень проявления их фрустрационной толерантности.

Цель: исследовать развитие фрустрационной толерантности у студентов-психологов. *Объектом* исследования являются студенты-психологи, а *предметом* – фрустрационная толерантность.

Гипотеза исследования: создание эффективной программы в вузе по психолого-педагогическому сопровождению студентов-психологов в плане развития их эмоциональной зрелости будет способствовать формированию такого профессионально важного качества, как фрустрационная толерантность.

Метод исследования: тестирование (методика рисуночной фрустрации С. Розенцвейга).

В работе исследовалась степень проявления фрустрационной толерантности у студентов-психологов как профессионального качества. Согласно идее С. Розенцвейга, фрустрация встречается «при непреодолимых препятствиях на пути к удовлетворению жизненных потребностей» [13; 18; 22; 23]. Фрустрацию следует отнести к экстремальным жизненным ситуациям, которые часто являются причинами стресса.

К негативным проявлениям фрустрации относят агрессию, регрессию, реакции избегания и депрессию (Н.Д. Левитов), напряжение, беспокойство (А.В. Махнач, Ю.В. Бушов), без-

различие, апатию и утрату интереса (В.М. Астапов), враждебность, ярость (Т.Г. Румянцева), ревность, зависть (А.И. Плотичер), психосоматические реакции (А. Бандура) [3; 4; 6; 7; 8; 15]. Фрустрационное поведение включает три стадии: агрессию, депрессию и апатию (происходит утрата контроля со стороны воли, дезорганизуется поведение) [11; 14; 16]. Со стороны сознания утрачивается мотивосообразность поведения [5; 7; 8; 12].

В то же время фрустрации выполняют и позитивную роль в жизни человека, так как по мере роста и взросления человек развивается в сложных ситуациях и учится преодолевать фрустрации; происходит мобилизация врождённых ресурсов с целью удовлетворения собственных потребностей [4; 17].

Таким образом, *фрустрация* понимается нами как *психологическое состояние, возникающее в условиях разочарования, неудовлетворённости, неосуществления какой-либо значимой для человека цели, потребности.*

Явление, когда фрустратор не вызывает фрустрации, называется *фрустрационной толерантностью* (способность психологически и эмоционально переносить жизненные сложности) [1; 4; 9; 15; 20; 23]. Фрустрационную толерантность следует обозначить как рассудительность, спокойствие, выносливость, терпеливость и отсутствие внутренних переживаний с резкими реакциями, т. е. использование случившегося события как урока жизни. С. Розенцвейг фрустрационную толерантность понимал как способность субъекта отложить во времени удовлетворение насущной потребности (актуален принцип реальности, а не

удовольствия). Низкий уровень фрустрационной толерантности связан со слабым эго и отсутствием эго-защитных реакций [13; 16; 19; 21; 22; 23].

Способность личности к адекватной оценке фрустрационной ситуации, предвидение выхода из неё отражается в толерантности, которая может быть выражена в совсем спокойном состоянии и в напряжении, но при сдерживании импульсивных реакций. Существует также толерантность равнодушия, за которым скрываются злоба и уныние.

Фрустрационная толерантность разумна и необходима, она выступает как значимое качество личности, её необходимо воспитать [1; 12; 15; 18]. Фрустрационная толерантность формируется в процессе выработки устойчивости эмоционального реагирования на жизненные ситуации.

Таким образом, под фрустрационной толерантностью мы понимаем вслед за С. Розенцвейгом некоторую способность субъекта отложить во времени реакцию на проблемную ситуацию.

Л.М. Митина [15], учитывая свойственную профессиональной деятельности напряжённость, рассматривает фрустрационную толерантность как важное профессиональное качество личности, как способность индивида противостоять сильным отрицательным эмоциональным воздействиям, вызывающим повышенную психическую напряжённость [10]. Для студентов-психологов владение этим качеством является необходимым.

Исследование эмоциональных фрустрационных реакций проводилось на выборке студентов-психологов: 96 человек 3–5 курсов (возраст от 19 до 23 лет).

Дизайн исследования: все респонденты выполнили тест Розенцвейга в соответствии с установленными требованиями к нему. Респонденты были разделены на три группы по степени проявления ими внешней активности в ходе участия во внеучебной деятельности на основе экспертной оценки студенческого актива и анкетирования студентов: группа № 1 – «Активные участники» (n = 34), группа № 3 – «Пассивные участники» (n = 37) и промежуточная группа № 2 – «Участники» (n = 25). В ходе первого этапа исследования в ответах респондентов были определены направления реакций на фрустрирующие ситуации: экстрапунитивные реакции, интропунитивные реакции и импунитивные реакции. Во время второго этапа исследования были выявлены типы этих реакций: «с фиксацией на самоза-

щите», «с фиксацией на препятствии» и «с фиксацией на удовлетворении потребности», – которые проявляются как фрустрационная толерантность. На третьем этапе исследования были получены суммарные профили по направлению реакций и типам фрустрирующих реакций в каждой группе студентов-психологов РГГУ, проведено сравнение полученных результатов со стандартизированными результатами методики Розенцвейга (группа «Студенты РГГУ»).

Эмпирические результаты исследования подверглись математической обработке с помощью метода Манна-Уитни. Значимые различия были получены во всех трёх группах респондентов. Все результаты, полученные в ходе исследования направлений проявления фрустрационных реакций, систематизированы и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Направления проявлений фрустрационных реакций (группы студентов-психологов и стандартизированные результаты исследования «Студенты РГГУ»)

Направления исследования / результаты	Студенты-психологи РГГУ			Стандартизированные результаты – группа «Студенты РГГУ»
	группа № 1 «Активные участники» (n = 34)	группа № 2 «Участники» (n = 25)	группа № 3 «Пассивные участники» (n = 37)	
Направления фрустрирующих реакций				
Общий профиль по направлению реакций	E > I > M	E > I > M	E > I > M	E > I > M
Экстрапунитивность / внешненаправленные реакции E (E, + E + e + E) (сумма реакций)	Статистически значимые различия (метод Манна-Уитни) p = 0,041 10,5		8,7	E = 44%;
		Статистически значимые различия (метод Манна-Уитни) p = 0,041 8,7		
Экстрапунитивность Показатель чистой агрессии – супер-эго паттерн (E – E)	Статистически значимые различия (метод Манна-Уитни) 8,7 / U = 134		Статистически значимые различия (метод Манна-Уитни) 10,1 / U = 115	

Направления исследования / результаты	Студенты-психологи РГГУ			Стандартизированные результаты – группа «Студенты РГГУ»
	группа № 1 «Активные участники» (n = 34)	группа № 2 «Участники» (n = 25)	группа № 3 «Пассивные участники» (n = 37)	
Интропунитивность I = I, + I + i + I (сумма реакций)	Статистически значимые различия (метод Манна-Уитни) 7,9 / U = 127,5		Статистически значимые различия (метод Манна-Уитни) 10,1 / U = 26,6	I = 36%
Импунитивность M = M, + M + m	Статистически значимых различий не обнаружено			M = 30%
Суммарный профиль по направлению реакций	I > e > M 4,7 > 4,4 > 3,1	I > e > M 4,7 > 6 > 2,4	e > M > E 3,4 > 3,1 > 2,6 Сумма баллов по направл, «экстрапунитивность» E = 6,0	E > E, > i 4,8 > 3,8 > 2,8 Сумма баллов по направлению «экстрапунитивность» E = 7,6
Общий профиль по типу реакций				
Тип реакции – NP «На удовлетворении потребности» (Что делать?); Тип реакции ED «Эгозащитный» (Кто виноват?); Тип реакции OD «С фиксацией на препятствии» (Что случилось?)	NP > ED > OD 9,9 > 7,1 > 6,0 Распределение факторов внутри типа реакций – NP I > e > m	ED > NP > OD 8,9 > 6,2 > 6,0 Распределение факторов внутри типа реакций – ED M > E > I	ED > OD > NP 9,9 > 7,7 > 7,6 Распределение факторов внутри типа реакций – ED E > M > I	ED > NP > OD
Диагностические индексы (U. Rauchfleisch)				
Индекс «Направленность агрессии» (E/I) агрессия направлена: – на окружение (<1) – внутрь себя (>1)	3,5 E = 2,1 I = 0,6	2,1 E = 2,1 I = 0,7	6,5 E = 2,6 I = 0,7	E = 2,5 – 7,0; I = 0,5 – 2,5
Индекс «Трансформация агрессии» (E/e) Формы реагирования путем апеллирования к окружающим (<1)	0,5 E = 2,1 e = 4,4	0,6 E = 2,1 e = 3,6	0,8 E = 2,6 e = 3,4	E = 2,5 – 7,0; e = 0,5–3,0
индекс «Решение проблем» (i/:e)	1,07 (>1) i = 4,7 e = 4,4	1,3 (>1) i = 4,7 e = 3,6	0,73 (<1) i = 2,5 e = 3,4	I = 1 – 4,5 e = 0,5 – 3,0
	способность самостоятельно действовать в ситуациях фрустрации		стремление надеяться на помощь и содействие окружающих	

Поясним представленные в таблице полученные направления фрустрационных реакций студентов. Каждый из полученных ответов оценивался в соответствии с теорией С. Розенцвейга по двум критериям: по направлению реакции (агрессии) и по типу реакции.

Анализ результатов по направлению реакций (агрессии). Экстрапунитивные реакции (от англ. *extrapunitive* – внешне карательные, наказующие) внешне-обвинительные реакции (E), направлены вовне, осуждается внешняя причина фрустрации, акцентируется степень фрустрирующей ситуации; носят конструктивный характер, когда требуют разрешения ситуации от другого лица.

Интропунитивные (от англ. *intropunitive* – наказывающие себя) – реакции самообвинения (I), имеют внутреннюю направленность (принятие вины, недовольство собой, угрызение совести). В случае взятия ответственности за разрешение ситуации – проявление способности найти адекватный выход из ситуации фрустрации (конструктивные ответы типа «Я могу...», «Я сделаю сам...» и т. д.); фрустрирующая ситуация принимается как благоприятная для себя в случае, когда она не подлежит осуждению. Импунивные реакции (от англ. *impunitive* – без наказания, некарательные) – реакции безобвинительные (M) – фрустрирующая ситуация рассматривается как нечто незначительное или неизбежное, считается со временем разрешимой сама собой; предполагается отсутствие обвинения других или самого себя (примиряющий способ).

Результаты исследования всех направлений реакций (см. таблицу 1)

представлены в ответах во всех трёх группах студентов, располагаются в порядке их убывающей частоты и совпадают со стандартизованными результатами – «Студенты РГГУ» ($E > I > M$), а это свидетельствует о том, что студенты, относясь к одной возрастной категории, имеют различную степень проявления фрустрирующих реакций в каждой группе.

Направление «экстрапунитивность» представлено суммой различных оценочных категорий (доминирование идеи препятствия в ситуации фрустрации; в ситуациях «препятствия» реакция субъекта обычно направлена на фрустрирующую личность; в ситуации обращения к другому по поводу её разрешения проявляются конструктивные тенденции; активное отрицание вины за совершённый проступок). По данному направлению реакций были получены статистически значимые различия между группами № 1 «Активные участники» (34; 10.5) и группой № 2 «Участники» (25; 8.7), а также между группой № 2 «Участники» (25; 8.7) и группой № 3 «Пассивные участники» (37; 10.1), и в обоих случаях $p = 0,041$ (метод Манна-Уитни). Результаты свидетельствуют о том, что студенты-психологи промежуточной группы № 2 «Участники» более устойчивы в ситуации фрустрации в плане проявления агрессии по сравнению со студентами-психологами крайних групп (№ 1, № 3). В качестве примера можно привести ответы студентов на следующие ситуации. Ситуация: «Мне очень жаль, что мы забрызгали Ваш костюм, хотя так старались объехать лужу». Ответы: «Будьте внимательны и соблюдайте скорость!» (укор); «Езжайте уже дальше!» (возбуждение);

«Надо быть осторожнее!» (грубость); «Неужели профессионалу так трудно объехать?» (скрытое недоброжелательство и озлобленность). Несмотря на то, что первоначально при анализе экстрапунитивных реакций между группами респондентов (группы № 1 и № 3) не были найдены статистически значимые различия, при дальнейшем исследовании по показателю проявления чистой агрессии они были обнаружены (группа № 1 «Активные участники» ($n = 34$; 8.7; $U = 134$) и группа № 3 «Пассивные участники» ($n = 37$; 8.7 / $U = 134$), что может свидетельствовать о том, что студенты группы № 3 «Пассивные участники» не прожили периода острого подросткового кризиса. Проиллюстрируем это на конкретном примере. Ситуация: «Я не могу сейчас Вас принять, хотя вчера мы об этом условились». Ответы: «Вы обязаны меня принять! Я пойду выше!»; «Это возмутительно!»; «Я настаиваю на том, чтобы Вы меня приняли». Таким образом, можно сделать общий вывод, что проявление в первую очередь экстрапунитивных реакций характерно для респондентов (студентов-психологов) всех групп (и в целом для студентов РГГУ), что в принципе характерно для молодых людей «студенческого возраста».

В таблице также представлены статистически значимые различия по направлению «Интропунитивные реакции» (I) – в ситуации фрустрации субъект принимает на себя ответственность за исправление ситуации; открыто признаёт или намекает на свою виновность. Более низкие показатели (внутренние реакции, направленные на защиту своего «Я») оказались в группе № 3 «Пассивные

участники» ($n = 37$; 5.6 и $U = 26.6$) по сравнению с группой № 1 «Активные участники» ($n = 34$; 7.9 и $U = 127.5$) по методу Манна-Уитни, т. е. студенты группы № 3 в меньшей степени готовы в ситуации фрустрации обращаться к своему внутреннему миру по сравнению со студентами группы № 1.

По направлению «Импунитивные реакции» (M), для которых характерна попытка уклониться от упреков со стороны других или самому себе (примиряющая позиция), не были получены значимые различия между тремя группами респондентов по методу Манна-Уитни.

Перейдём к описанию суммарных профилей направлений реакций в группах респондентов, с помощью которых нам удалось выделить типичные черты, характерные для поведения студентов-психологов во время фрустрирующей ситуации. Профили первых двух групп студентов-психологов (группа 1, 2) совпали ($i > e > M$) – на первом месте оказались интропунитивные реакции, представленные фактором «i» (интроупорствующие реакции), предполагающие взятие ответственности за разрешение ситуации (одинаковые показатели в обеих группах (4.7), что подтверждается полученным нами ранее результатом об установлении статистически значимых различий по направлению интропунитивной реакции между группой № 1 «Активные участники» (7.9) и группой № 3 «Пассивные участники». По сравнению со стандартизированными результатами – группа «Студенты РГГУ» ($E > E, > i$), где фактор i (2.8) занимает последнюю позицию, её показатель значительно меньше, чем групп № 1, 2, студенты-психологи этих

групп выглядят более зрелыми личностями (могут взять ответственность за разрешение ситуации). Что касается респондентов группы № 3 «Пассивные участники» ($n = 37$), фактор- i в суммарном профиле у них отсутствует ($e > M > E$), что может свидетельствовать о том, что пассивные студенты-психологи (группа № 3) в личностном плане более инфантильны по сравнению со студентами-психологами первых двух групп и студентами РГГУ, хотя в ситуации фрустрации способны разрешить проблему с помощью другого лица – на что указывает фактор e (экстрапунитивная реакция), который в суммарном профиле в группе № 3 «Пассивные участники» ($n = 37$) стоит на первом месте ($e > M > E$) и указывает на конструктивные тенденции проявления реакций (обращение за помощью, требование разрешить проблему или предположение, что именно другой может найти конструктивное решение). Несмотря на то, что в группе № 1 «Активные участники» ($n = 34$; 4.4) и группе № 2 «Участники» ($n = 25$; 3.3) факторное выражение занимает второе место, количественное его выражение несколько выше ($e = 4.4$; $e = 3.6$) по сравнению со значением в группе № 3 «Пассивные студенты» ($e = 3.4$), что подтверждает наш вывод о более зрелых проявлениях эмоциональных реакций студентами-психологами первых двух групп. В целом проявление экстрапунитивных реакций во всех группах студентов-психологов значительно ниже результатов стандартизированных значений в группе «Студенты РГГУ» (8.6), где в суммарном профиле ($E > E, > i$) наличие двух факторов (E и E), означающих деструктивное проявление агрессивных реак-

ций, направленных вовне (обвинение, порицание, угрозы, враждебность, чаще направленные другому лицу и реже – на неодушевленные предметы). Фактор E представлен только в группе студентов-психологов № 3 «Пассивные участники» ($e > M > E$) и занимает последнюю позицию ($E = 2.6$). Таким образом, на основании сравнения результатов по проявлению реакций экстрапунитивной направленности у студентов-психологов РГГУ со стандартизированными значениями (группа «Студенты РГГУ») можно сделать вывод, что студенты-психологи выглядят намного толерантнее, так как значительно в меньшей степени проявляют агрессивные реакции экстрапунитивной направленности, обращённые на окружающих.

На третьем месте в суммарных профилях по направлению реакций во всех трёх группах студентов-психологов оказались реакции импунитивной направленности (ненаправленные, или безобвинительные, реакции), представленные фактором M (уклонение от упреков). Данная реакция не оказывает прямого действия на разрешение проблемы, но проявление неагрессивного поведения во время фрустрации представляет её ценность в плане проявления позитивной коммуникации, толерантного отношения к фрустрирующему событию (толерантная фрустрация – необходимое качество для будущих психологов). В целом в сравнении со стандартизированными результатами (группа «Студенты РГГУ»), где фактор M не представлен, в плане проявления позитивной коммуникации студенты-психологи выглядят более толерантными в ситуации фрустрации; очевидно, сказываются

их личностные характеристики (социальная направленность) и влияние профессионального психологического образования.

Перейдём к анализу результатов исследования по направлению «Типы реакций». Первое – только в промежуточной группе № 2 «Участники» ($n = 25$) общий профиль типов реакций соответствует нормативным значениям по РГГУ ($ED > NP > OD$), где на первом месте тип реакции ED (эго-защитные и необходимо-упорствующие реакции), активность данной реакции представлена полученным сочетанием направлений реакций ($M > E > I$), где на первом месте представлен фактор M – (уклонение от упрёка, препятствие воспринимается как в принципе преодолимое). Это означает, что студенты-психологи (группа № 2) в ситуации фрустрации способны в первую очередь проявлять позитивные формы коммуникации, которые необходимы будущему психологу.

Профиль типов реакций группы № 1 «Активные участники» ($NP > ED > OD$) принципиально отличается от стандартизированного результата – группы «Студенты РГГУ» ($ED > NP > OD$) – и от результатов других групп. Во-первых, первое место в профиле типов реакции занимает самый продуктивный тип реакции – NP (препятственно-доминантный) «с фиксацией на удовлетворении потребности», указывающий на сформированную способность фрустрационной толерантности – благополучный способ разрешения ситуации ($i > e > m$) за счёт прежде всего фактора- i (способность найти самому конструктивное решение, выход из конфликтной ситуации в форме принятия личной ответственности). Во-вторых, последовательность

типов реакций в общем профиле располагается по проявлению степени значимости типов реакции ($NP > ED > OD$) и указывает на активный процесс личностного развития данных студентов-психологов.

В группа № 3 «Пассивные участники» ($n = 37$) на первом месте в профиле тип реакции ED – эго-защитные реакции (соответствуют результатам группы № 2 и стандартизированным значениям). В отличие от группы № 2 «Участники», где данный тип реакции проявляется прежде всего за счёт фактора M (безобвинительные реакции), в группе № 3 в ситуации фрустрации студенты проявляют в первую очередь агрессию (фактор E) в виде упрёка, порицания или обвинения ($E > M > I$). Самый продуктивный тип реакции NP (*Что делать?*) в профиле на последнем месте и подтверждает вывод, что студенты-психологи группы № 3 не способны самостоятельно конструктивным способом разрешить ситуацию, что свидетельствует об их личностной инфантильности по сравнению с другими студентами-психологами. В целом в рейтинговой последовательности по проявлению зрелости типов фрустрирующих реакций группы респондентов можно представить следующим образом: группа № 1 «Активные участники» ($NP > ED > OD$) – результаты выше нормативных значений (на 1 месте NP – показатель фрустрационной толерантности); группа № 2 «Участники» ($ED > NP > OD$) – результаты соответствуют нормативным значениям (NP – на втором месте) и группа № 3 «Пассивные участники» ($ED > OD > NP$) – результаты ниже нормативных значений (NP – на третьем месте).

Дополнительную информацию о поведении студентов-психологов в

ситуациях фрустрации нам позволили получить индексы У. Раухфлейша [2], применённые с целью оценить специфику фрустрационных реакций по соотношению величин отдельных индексов. По индексу «Направленность агрессии» во всех группах студентов-психологов преимущественная направленность агрессии во фрустрирующих ситуациях оказалась вовне (фактор E), что подтвердило наши результаты по преимущественной направленности реакций экстрапунитива (> 1). Второй индекс «трансформация агрессии» отражает соотношение прямых реакций агрессивности и стремления разрешить фрустрирующую ситуацию с помощью других лиц – во всех группах студентов-психологов фрустрирующие ситуации проявляются конструктивным способом – аппелирование к окружению (фактор e). По третьему индексу «решение проблем» мы получили различия между первыми двумя группами студентов-психологов («Активные участники» ($n = 34$); «Участники» ($n = 25$), которым свойственна способность самостоятельно действовать в ситуациях фрустрации ($i > 1$), и группа № 3 «Пассивные участники» ($n = 37$), где установлено стремление надеяться на помощь и содействие окружающих ($i < 1$)), что подтверждается результатами суммарных профилей направленных реакций в группах респондентов.

Авторы пришли к следующим выводам.

1. Преобладание агрессивных установок у студентов-психологов в виде открытой или скрытой агрессии (экстрапунитивные реакции) с точки зрения позитивной коммуникации указывает на эмоциональную не-

устойчивость, а также нравственную незрелость (несформированность этических норм). При этом наблюдается несформированность фрустрационной толерантности студентов как профессиональной способности разрешать фрустрирующие ситуации благоприятным способом.

2. Предполагается создание программы в вузе по психолого-педагогическому сопровождению студентов-психологов в плане развития их эмоциональной зрелости, которая будет способствовать формированию такого профессионально важного качества, как фрустрационная толерантность. В результате внедрения такой программы можно предположить, что у студентов-психологов станут доминировать фрустрационные реакции импунитивной направленности (безобвинительные реакции).

3. Выявлена закономерность между проявлением степени активности студентов-психологов (во внеучебной деятельности) и степенью их эмоциональной зрелости (рейтинговая последовательность групп студентов-психологов: группа № 1 «Активные участники» ($n = 34$); группа № 2 «Участники» ($n = 25$); группа № 3 «Пассивные участники» ($n = 37$)), что позволяет у студентов-психологов организовать дифференцированный подход в плане воспитания и развития профессионального качества – фрустрационной толерантности.

4. К зрелому типу проявления фрустрационной реакции, в основе которого лежат конструктивные способы разрешения конфликтных ситуаций (способности принять решение самостоятельно или с помощью другого лица), относятся в первую очередь ак-

тивные студенты, во вторую – студенты-психологи промежуточной группы № 2. Представители этих групп обладают более выраженной независимостью личности от фрустрации; у них выражена фрустрационная толерантность (умение выделять главное в проблемных ситуациях, волевые качества, способности адекватно оценивать ситуацию фрустрации).

5. У студентов-психологов существуют противоречивые показатели в результатах направлений фрустрационных реакций: высокий уровень экстрапунитивных, внешне агрессивных реакций при разной степени проявления интропунитивных, внутренне направленных реакций, что указывает на развитие фрустрационной толерантности.

6. Выявлены характерные особенности психологического развития фрустрационной толерантности – неравномерное развитие ранней психологической зрелости (старший подростковый и юношеский возраст). Выявленный

одинаковый профиль проявления направлений реакций во всех трёх группах студентов-психологов и в группе «Студенты РГГУ» ($E > I > M$) свидетельствует о том, что студенты независимо от направления получения образования относятся к одной психологической возрастной категории.

В заключение мы хотим ещё раз подчеркнуть актуальность проблемы формирования фрустрационной толерантности, которая является одним из важнейших условий актуализации и реализации личностного потенциала студента-психолога по преодолению действия неблагоприятных факторов.

Перспектива наших исследований направлена на расширение их в плане диагностики психологических механизмов фрустрационной толерантности у студентов-психологов с целью выявления у них позитивных и негативных эмоциональных состояний.

Статья поступила в редакцию 09.04.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачасова Л.Ю. Толерантность в деятельности современного педагога // Педагогическое образование и наука. 2009. № 11. С. 24–27.
2. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов. М., 2002. 512 с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 2008. 200 с.
4. Гаева А.С. Толерантность – императив политики мультикультурализма // Обозреватель-Observer. 2014. № 5 (292). С. 75–82.
5. Дубовицкая Т.Д., Эрбегеева А.Р. Психологическая поддержка студентов в преодолении фрустрации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5 (2). С. 137–142.
6. Игумнова О.Б. Характеристика и исследование типов комплексов негативных психических состояний у студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 1. С. 13–18.
7. Костенко Е.П., Михалкина Е.В. История менеджмента: учебное пособие. Ростов-н/Д., 2014. 606 с.
8. Кобзева О.В. Динамика агрессивности и её взаимодействия с личностными особенностями в подростковом и юношеском возрастах: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 235 с.

9. Кожухарь Г.С. Проблема толерантности в межличностном общении // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 3–12.
10. Лебедева Я.Е. Мотивационные и атрибутивные факторы агрессивного реагирования в ситуации фрустрации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2017. 26 с.
11. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека: монография. М., 2004. 344 с.
12. Львова Е.Н. Личностное опосредствование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 29 с.
13. Львова Е.Н., Шлягина Е.И., Гусев А.Н. Применение теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания в ситуации неопределенности // Национальный психологический журнал. 2016. № 1. С. 19–27.
14. Минахметова А., Скудельник О. Мотивационная и ценностная направленность учителя как условие формирования у студентов терпимого поведения // Man in India. 2017. № 97 (3). С. 323–332.
15. Митина Л.М. Экспериментальное изучение фрустрационной толерантности учителя // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1990. № 2. С. 63–81.
16. Оршанская М.В. Влияние фрустраций на социализацию подростков: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 219 с.
17. Рачковская Н.А. Психологические механизмы управления эмоциональным состоянием человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2008. № 4. С. 12–17.
18. Розенцвейг С. Психодиагностика. М., 2004. 388 с.
19. Хусейнова С.В., Мишина М.М., Швычков В.Р. Исследование профессиональных аддикций педагогов на основе системного подхода в целях совершенствования безопасности образовательной среды // Man in India. 2017. № 3. С. 467–475.
20. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. 128 с.
21. Эрбегеева А.Р. Психологическая поддержка студентов, находящихся в состоянии фрустрации: дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2009. 192 с.
22. Rosenzweig S. General Outline of Frustration // Character, and person. 1938. Vol. 15. № 2. P. 19–40.
23. Rosenzweig S., Fleming E.E., Rosenzweig L. The children's Form of the Rosenzweig Picture-Frustration Study // The Journal of General Psychology. 1948. Vol. 26. P. 10–12.

REFERENCES

1. Achasova L.Yu. [Tolerance in the modern teacher's activities]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2009, no. 11, pp. 24–27.
2. Bleikher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N. *Klinicheskaya patopsikhologiya* [Clinical psychopathology: manual for doctors and clinical psychologists]. Moscow, 2002. 512 p.
3. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii)* [Psychology of experiences (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow, 2008. 200 p.
4. Gaeva A.S. [Tolerance – the imperative of multiculturalism policy]. In: *Obozrevatel'* [Обозреватель], 2014, no. 5 (292), pp. 75–82.
5. Dubovitskaya T.D., Erbegeeva A.R. [Psychological support for students to overcome frustration]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center, Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 5 (2), pp. 137–142.
6. Igumnova O.B. [Characteristics and research types of complexes, negative mental states of students]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya:*

- Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2013, no. 1, pp. 13–18.
7. Kostenko E.P., Mikhakina E.V. *Istoriya menedzhmenta* [History of management]. Rostov-on-Don, 2014. 606 p.
 8. Kobzeva O.V. *Dinamika agressivnosti i ee vzaimodeistviya s lichnostnymi osobennostyami v podrostkovom i yunosheskom vozrastakh: dis. ... kand. psikhol. nauk* [The dynamics of aggression and its interaction with personal characteristics in adolescence and young ages: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2006. 235 p.
 9. Kozhukhar' G.S. [The problem of tolerance in interpersonal communication]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2006, no. 2, pp. 3–12.
 10. Lebedeva Ya.E. *Motivatsionnye i atributivnye faktory agressivnogo reagirovaniya v situatsii frustratsii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Motivational factors and attribute factors of the aggressive response in the situation of frustration: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Minsk, 2017. 26 p.
 11. Levitov N.D. *O psikhicheskikh sostoyaniyakh cheloveka* [On the mental states of a person]. Moscow, 2004. 344 p.
 12. L'vova E.N. *Lichnostnoe oposredstvovanie vybora strategii sovladaniya v situatsii neopredelenosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal mediation of choosing the coping strategies in the situation of uncertainty: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2017. 29 p.
 13. L'vova E.N., Shlyagina E.I., Gusev A.N. [The application of S. Rosenzweig pictorial frustration test in the study of the characteristics of coping in the situation of uncertainty]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2016, no. 1, pp. 19–27.
 14. Minakhhmetova A., Skudel'nik O. [Motivational and value orientation of teachers as a condition of students' development]. In: *Man in India*, 2017, no. 97 (3), pp. 323–332.
 15. Mitina L.M. [Experimental study of the teacher's frustration tolerance]. In: *Novye issledovaniya v psikhologii i vozrastnoi fiziologii* [New research in psychology and age physiology], 1990, no. 2, pp. 63–81.
 16. Orshanskaya M.V. *Vliyanie frustratsii na sotsializatsiyu podrostkov: dis. ... kand. psikhol. nauk* [The impact of frustrations on the socialization of adolescents: PhD thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg, 2004. 219 p.
 17. Rachkovskaya N.A. [Psychological mechanisms of controlling the emotional state of a person]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2008, no. 4, pp. 12–17.
 18. Rozentsveig S. *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnostics]. Moscow, 2004. 388 p.
 19. Khuseinova S.V., Mishina M.M., Shvychkov V.R. [The systemic approach in studying the teachers' professional addictions with the aim of improving the educational environment safety]. In: *Man in India*, 2017, no. 3, pp. 467–475.
 20. Shneider L.B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnostics]. Moscow, 2007. 128 p.
 21. Erbegeeva A.R. *Psikhologicheskaya podderzhka studentov, nakhodyashchikhsya v sostoyanii frustratsii: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological support of students in a state of frustration: PhD thesis in Psychological sciences]. Samara, 2009. 192 p.
 22. Rosenzweig S. General Outline of Frustration. In: *Character, and person*, 1938, vol. 15, no. 2, pp. 126–160.

23. Rosenzweig S., Fleming E.E., Rosenzweig L. The children's Form of the Rosenzweig Picture-Frustration Study. In: *American Psychologist*, 1948, vol. 26, pp. 10–12.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;

e-mail: mishinamm@yandex.ru;

Первошикова Галина Степановна – аспирант кафедры психологии и методологии образования Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: perevogalina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Mishina – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Pedagogic Psychology, Moscow Region State University (MGOU);

e-mail: mishinamm@yandex.ru;

Galina S. Perevoshchikova – Candidate for the Doctor Degree of the Department of Psychology and Education Methodology, State University of Psychology, named after L. S. Vigotsky; Russian State University for the Humanities;

e-mail: perevogalina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишина М.М., Первошикова Г.С. Фрустрационная толерантность у студентов-психологов как показатель профессиональной и личностной зрелости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 6–19.

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-6-19

FOR CITATION

Mishina M., Perevoshchikova G. Frustration tolerance of students-psychologists as an indicator of professional and personal maturity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 6–19.

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-6-19

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-20-36

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК РЕГУЛЯТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Алдашева А.А., Гуцыкова С.В., Зеленова М.Е.

*Институт психологии Российской академии наук,
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей психической регуляции поведения и деятельности замещающих родителей («социальных воспитателей»). Проблема рассмотрена с позиций социальной психологии труда в контексте работ, направленных на изучение профессиональной успешности субъекта труда при выполнении деятельности. В эмпирическом исследовании изучались составляющие профессионального менталитета (ценностные ориентации и компоненты индивидуального стиля саморегуляции произвольного поведения), выступающие важными регуляторами произвольной активности и межличностного взаимодействия, влияющие на эффективность, качество и результативность труда. Полученные эмпирические факты позволили выявить иерархию ценностных ориентаций замещающих родителей, получить регуляторный профиль, типичный для данной профессиональной группы, определить ряд проблем в содержании профессионального менталитета замещающих родителей, наличие которых может негативно повлиять на благополучие и жизнеспособность профессиональной приёмной семьи.

Ключевые слова: психическая регуляция поведения и деятельности, профессионализм, профессиональный менталитет, замещающая семья, профессия «социальный воспитатель».

PROFESSIONAL MENTALITY AS A REGULATOR OF SOCIAL EDUCATORS' ACTIVITIES

A. Aldasheva, S. Gutsykova, M. Zelenova

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Science,
13, korp.1 Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract. The article examines the peculiarities of the mental regulation behavior and activities of substitute parents (“social educators”). The problem is analyzed from the position of labor

social psychology in the context of works aimed at studying professional success of the labor subject in performing certain work. The empirical study examines the components of professional mentality (value orientations and the components of the individual style of self-regulation of an arbitrary behavior) that are crucial regulators of an arbitrary activity and interpersonal interaction, influencing the effectiveness, the quality and the productivity of labor. The obtained empirical facts have helped reveal the hierarchy of value orientations of substitute parents and obtain a regulatory profile typical for this professional group. Besides, a number of problems in maintaining substitute parents' professional mentality were identified. The presence of substitute parents can negatively affect the well-being and vitality of a professional foster family.

Keywords: *mental* regulation of behavior and activities, professionalism, professional mentality, substitute family, profession "social educator".

Введение

Изучение особенностей психической регуляции поведения и деятельности в процессе решения трудовых задач по-прежнему относится к числу наиболее значимых и актуальных направлений психологии труда. Как показывает анализ эмпирических и теоретических исследований, структура самосознания, ценностные ориентации, особенности личностной и профессиональной идентичности играют ведущую роль в организации взаимодействия и достижении конечных целей трудового процесса. Профессионализм как интегральное свойство субъекта труда включает не только наличие необходимых знаний и умений, но и личностные характеристики индивида, его мотивационно-профессиональную направленность, а также сформированность компонентов системы осознанной регуляции поведения и деятельности, определяющих эффективность выполнения трудовых задач, результативность и качество получаемого продукта [8; 9; 15; 22 и др.].

Изучение профессионализма, структуры профессиональной компе-

тентности, выделение компетенций и их диагностика в разных видах трудовой деятельности в организационной психологии и психологии труда неразрывно связаны с исследованием особенностей профессионального менталитета, с выявлением условий и этапов его формирования в процессе обучения и последующей профессионализации [1; 23].

Профессиональный менталитет относится к числу многомерных психологических феноменов со сложной и многоуровневой структурой. В его составе чаще всего выделяют такие обобщённые компоненты, как когнитивный (представления, установки, ценностные ориентации и т. д.), эмоциональный (аффективное отношение) и поведенческий (модели и поведенческие стереотипы, традиции и т. д.) [29]. Одной из наиболее важных функций профессионального менталитета является регуляция трудовой деятельности, эффективность которой проявляется через качественные характеристики итогового продукта и полноту достижения цели.

Таким образом, профессиональный менталитет раскрывается через осо-

бенности восприятия мира, способы мышления, поведения и деятельности, т. е. проявляется как профессиональное видение, в котором представлены атрибуты профессиональной культуры, включающие не только ценности, заложенные в характере профессиональной деятельности, но и *образ Я-профессионала*. В этом смысле профессиональный менталитет сопоставим с часто используемым в психолого-педагогической литературе понятием «профессиональная ментальность», которую некоторые авторы относят к динамическим подструктурам менталитета, связанным с индивидуальным ментальным опытом, и которая находит своё отражение в профессиональной деятельности личности или группы [3; 10; 20].

Исследователи отмечают, что формирование профессионального менталитета является неотъемлемой частью процесса профессиональной подготовки специалиста. При этом указывается, что содержание профессионального менталитета и его регуляторная функция зависят от множества условий, включая: интериоризированные знания, сформированные ПВК, культуру организационной среды, в которую попадает конкретный специалист, его личностные особенности, нравственные и моральные нормы, взгляды и ценности, а также степень рефлексии собственной ответственности за последствия принимаемых решений в профессиональной деятельности [7; 14; 16 и др.].

В эмпирических работах, выполненных в парадигме дифференциального подхода, выявлены роли различных аспектов профессионального менталитета, в том числе выполняю-

щих функции осознанной регуляции произвольной активности субъекта в трудовом процессе. Были показаны индивидуальная направленность профессионала к программированию, планированию, оценке значимых внешних и внутренних условий деятельности, его самостоятельность и способность к коррекции активности на разных этапах достижения цели. В рамках данного подхода описаны основные индивидуально-стилевые характеристики представителей разных профессий и выделены эффективные и неэффективные регуляторные профили [13; 19 и др.].

Поскольку менталитет всегда проявляется у представителя той или иной социальной группы, а в случае профессионального менталитета – группы профессионалов, он несёт на себе явный отпечаток культурологического и/или социокультурного феномена. Некоторые авторы связывают профессиональный менталитет с определённым, устойчивым характером взаимоотношений и профессиональной позицией работника, опосредованными системой мотивационно-ценностных ориентаций, регулирующих поведение человека в профессиональной деятельности [17; 25].

Соответственно, общим (родовым) для профессионального менталитета выступает национальный менталитет, включающий культурные особенности, исторический путь развития нации, общности, социальной группы и определяющий представление о профессионале практически в любой сфере деятельности. В то время как специфичное в профессиональном менталитете формируется по принципу обратной связи, как со-

ответствие профессионала ожиданиям социума главным образом по критериям морально-нравственного характера.

Профессиональный менталитет и заложенное в него представление о нормах поведения и морально-нравственных установках регулируют поведение работника в широком спектре ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью, и в ряде профессий он трактуется как этический кодекс. Известными примерами свода правил социально одобряемого поведения являются «клятва Гиппократ» в медицине, этический кодекс психолога, психотерапевта и др. Подобные нормы профессионального поведения предписывают нести ответственность за результат и последствия своих действий, а стоящие за ними ценностно-смысловые установки выступают регуляторами поведения работника. Подобные стандарты профессионального поведения служат основанием для саморефлексии профессиональной группы в целом и конкретного профессионала.

Однако следует понимать, что в условиях динамично развивающегося общества, социальных изменений и стремительной трансформации, затрагивающей в том числе и сферу профессиональной деятельности, новые профессии могут появляться как вызов на запрос общества в недрах традиционной профессии или быть привнесёнными глобализацией экономики. В первом случае профессиональный менталитет эволюционно включён в развитие профессии, а во втором – формируется путём адаптации «глобального прототипа», т. е. его картины мира, к культурному своеобразию конкретного общества.

К традиционным для российской культуры и исторического пути развития профессиональным сферам относятся, к примеру, социально-ответственные профессии – учителя, воспитатели, медицинские работники и другие представители данного типа профессии, к которым социум предъявляет в основном требования нравственного характера, атрибутирующиеся как к профессиональному менталитету, так и к образу Я-профессионала. Эта сфера профессиональной деятельности не только крайне востребована обществом, но и в первую очередь ориентирована на социально-значимый результат и является важной для жизни и здоровья конкретного человека, социальных групп и общества в целом.

В коммерциализированных сферах деятельности общество принимает ориентацию предприятий на финансовую состоятельность: прибыльность, рентабельность и пр., – но ожидает транспарентности как прозрачности, доступности, открытости в отношении общественности.

Регуляторная функция профессионального менталитета тесно связана и с характером организационной культуры, внешние признаки которой отражают особенности профессионального менталитета, могут сильно варьироваться в зависимости от конкретных организационных условий, от давления со стороны непосредственного организационного контекста и его специфики [14].

Схематически регуляторная функция ценностно-смысловых аспектов профессионального менталитета нами представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Ценностно-нормативный аспект профессионального менталитета

К группе социально-ответственных профессий принадлежит и профессия замещающих родителей. Профессиональная деятельность замещающих родителей, или «социальных воспитателей» (согласно наименованию, предложенному в законопроекте ГД), относится к числу социономических профессий с высоким уровнем социальной ответственности [6]. Цели и задачи замещающих родителей включают создание условий для физического и психо-эмоционального развития приёмных детей, формирования ценностно-смысловой основы поведения ребёнка, обеспечения успешной социализации. Социальные ожидания со стороны государства и социума как заказчиков в отношении деятельности профессиональной приёмной семьи главным образом связаны с коррекцией отрицательных последствий пребывания ребёнка в попечительском учреждении или неблагополучной кровной семье, а также оказанием по-

мощи приёмным детям в освоении навыков социального поведения и самостоятельной ответственной жизни [28].

Деятельность замещающих родителей юридически основывается на подписании договора о предоставлении услуг по воспитанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения взрослого. Забота о ребёнке осуществляется на возмездной основе, что предполагает профессиональную вовлечённость замещающих родителей в воспитательный процесс. Заключение контракта между заказчиком и исполнителем предполагает некоторые условия, выполнение которых требует наличия определённых профессионально важных знаний, навыков и личностных качеств, включая сформированность регуляторных компонентов профессионального менталитета [4; 5; 12].

В данной деятельности специфика труда и соответствие конечного результата ожиданиям социума во многом

определяется индивидуально-личностными характеристиками субъекта труда, а личность педагога-воспитателя является важнейшим условием и инструментом в профессионально обусловленном воспитательном процессе [2; 18; 27].

Признание новой профессии с позиций психологии труда предполагает разработку научно обоснованной системы требований как к уровню профессиональной подготовки (включая сформированность ценностно-смысловых аспектов профессионального менталитета), так и к индивидуально-личностным характеристикам кандидатов в профессиональные приёмные родители. В настоящее время в обществе преобладают позитивные представления о замещающих семьях, принимающих на воспитание детей из попечительских учреждений [26]. Однако проблема диагностики личностной и профессиональной пригодности кандидатов к данному виду деятельности по-прежнему остаётся в центре внимания специалистов, а её практическая актуальность обоснована неблагоприятной статистикой вторичных возвратов и ростом случаев насилия над детьми, проживающими в приёмных семьях [24].

Цель и инструментарий эмпирического исследования

Целью представленного исследования выступило изучение особенностей профессионального менталитета у замещающих родителей (социальных воспитателей). Исследовались такие его составляющие, как структура ценностно-смысловых установок и степень развития компонентов системы осознанной саморегуляции. Были использованы следующие психологические методики:

– методика М. Рокича «Ценностные ориентации» (ЦО), позволяющая получить иерархизированные списки двух групп ценностей – «терминальных» (ценности-цели, список А) и «инструментальных» (ценности-средства, список Б);

– методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), позволяющая получить суммарный индекс «общий уровень саморегуляции» (ОУ), а также охарактеризовать такие его компоненты, как «планирование» (Пл), «моделирование» (М), «программирование» (Пр), «оценка результатов» (Ор), «гибкость» (Г), «самостоятельность» (С).

Основную выборку исследования составили замещающие родители («социальные воспитатели»), воспитывающие приёмных детей на основе социального договора (возмездно): $n = 102$, средний возраст $M = 46 \pm 7$ года, количество приёмных детей 4 ± 32 , количество родных детей $2,23 \pm 1,55$; стаж приёмного родительства $3,92 \pm 5$ лет. С целью статистического обоснования особенностей психической регуляции у социальных воспитателей была обследована и группа «обычных родителей», которую составили среднестатистические родители $n = 76$, средний возраст – $38,69 \pm 8,04$, количество детей – $1,83 \pm 0,37$, стаж работы – $13,57 \pm 11,17$ лет. В ходе статистической обработки и анализа материалов данные тестирования «социальных воспитателей» (СВ) сравнивались с результатами «обычных родителей» (ОР). Помимо этого были использованы данные, полученные с помощью методики ССПМ на выборке учителей средней общеобразовательной школы ($n = 70$, средний возраст – $41,56 \pm 11,91$), которые были

любезно предоставлены доцентом кафедры педагогической психологии МГППУ В.В. Барабановой.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программ SPSS. Применялись методы корреляционного анализа (k Спирмена, τ Кендалла) и сравнительного анализа (U -критерий Манна-Уитни, t -критерий Стьюдента).

Результаты эмпирического исследования и их анализ

1. Исследование структуры ценностных ориентаций

Результаты статистической обработки, позволившие получить иерархию терминальных и инструментальных ценностей социальных воспитателей, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Иерархия терминальных и инструментальных ценностей у социальных воспитателей

Ранги	Терминальные ценности (список А)	Инструментальные ценности (список Б)
1	любовь	ответственность
2	счастливая семейная жизнь	честность
3	здоровье	жизнерадостность
4	жизненная мудрость	образованность
5	активная деятельная жизнь	чуткость
6	уверенность в себе	воспитанность
7	наличие верных друзей	рационализм
8	интересная работа	терпимость
9	продуктивная жизнь	самоконтроль
10	развитие	аккуратность
11	познание	исполнительность
12	материально обеспеченная жизнь	широта взглядов
13	счастье других	эффективность в делах
14	свобода	независимость
15	общественное признание	твёрдая воля
16	творчество	смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов
17	красота природы и искусства	высокие запросы
18	развлечения	непримиримость к недостаткам

Как показывает анализ таблицы 1, ранговые места с 1-го по 6-ое (наиболее значимые терминальные ценности) занимают «любовь», «счастливая семейная жизнь», «здоровье», «жизненная мудрость», «активная деятельная жизнь», «уверенность в себе». Такие ценности, как «развлечения», «красота

природы и искусства», «творчество», «общественное признание», «свобода», «счастье других» получили ранговые места с 13-го по 18-й (наименее значимые терминальные ценности). Это означает, что социальные воспитатели в качестве основных целей, выступающих главными ориентирами

на жизненном пути, выделяют традиционные общечеловеческие ценности, а их убеждения можно охарактеризовать как имеющие альтруистическую направленность.

Анализ инструментальных ценностей (список Б) показывает, что такие ценности-средства, как «эффективность в делах» (трудолюбие, продуктивность в работе), «независимость» (способность действовать самостоятельно, решительно), «твёрдая воля» (умение настоять на своём, не отступать перед трудностями), а также «смелость в отстаивании своего мнения, взглядов», имеющие большое значение для успешности профессиональной деятельности педагога-воспитателя, относятся приёмными ро-

дителями к наименее значимым, что вызывает определённые вопросы и тревогу.

В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа, отражающие степень согласованности в ценностных установках двух групп респондентов – «социальных воспитателей» и «обычных родителей». Сравнительный анализ проводился как в отношении «наиболее значимых» и «наименее значимых» ценностей из списков А и Б, так и относительно ценностей, составляющих такие альтернативные группы, как «абстрактные – конкретные», «альтруистические – индивидуалистические», «самоутверждения – принятия других», «общения – дела» и т. д.

Таблица 2

Статистическая достоверность коэффициентов согласованности в ценностях «социальных воспитателей» и «обычных родителей»

Показатели	Группы ценностей по М. Рокичу											
	ТЦ	ИЦ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Наличие достоверных взаимосвязей в ценностных установках СВ и ОР	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	-	+

Примечание: ТЦ – терминальные ценности; ИЦ – инструментальные ценности; 1 – ценности профессиональной самореализации; 2 – ценности личной жизни; 3 – этические ценности; 4 – ценности общения; 5 – ценности дела; 6 – индивидуалистические ценности; 7 – конформистские ценности; 8 – альтруистические ценности; 9 – ценности самоутверждения; 10 – ценности принятия других.

Как следует из таблицы 2, общие смысловые ориентации и способности достижения жизненных целей у «социальных воспитателей» и «обычных родителей» имеют достоверно значимый уровень согласованности, что означает близость ценностных установок у представителей сравниваемых групп. Более детальный анализ

показал, что социальные воспитатели и обычные родители расходятся в своих взглядах относительно значимости таких групп ценностей, как «ценности дела», «индивидуалистические ценности» и «ценности самоутверждения», т. е. социальные воспитатели в меньшей степени ориентированы на «индивидуалистические ценности»,

которые, согласно М. Рокичу, подразумевают рационализм, независимое и волевое поведение, смелость в отстаивании своей позиции, способность не отступать перед трудностями. Ценности группы «самоутверждение в жизни» – «направленность на высокие достижения», «решительность в поступках», «расширение кругозора», «культурное и интеллектуальное развитие» – также являются для приёмных родителей менее значимыми. Важно отметить, что социальные воспитатели по сравнению с родителями придают меньше значения «ценностям дела» – «исполнительности», «аккуратности», «трудолюбию», «продуктивности в работе». Выявленные

факты не могут не вызывать тревоги и требуют дополнительного рассмотрения – регуляторная функция перечисленных ценностей важна в любом виде деятельности, и особенно в ситуации заботы о больных и «проблемных детях», нуждающихся в медицинской помощи и воспитательной коррекции.

2. Исследование компонентов осознанного стиля саморегуляции

В таблице 3 представлены результаты межгруппового сравнительного анализа компонентов индивидуальной системы саморегуляции поведения и деятельности в группах социальных воспитателей, обычных родителей и учителей средней школы.

Таблица 3

Сравнение «социальных воспитателей» (СВ) с «обычными родителями» (ОР) и «учителями» (У) по шкалам ССПМ

Шкалы ССПМ	Средние значения шкал ССПМ			Значимость ($P \leq$)	
	СВ	ОР	У	СВ-ОР	СВ-У
Планирование	6,53	6,18	6,16	0,28	0,33
Моделирование	7,19	6,11	5,67	0,001	0,001
Программирование	6,60	5,73	6,22	0,001	0,15
Оценка результатов	6,43	6,57	5,96	0,53	0,04
Гибкость	6,34	5,82	5,82	0,07	0,58
Самостоятельность	3,49	4,59	4,87	0,01	0,001
ОУ ССПМ	32,54	30,30	29,9	0,01	0,04

Как показывает анализ, общий уровень осознанной саморегуляции (ОУ ССПМ) в группе социальных воспитателей значимо выше, чем у респондентов двух других групп, т. е. проведённое обследование социальных воспитателей выявило наличие у них хорошо развитой осознанной системы представлений, позволяющих создавать планы и модели поведения,

поэтапно программировать и гибко реагировать на изменения условий среды и тем самым осуществлять регуляцию поведения в соответствии с условиями среды. Как следует из литературных источников, показатель ОУ ССПМ наиболее тесно взаимосвязан с настойчивостью и упорным стремлением двигаться в направлении поставленных целей. Он также имеет зна-

чимые корреляционные взаимосвязи с ожиданием одобрения со стороны социума и такими характеристиками, как самоуверенность, самопонимание, стремление к самоактуализации, и на-

ходится в обратной связи с переживанием чувства вины [19]. Типичный профиль стиля саморегуляции социальных воспитателей представлен на рис. 2.

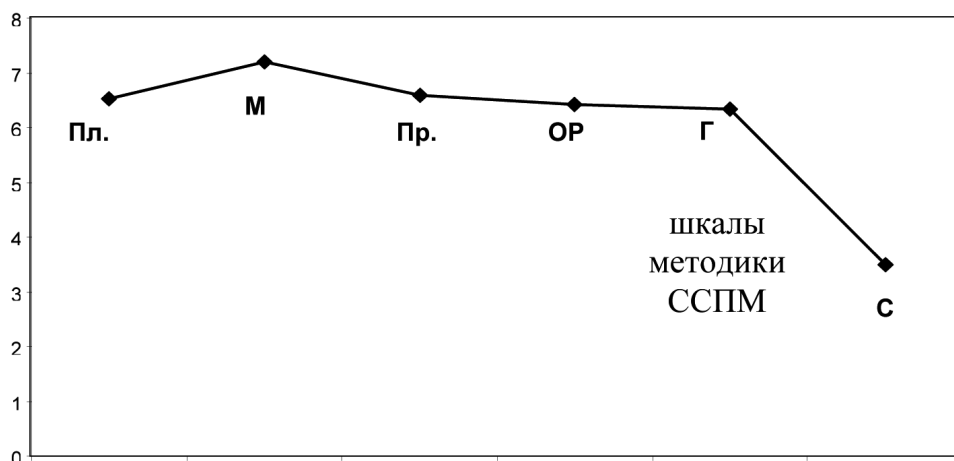

Рис. 2. Типичный профиль стиля саморегуляции поведения и деятельности социальных воспитателей

Анализ его структуры показывает, что данный профиль является «гармоничным регуляторным профилем» с высокой степенью осознанности и взаимосвязанности входящих в него составляющих. Наиболее развитыми структурными компонентами у социальных воспитателей выступают «моделирование» и «программирование». Содержательно это означает высокую степень осознанности намерений и поступков, сознательное планирование социальными воспитателями любой деятельности и общей активности, умение анализировать, дифференцировать и учитывать степень значимости и трансформацию условий среды, включая появление новых обстоятельств и препятствий на пути к достижению целей. Важно отметить, что развитость компонента «моделиро-

вание» предполагает реалистичность поставленных целей и адекватность выстраиваемой модели поведения. Развитость регуляторного компонента «программирование» свидетельствует о склонности к построению детализированных схем предстоящих действий, высоком уровне осознанности поступков и отсутствии импульсивности в поведении. Среди всех компонентов регуляторного профиля социальных воспитателей наименее развит компонент «самостоятельность». Его значение, как видно из таблицы 3, статистически ниже, чем у респондентов других групп, т. е. у социальных воспитателей наблюдается более низкий уровень личностной автономности, что показывает их ориентацию на мнения и оценки окружающих и высокую степень зависимости от этого.

Общая оценка регуляторного профиля социальных воспитателей позволяет сделать вывод об их высокой способности к освоению новых видов активности и успешному совладанию с незнакомыми и непривычными ситуациями.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, направленного на изучение ценностно-смысловых и регуляторных составляющих профессионального менталитета, способных оказать влияние на успешность профессиональной деятельности социальных воспитателей и благополучие приёмной семьи, следует подчеркнуть значение следующих эмпирически полученных результатов.

Установлено, что в ценностно-смысловом пространстве социальных воспитателей доминируют альтруистические, социально-значимые установки, которые занимают приоритетные позиции в иерархии жизненных целей родителей, принявших на воспитание детей из социальных учреждений. Этот позитивный результат важно выделить на фоне общей тенденции, которая устойчиво прослеживается в последние годы в мировой практике приёмного родительства и выражается в снижении уровня альтруизма и росте материально-прагматической направленности усыновителей [21]. Однако при рассмотрении структуры ценностей социальных воспитателей с позиции её регуляторной функции и ориентированности на значимый результат установлено, что между жизненными целями и способами их достижения у приёмных родителей наблюдаются определённые

противоречия. Так, выдвигая «счастливую семейную жизнь» на одну из ведущих позиций в списке основных жизненных целей, социальные воспитатели не уделяют внимания значимым способам-средствам (инструментальным ценностям), без опоры на которые достижение данной цели проблематично. Профессиональная приёмная семья представляет собой сложноструктурированную группу, включающую детей разного возраста с психосоматическими проблемами и опытом психологической травматизации. Как показал проведённый ранее анализ литературных источников, замещающие родители не совсем чётко представляют проблемы, которые им предстоит решать, принимая детей, требующих специального ухода. Забота о таких детях базируется на любви, но одновременно предполагает наличие осознанных установок на самодисциплину, самоконтроль, самостоятельность и трудолюбие. Эффективность регуляции трудовой деятельности, в основе которой лежит сформированность профессионального менталитета, в данном случае наталкивается на многочисленные пробелы в его содержании – отсутствие профессионально важных знаний из области педагогической и детской психологии, позволяющих избежать ряда ошибок, аккумуляция которых приводит к неразрешимости конфликта и может завершиться отказом от усыновлённого ребёнка. Результаты проведённого исследования показали также, что для социальных воспитателей не значимы ценности, связанные с профессиональной реализацией, т. е. в менталитете приёмных родителей их деятельность по воспитанию детей не выступает как

профессия, а образ «Я-профессионал» и профессиональная идентичность либо слабо структурированы, либо не сформированы вовсе. Возможно, это во многом связано с трудностями профессиональной идентификации в условиях деятельности, когда родительские и профессиональные обязанности тесно переплетены и образы «Я-родитель» и «Я-профессионал» не имеют однозначно очерченных границ [11]. Отсюда следует, что формирование профессионального менталитета, особенно содержания его когнитивного компонента как необходимого условия, определяющего степень готовности к деятельности социального воспитателя, является приоритетной задачей при рассмотрении вопросов подготовки кандидатов, желающих стать профессиональными приёмными родителями.

Исследование особенностей регуляторной функции профессионального менталитета на уровне индивидуально-типических способов достижения цели позволило установить, что системе осознанной регуляции произвольной активности приёмных родителей, профессионально выполняющих обязанности по воспитанию и социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения взрослых, можно охарактеризовать как развитую, имеющую «средний уровень» сформированности. Характерные для данной профессиональной группы способы осознанной организации поведения и деятельности нашли своё выражение в структуре типичного профиля стиля саморегуляции, который является «гармоничным профилем», имеет равнозначную степень развитости всех элементов и хорошую степень их со-

гласованности. Анализ профиля свидетельствует о высокой способности социальных воспитателей управлять своим поведением в разных жизненных ситуациях через планирование, моделирование, построение программ, направленных на поэтапное достижение целей, оценку и гибкую коррекцию своих действий в соответствии с обстоятельствами. Гармоничность профиля саморегуляции, согласно имеющимся в психологии данным, является предиктором и основой эффективности любой деятельности, осуществляемой индивидом, а также свидетельствует о наличии лидерского потенциала и способности к управлению другими людьми. Со стороны личностной направленности данный профиль можно классифицировать как характерный для лиц с преобладанием установок на жизненную самоактуализацию. Относительно низкие показатели «самостоятельности», которые у социальных воспитателей всё-таки не выходят за границы средних нормативных значений методики ССПМ, возможно, во многом определяются высоким уровнем внешней регламентации жизнедеятельности приёмной семьи, что предполагает ограничения в проявлении независимости и автономности.

В заключение следует подчеркнуть, что разные аспекты самосознания и степень их отражения в содержании профессионального менталитета в разной степени вовлечены в процесс регуляции поведения и деятельности. Индивидуально-типические особенности стиля саморегуляции выступают как необходимое условие эффективности любой активности, и в этой связи мы получили позитивный результат. Однако ведущую роль в

успешности реализации деятельности в социально-ответственных социомических видах труда учёные отводят субъектным характеристикам и профессионализму субъекта труда. Как показало проведённое исследование, профессиональный менталитет со-

циальных воспитателей нуждается в целенаправленном формировании соответствующих компонентов, необходимых для эффективного выполнения регуляторной функции.

Статья поступила в редакцию 11.05.2018 г.

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENTS

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФАНО РФ № 0159-2018-0001.

The study was carried out in the framework of the state task of FANO RF № 0159-2018-0001.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашева А.А. Профессиональная компетентность: понятие и структура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 4 (109). С. 121–128.
2. Алдашева А.А., Зеленова М.Е. К проблеме построения профессиограммы специалиста «замещающий родитель» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 99–114.
3. Алдашева А.А., Зеленова М.Е. Профессиональный менталитет приемных родителей как фактор успешности замещающей семьи [Электронный ресурс] // Вестник Университета Российской академии образования: [сайт]. 2017. № 5. URL: <http://vestnik-urao.ru/wp-content/uploads/2016/03> (дата обращения: 10.04.2018).
4. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В. Ценностные ориентации у профессиональных приемных родителей // Психологические проблемы смысла жизни и акме: электронный сборник материалов XXII симпозиума / под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. URL: <http://www.pirao.ru/about/structure/laboratories/24/karova> (дата обращения: 12.04.2018).
5. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Понаморёва Е.А., Рунец О.В. Анализ особенностей индивидуального стиля саморегуляции у замещающих родителей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 54–74.
6. Анализ законопроекта о социальных воспитателях [Электронный ресурс] // Родительское всероссийское сопротивление: [сайт]. URL: <http://r-v-s.su/statia/analiz-zakonoproekta-o-socialnyh-vospitatelyah> (дата обращения: 15.04.2018).
7. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. 425 с.
8. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности: теоретические и прикладные проблемы. М., 2006. 624 с.
9. Дикая Л.Г. Социально-психологические и личностные аспекты саморегуляции функционального состояния человека // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М., 2012. С. 163–181.
10. Дорохова Т.С. Профессиональная ментальность российского педагога // Педагогическое образование в России. 2016. № 3. С. 126–131.

11. Ермолаева Е.П. Идентификационные аспекты профессиональной приемной семьи [Электронный ресурс] // Мир науки: [сайт]. 2015. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
12. Жуйкова В.Б., Панюшина Т.Д. Понятие профессиональности позиции принимающего родителя // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4. С. 83–101.
13. Зеленова М.Е. Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 69–82.
14. Климов Е.А. Профессиональный менталитет и психоэкологическая гипотеза // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 140–149.
15. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980. 256 с.
16. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб., 2005. 940 с.
17. Митина Л.М. Психологические особенности смысложизненных ориентаций современного человека: профессионал или маргинал // Психологические проблемы смысла жизни и акме: электронный сборник материалов XXII симпозиума / под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. URL: <http://www.pirao.ru> (дата обращения: 20.04.2018).
18. Митина Л.М. Смысл жизни как рефлексивный ресурс профессионального развития педагога // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 4. С. 81–89.
19. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. М., 2007. 215 с.
20. Попова Е.А. Понятие профессионального менталитета в научной литературе // Казанский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 47–55.
21. Проблемы сиротства в современной России: психологический аспект / отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М., 2015. 670 с.
22. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М., 2009. 352 с.
23. Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002. 396 с.
24. СК предлагает пересмотреть порядок усыновления из-за насилия над детьми [Электронный ресурс] // ИЗВЕСТИЯ IZ: [сайт]. URL: <https://iz.ru/703937/2018-02-03/sk-predlagaet-peresmotret-poriadok-usynovleniia-iz-za-nasiliia-nad-detmi> (дата обращения: 19.04.2018).
25. Соколов А.Г. Менталитет как категория исследования в педагогике и психологии [Электронный ресурс] // Педагогические науки. 6. Социальная педагогика. URL: http://www.rusnauka.com/18_NPM_2008/Pedagogica/34638.doc.htm (дата обращения: 25.04.2018).
26. Читао Р.А. Особенности субъективных представлений о замещающих родителях: гендерный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 2. С. 47–58.
27. Чудновский В.Э. Смысл жизни и личность // Психологические проблемы смысла жизни и акме: электронный сборник материалов XX симпозиума / под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. URL: <http://www.pirao.ru> (дата обращения: 10.04.2018).
28. Шульга Т.И. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 3. С. 73–82.
29. Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 29. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.04.2018).

REFERENCES

1. Aldasheva A.A. [Professional competence: the concept and structure]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Adyge State University. Series 3: Pedagogy and psychology], 2012, no. 4 (109), pp. 121–128.
2. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. [The problem of creating profессиogram of the specialist “substitute parent”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2016, no. 1, pp. 99–114.
3. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. [Professional mentality of the adoptive parents as a factor in the success of foster families]. In: *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2017, no. 5. Available at: <http://vestnik-urao.ru/wp-content/uploads/2016/03> (accessed: 10.04.2018).
4. Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Runets O.V. [Value orientation of professional foster parents]. In: Weiser G.A., Kiselnikova N.V., Popova T.A., eds. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme: elektronnyi sbornik materialov XXII simpoziuma* [Psychological problems of life sense and acme: an electronic collection of materials of the XXII symposium]. Available at: <http://www.pirao.ru/about/structure/laboratories/24/karpova> (accessed: 12.04.2018).
5. Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Ponamoreva E.A., Runets O.V. [The analysis of peculiarities of individual style of self-regulation of substitute parents]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and work psychology], 2017, vol. 2, no. 1, pp. 54–74.
6. [Analysis of the draft law on social educators]. In: *Roditel'skoe vserossiiskoe soprotivlenie* [All-Russian parental resistance]. Available at: <http://r-v-s.su/statia/analiz-zakonoproekta-o-socialnyh-vospitatelnykh> (accessed: 15.04.2018).
7. Berns R. *Razvitie YA-kontseptsii i vospitanie* [The development of self-concept and education]. Moscow, 1986. 425 p.
8. Bodrov V.A. *Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Psychology of professional activity: theoretical and applied problems]. Moscow, 2006. 624 p.
9. Dikaya L.G. [Socio-psychological and personal aspects of self-regulation of human functional state]. In: Bodrov V.A., Zhuravlev A.L., eds. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 4*. [Actual problems of psychology of labor, engineering psychology and ergonomics. Issue 4]. Moscow, 2012, pp. 163–181.
10. Dorokhova T.S. [Professional mentality of a Russian teacher]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2016, no. 3, pp. 126–131.
11. Ermolaeva E.P. [The identifying aspects of professional foster family]. In: *Mir nauki* [The world of science], 2015, no. 4. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf> (accessed: 15.04.2018).
12. Zhuikova V.B., Panyushina T.D. [The concept of professional position of an accepting parent]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2015, no. 4, pp. 83–101.
13. Zelenova M.E. [Individual style of self-regulation as an internal resource stress resistance for the subjects of labor activities]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2013, no. 1, pp. 69–82.
14. Klimov E.A. [Professional mentality and psihopatologicaka hypothesis]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 1995, no. 6, pp. 140–149.

15. Konopkin O.A. *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatelnosti* [Psychological mechanisms of regulation of activity]. Moscow, 1980. 256 p.
16. Kraig G., Bokum D. *Psikhologiya razvitiya* [Developmental psychology]. Saint Petersburg, 2005. 940 p.
17. Mitina L.M. [Psychological characteristics of life-meaningful orientations of modern man: professional or marginal]. In: Weiser G.A., Kiselnikova N.V., Popova T.A., eds. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme: elektronnyi sbornik materialov XXII simpoziuma* [Psychological problems of life sense and acme: an electronic collection of materials of the XXII symposium]. Available at: <http://www.pirao.ru> (accessed: 20.04.2018).
18. Mitina L.M. [The meaning of life as a reflexive resource for a teacher's professional development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2014, no. 4, pp. 81–89.
19. Morosanova V.I., Aronova E.A. *Samoznanie i samoregulyatsiya povedeniya* [Self-awareness and self-regulation of behavior]. Moscow, 2007. 215 p.
20. Popova E.A. [The concept of a professional mentality in scientific literature]. In: *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan pedagogical journal], 2010, no. 2, pp. 47–55.
21. Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstukh N.N., eds. *Problemy sirotstva v sovremennoi Rossii: psikhologicheskii aspekt* [The problems of orphans in contemporary Russia: the psychological aspect]. Moscow, 2015. 670 p.
22. Prokhorov A.O. *Smyslovaya regulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii* [Semantic regulation of mental states]. Moscow, 2009. 352 p.
23. Raven D. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitie i realizatsiya* [Competence in modern society: identification, development and implementation]. Moscow, 2002. 396 p.
24. [Investigating Committee proposes to revise the procedure of adoption owing to growing child abuse]. In: *IZVESTIYA IZ* [NEWS IZ]. Available at: <https://iz.ru/703937/2018-02-03/sk-predlagaet-peresmotret-poriadok-usynovleniia-iz-za-nasilii-a-nad-detmi> (accessed: 19.04.2018).
25. Sokolov A.G. [Mentality as a category of research in pedagogy and psychology]. In: *Pedagogicheskie nauki. 6. Sotsial'naya pedagogika*. [Pedagogical science. 6. Social pedagogy]. Available at: http://www.rusnauka.com/18_NPM_2008/Pedagogica/34638.doc.htm (accessed: 25.04.2018).
26. Chitao R.A. [Features of substitute parents' subjective perceptions: gender aspect]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2014, no. 2, pp. 47–58.
27. Chudnovsky V.E. [The meaning of life and personality]. In: Weiser G.A., Kiselnikova N.V., Popova T.A., eds. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme: elektronnyi sbornik materialov XX simpoziuma* [Psychological problems of life sense and acme: an electronic collection of XX symposium]. Available at: <http://www.pirao.ru> (accessed: 10.04.2018).
28. SHul'ga T.I. [Socialization of children-orphans and children left without parental care]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2012, no. 3, pp. 73–82.
29. Yurevich A.V. [Structural elements of national mentality]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Psychological researches: electronic scientific journal], 2013, vol. 6, no. 29. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 17.04.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алдашева Айгуль Абдулхаевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии Российской академии наук;
e-mail: aigulmama@mail.ru;

Зеленова Марина Евгеньевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии Российской академии наук;
e-mail: mzelenova@mail.ru;

Гуцыкова Светлана Валерьевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии Российской академии наук;
e-mail: filinyury1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aldasheva Aigul Abdulhaevna – Doctor of Science (Psychology), Leading Researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science;
e-mail: aigulmama@mail.ru;

Svetlana V. Gutsykova – PhD in Psychology, leading researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science;
e-mail: filinyury1@yandex.ru;

Marina E. Zelenova – PhD in Psychology, research assistant of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science;
e-mail: mzelenova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алдашева А.А., Гуцыкова С.В., Зеленова М.Е. Профессиональный менталитет как регулятор деятельности социальных воспитателей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 20–36.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-20-36.

FOR CITATION

Aldasheva A., Gutsykova S., Zelenova M. Professional mentality as a regulator of social educators' activities In: *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 20–36.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-20-36.

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-37-50

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И УРОВЕНЬ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ У РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Анохина С.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы, связанные с оказанием социальной поддержки родителям детей с ограниченными возможностями здоровья. Была изучена взаимосвязь уровня воспринимаемой социальной поддержки и уровня психоэмоционального напряжения родителей, воспитывающих ребёнка с ограниченными возможностями здоровья. По итогам исследования был сделан вывод о наличии статистически значимой взаимосвязи этих показателей. Доказано влияние субъективно воспринимаемой поддержки на психологическое благополучие родителей, воспитывающих такого ребёнка. Намечены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: социальная поддержка, родители детей с ограниченными возможностями здоровья, психоэмоциональное напряжение, воспринимаемая социальная поддержка.

SOCIAL SUPPORT AND LEVEL OF EMOTIONAL STRESS OF PARENTS RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

S. Anokhina

*Moscow Region State University
10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Annotation. The article reveals the main problems related to the provision of social support to parents having children with disabilities. The relationship between the perceived social support and level of emotional stress of parents raising children with disabilities was studied. The results of the study made it possible to conclude that there is a statistically significant relationship between these indicators. The influence of the subjectively perceived support on the psychological well-being of parents raising a child with disabilities is proved. Prospects for further research are outlined.

Key words: social support, parents of children with disabilities, psycho-emotional stress, perceived social support.

Социальная поддержка в системе совладающего поведения человека

Социальные отношения являются частью жизнедеятельности, обеспечи-

вая важные психологические и поведенческие функции на протяжении всей жизни. Они же играют основную роль в совладании со стрессовыми и трудными

жизненными ситуациями. При возникновении трудной жизненной ситуации человек обращается к своему ближайшему социальному окружению за помощью. Однако не всегда эта помощь способствует эффективному преодолению стрессовой ситуации. Таким образом, возникает потребность в более детальном изучении такого феномена, как социальная поддержка.

Социальная поддержка изучается в широком диапазоне дисциплин, включая психологию, медицину, социологию, сестринское дело, здравоохранение и социальную работу. Основная часть эмпирических и теоретических исследований социальной поддержки как социально-психологического феномена сосредоточена в иностранной литературе. Необходимо отметить, что в последнее десятилетие к изучению феномена социальной поддержки в нашей стране также возрос научный интерес. Всё большее количество учёных рассматривают данный феномен в рамках различных подходов и исследовательских гипотез.

Начиная с 70-х гг. XX в., отмечается активизация в изучении защитной роли социального окружения, его внимания и заботы в обеспечении здоровья и благополучия человека. Об этом в своих работах пишут Б. Дохренвенд (1974), Дж. Кассел (1976), Г. Браун, Т. Харрис (1986), А.Б. Холмогорова и С.В. Воликова (2004), А.А. Нестерова (2011) и т. д. [5;11;13;18]. Необходимо отметить ряд исследований, который показал, что социальная поддержка напрямую взаимосвязана с физическим и психическим здоровьем человека [11], а также с его психологическим благополучием и социальным статусом [4; 5].

Социальная поддержка обычно понимается как субъективно воспринимаемая человеком помощь от других людей во время переживания ими трудной жизненной ситуации [4]. Одним из первых попытался определить социальную поддержку Синди Кобб, отмечая, что это индивидуальное убеждение человека в том, что о нём заботятся, его любят, уважают и ценят и что есть ощущение принадлежности к какой-либо социальной сети [16].

Ряд авторов придерживается позиции, что социальная поддержка имеет двойной смысл. Один из них рассматривает поддержку как помощь, доступную для лиц или группы в трудной жизненной ситуации, т. е. в тех случаях, когда человек или группа людей не может справиться с ситуацией самостоятельно. Другие авторы социальную поддержку рассматривают как социальное взаимодействие, осуществляемое одним человеком или группой в проблемной ситуации, где происходит обмен информацией [10].

В зависимости от школы и направления, в которых изучают проблематику социальной поддержки, выделяют различные определения этого термина. В контексте социологии социальную поддержку изучают как количество и взаимозависимость социальных отношений человека. В рамках психологической науки оценивают тип или сумму поддержки, которую человек получает (получаемая поддержка) и которую он осознаёт (воспринимаемая поддержка) [4; 6].

В контексте государственного управления также нет единого понимания данного определения. С одной стороны, социальная поддержка понимается как система мер по оказа-

нию помощи категориям граждан, которые временно оказались в тяжёлом положении (частично или полностью безработные, учащаяся молодёжь и др.), путём предоставления им необходимой информации, финансовых средств, кредитов, обучения, права защиты и введения иных льгот [3]. Социальная поддержка сводится к оказанию помощи и отождествляется с термином «социальная помощь». С другой стороны, социальная поддержка – это деятельность, направленная на активизацию собственных сил и возможностей человека или группы по изменению своего материального и имущественного положения [1]. Часто социальная поддержка рассматривается как нематериальный, информационный ресурс (содействие в поиске работы, трудоустройстве, получении профессии, обучении, поиске способов по выходу из сложившейся трудной жизненной ситуации и т. п.).

В широком смысле социальная поддержка понимается как совокупность положительных влияний социального окружения на человека и на его интеграцию в систему социальных отношений.

Так, Джеймс Хаус проанализировал шесть крупных исследований, которые констатировали, что показатели смертности были выше среди социально изолированных лиц. Эти связи подтвердились даже после включения других контрольных переменных, таких как возраст и состояние здоровья. Итогами исследований был вывод автора, что фактор отсутствия социальной поддержки так же важен и напрямую связан со здоровьем человека, как другие факторы риска: курение, артериальное давление и отсутствие

физической активности [21]. Изучение социальной поддержки, объяснение структуры и механизмов её работы не только сможет помочь улучшить качество жизни человека, но и позволит человеку преодолеть трудную жизненную ситуацию, улучшить общее состояние психического здоровья.

В исследованиях Джима Брайта и Фионы Джон делается акцент на роли социальной поддержки в течении соматических заболеваний – рака, болезней сердца, заболеваний иммунной системы и др. Отмечается также буферный эффект социальной поддержки у лиц, отказавшихся от приёма алкоголя, а также бросивших курить [2].

В отечественной психологии изучением социальной поддержки занимаются Л.А. Александрова, С.В. Воликова, Д.В. Лифинцев, А.А. Нестерова, Г.А. Петрова, Т.А. Силантьева, А.Б. Холмогорова. В их работах особое внимание оказывается такой составляющей социальной поддержки, как эмоциональная поддержка. Так, например, в исследованиях С.В. Воликовой и А.Б. Холмогоровой установлен тот факт, что социальная поддержка снижает чувство одиночества, уменьшает депрессивные симптомы [10].

В исследованиях различных авторов социальную поддержку рассматривают как «буфер» в стрессовых ситуациях, т.е. как некий элемент, который значительно уменьшает действие стресса на психическое состояние человека. Так, была найдена обратная зависимость между негативными последствиями стресса и наличием у человека социальной поддержки [6; 10; 11; 16; 17; 21]. Отсюда можно сделать вывод, что те, кто активно опирается на своё социальное окружение

(пользуется социальной поддержкой), меньше подвержены негативным воздействиям стресса. Хотя необходимо отметить, что существует большое количество нюансов. Так, например, при изменении окружающих условий эффективность поддержки может снизиться или исчезнуть вообще [14]. Действие социальной поддержки также ограничивается спецификой индивидуальной реакции человека на стресс.

В своих исследованиях А.А. Нестерова доказывает, что социальная поддержка является важнейшим условием жизнеспособности личности [4]. В связи с этим возникает необходимость исследования характера этой взаимосвязи. Итогом исследований социальной поддержки будет понимание процессов, которые обеспечивают её положительное влияние на благополучие и здоровье человека, вместе с пониманием появится возможность управления и оказания более эффективной помощи людям, оказавшимся в стрессовых ситуациях [1].

Стоит отметить, что разные авторы выделяют различные компоненты социальной поддержки. Проанализировав имеющиеся данные, мы выделили следующие компоненты: эмоциональную поддержку, материальную (инструментальную) поддержку, информационную поддержку. Выделяется также особый вид социальной поддержки – товарищеская поддержка, которая даёт объекту поддержки чувство социальной принадлежности, ощущение, что он не один в сложившейся ситуации. На практике очень часто люди, попавшие в трудные жизненные ситуации (например, заболевшие онкологическим заболеванием),

объединяются в группы, в которых получают не только товарищескую поддержку, но и все остальные виды социальной поддержки.

Социальная поддержка в семьях, воспитывающих ребёнка с ОВЗ

Одним из актуальных вопросов современной действительности является вопрос социализации человека, имеющего особые потребности. Однако чаще всего в исследованиях говорится только о личности самого инвалида и совершенно исключается его семья. До недавнего времени в нашей стране семьёю, воспитывающую ребёнка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), рассматривали только с точки зрения оказания помощи ребёнку, оставляя за рамками фокуса внимания его родителей, семью. Более того, часто эта помощь сводилась к выплате материальных пособий и обучению в специальных детских садах и коррекционных школах [9].

Социальная поддержка очень важна для родителей, которые воспитывают ребёнка с особыми потребностями. Так, Карл Данст с коллегами в процессе исследования обнаружили, что родители детей с ментальными нарушениями, которые субъективно ощущали высокий уровень социальной поддержки, имели более низкие показатели стресса в сравнении с родителями, которые считали, что их мало кто поддерживает [19].

Матери, воспитывающие детей, имеющих задержки психического развития, при ощущении отсутствия социальной поддержки расширяли репертуар своих социальных ролей, в том числе и при взаимодействии с ребёнком (исполняя не только материнскую

функцию), но при этом демонстрировали менее отзывчивое по отношению к ребёнку поведение, равно как и не самые благоприятные для развития ребёнка стили воспитания. Авторы исследования связали наличие такого эффекта с накладываемым в таком случае на матерей грузом ответственности, которую не с кем разделить, а также необходимости выполнять и другие функции для поддержания жизнедеятельности семьи [19].

Многими авторами отмечено, что источником социальной поддержки для семей, воспитывающих ребёнка с инвалидностью, может быть расширенная семья, особенно бабушки и дедушки. Ощущая поддержку от расширенной семьи, родители получают гораздо больше эмоционального подкрепления и заботы [24]. Социальная поддержка также играет важную роль в формировании ощущения защищённости, безопасности, снижении чувства изоляции и повышении различных переменных психологического благополучия родителей [12; 17].

Стоит отметить ряд исследований, которые акцентируют внимание на том, что воспринимаемое качество и сила социальной поддержки влияют на благополучие родителей гораздо больше, чем фактическое положение вещей. Было отмечено, что тяжесть диагноза ребёнка, имеющего ментальные нарушения, влияет на уровень воспринимаемой социальной поддержки. Американская исследовательница Мери Вейс оценила 120 матерей, из них 40 матерей детей с аутизмом, 40 матерей детей с задержками психического развития (ЗНР) и 40 матерей нормо типичных детей. В этой выборке матери детей с аутизмом сообщили

о наиболее негативных последствиях стресса, жалуясь на депрессию. Чуть выше уровень психологического благополучия был у матерей, имеющих детей с ЗНР, а матери нормотипично развивающихся детей отметили самый высокий уровень психологического благополучия. Воспринимаемая социальная поддержка была ниже для родителей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), чем для родителей детей с ЗНР и умственной отсталостью. Во всех группах воспринимаемая поддержка от супруга была связана с более позитивными чувствами и меньшим количеством соматических симптомов. В этом исследовании также была подчёркнута концепция, согласно которой воспринимаемая поддержка может быть важнее фактической поддержки [26].

М. Маргалит и Т. Клейтман обнаружили в своём исследовании 70 матерей детей с умственными недостатками, которые сообщили о высоком уровне воспринимаемой социальной поддержки от семьи, что обеспечило низкий уровень стресса. [22]. Т. Хортон и Дж. Валландер также изучали матерей, имеющих детей с интеллектуальными нарушениями, и матерей, имеющих детей с другими видами нарушений здоровья, и обнаружили, что социальная поддержка способствовала снижению уровня материнского бедствия в этой группе [20].

Эти исследователи предположили, что социальная поддержка облегчает специфический родительский стресс, который типичен в ситуации воспитания детей с инвалидностью, и что это смягчение стресса, в свою очередь, приводит к улучшению результатов развития ребёнка с ОВЗ.

В контексте воспитания ребёнка с инвалидностью в нескольких исследованиях выяснилось, что родители с активной социальной поддержкой демонстрируют более позитивное поведение в воспитании ребёнка [15], и их взаимодействие с ребёнком носит менее деструктивный характер – например, они меньше используют жёсткие наказания [25]. Одно из исследований показало, что наличие тесных поддерживающих социальных отношений с другими людьми помогает родителям справляться со стрессом, связанным с воспитанием ребёнка, имеющего инвалидность. В исследовании Мэри Элизабет Рауткис с коллегами рассматривались эффекты влияния как положительного, так и отрицательного социального взаимодействия на людей, ухаживающих за психически больными членами семьи. Они обнаружили, что негативные взаимодействия оказали значительное влияние на страдания и депрессивные симптомы ухаживающих за родственниками, а также выявили взаимосвязь между социальным взаимодействием и стрессом, который усугубляется, когда у опекуна больше негативных взаимодействий с окружением (т. е. много негативных подкреплений со стороны). Однако они не обнаружили значительного буферного эффекта в ситуации положительных взаимодействий [23].

Необходимо отметить, что на данный момент в нашей стране родители детей с ограниченными возможностями здоровья остаются наедине со своими проблемами. В связи с этим в семьях возникают дисгармоничные состояния, которые часто приводят к разводам либо установлению болезненных и зависимых отношений [7;8;

12]. Все эти факторы приводят к тому, что особенный ребёнок в такой семье сталкивается с дополнительными трудностями, которые влияют на его развитие и социализацию. Таким образом, чтобы убрать дополнительные риски в развитии неблагополучной ситуации в семье с ребёнком с ограниченными возможностями здоровья, необходимо в первую очередь работать с родителями и их потребностями.

В нашем исследовании мы сместили ракурс изучения на родителей детей с особенностями в развитии, ведь именно семья является для такого ребёнка первым и главным источником развития и социализации, а иногда и единственным. Таким образом, успешность дальнейшего развития личности человека с особыми потребностями будет зависеть от того, насколько успешно его родители справились со сложившейся трудной жизненной ситуацией, т. е. с каким-либо ограничением в здоровье ребёнка.

Программа исследования

В нашем исследовании под термином «социальная поддержка» мы понимаем социальное взаимодействие человека с его окружением с целью оказания первому психологической, информационной или другого вида помощи, необходимой в сложившейся ситуации.

В исследованиях часто делают различие между воспринимаемой и получаемой поддержкой. В связи с рядом методических трудностей в объективной фиксации реально получаемой поддержки в исследованиях изучается воспринимаемая человеком поддержка [1; 4]. Так, у человека с завышенным уровнем ожиданий ощущение воспри-

нимаемой поддержки может быть достаточно низким, хотя объективно это не будет соответствовать действительности, поэтому в нашем исследовании мы будем говорить о воспринимаемой поддержке, т. е. о том, достаточен ли уровень оказываемой поддержки для данного человека или нет.

Для того чтобы выяснить, насколько успешно родитель справился со сложившейся стрессовой ситуацией и как с этим связана социальная поддержка, нами было проведено пилотажное исследование. *Гипотезой* этого эмпирического исследования стало предположение, что уровень воспринимаемой социальной поддержки взаимосвязан с уровнем психоэмоционального напряжения родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Для подтверждения данной гипотезы мы использовали следующие методики:

1. Многомерную шкалу изучения социальной поддержки Д. Зиммета в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, модифицированную Г.С. Корытовой.

2. Методику экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения (ПЭН) и его источников (О.С. Копина, Е.А. Сулова, Е.В. Заикин).

Характеристика исследуемой группы. В исследовании приняли участие 52 родителя – 41 женщина и 11 мужчин. Исследование проводилось очно с соблюдением этических правил анонимности. Возраст испытуемых от 35 до 54 лет. В исследовании участвовали родители детей с особенностями развития разного генеза: расстройством аутистического спектра (11 человек), детским церебральным параличом (10 человек), задержкой психического и психо-речевого развития (12 человек), синдромом Дауна (7 человек), умственной отсталостью (12 человек).

Результаты исследования

Говоря о результатах исследования воспринимаемой социальной поддержки, необходимо отметить, что подавляющее большинство испытуемых крайне низко оценивают уровень оказываемой им социальной поддержки. Так, для удобства представления данных мы разделили баллы по каждой из категорий на следующие уровни: 0–1 балл – низкий уровень воспринимаемой поддержки, 2–3 балла – средний уровень воспринимаемой поддержки, 4 балла – высокий уровень. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с ОВЗ

Воспринимаемая социальная поддержка	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Социальная поддержка семьи	61% (32)	25% (13)	14% (7)
Социальная поддержка друзей	65% (34)	21% (11)	14% (7)
Социальная поддержка значимых других	61% (32)	29% (15)	10% (5)
Социальная поддержка коллег	48% (25)	48% (25)	4% (2)
Социальная поддержка общественных организаций	38% (20)	24% (12)	38% (20)

Таким образом, по всем шкалам воспринимаемой социальной поддержки у большинства испытуемых низкие и средние показатели, что говорит о недостаточном уровне воспринимаемой социальной поддержки. Меньше всего в восприятии родителей социальная поддержка отмечается со стороны друзей и значимых представителей других референтных групп.

Необходимо отметить, что высокие показатели воспринимаемой поддержки по шкале «социальная поддержка общественных организаций» встречаются у тех семей, которые являются активными членами региональных организаций, существующих в их городах. Значимых различий между мужчинами и женщинами не выявлено.

По данным, полученным в процессе исследования, можно говорить о недостаточной воспринимаемой поддержке у всех групп родителей, воспитывающих ребёнка с ОВЗ.

Существуют различия в показателях воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с разными диагнозами. Наиболее высокие показатели воспринимаемой социальной поддержки у группы родителей детей с диагнозом ДЦП. По шкалам «поддержка семьи», «поддержка друзей» и «значимых других» у них только средние и высокие показатели воспринимаемой поддержки. Данные в процентном соотношении по данной группе родителей представлены в таблице 2.

Таблица 2

Уровень воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с ДЦП

Воспринимаемая социальная поддержка	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Социальная поддержка семьи	0	60%	40%
Социальная поддержка друзей	0	70%	30%
Социальная поддержка значимых других	0	80%	20%
Социальная поддержка коллег	60%	40%	0
Социальная поддержка общественных организаций	30%	40%	30%

Самые низкие показатели социальной поддержки по этим шкалам у родителей детей с расстройствами аутистического спектра. У них по первым трём шкалам нет высокого уровня воспринимаемой поддержки, и больше всего показателей попадают в диапазон низкого уровня. У родителей этих детей высокие показатели по шкале «социальная поддержка общественных организаций». Данные в процентном соотношении представлены в таблице 3.

Распределение низких, средних и высоких показателей воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с другими заболеваниями незначительно различается между собой.

Из всех групп родителей детей с различными заболеваниями наименьшие показатели воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с явными расстройствами социального поведения. Данные, полученные в про-

цессе исследования, можно объяснить тем, что родители, имеющие детей с менее выраженными расстройствами

поведения и социального взаимодействия, получают больше социальной поддержки от окружающих.

Таблица 3

Уровень воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с расстройствами аутистического спектра

Воспринимаемая социальная поддержка	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Социальная поддержка семьи	64%	36%	0
Социальная поддержка друзей	73%	27%	0
Социальная поддержка значимых других	91%	9%	0
Социальная поддержка коллег	55%	45%	0
Социальная поддержка общественных организаций	9%	27%	64%

Родители детей с явными социальными расстройствами получают меньше социальной поддержки от окружающих. При этом родители, стремясь компенсировать недостающую поддержку, объединяются в общественные организации и получают необходимую помощь извне близкого окружения. Так, 10 из 11 обследуемых родителей детей с расстройствами аутистического спектра состоят в каких-либо общественных организациях, при этом всего 3 из 10 родителей детей с ДЦП состоят в них.

Проводя анализ полученных данных, необходимо отметить, что в целом в группе исследуемых более чем у половины испытуемых (62% выборки) выявлен высокий уровень психосоциального стресса. Статистически значимых различий между группами родителей детей с различными заболеваниями по уровню психосоциального стресса не выявлено. Немного выше (на уровне тенденции) психосоциальный стресс у родителей, воспитывающих детей с РАС, что подтверждается данными и других

исследователей [6;8]. Таким образом, этиология заболевания ребёнка в исследуемой выборке никак не влияет на уровень психоэмоционального стресса у родителей.

Для того чтобы подтвердить гипотезу о связи психоэмоционального состояния родителей детей с ОВЗ с уровнем воспринимаемой поддержки, был проведён корреляционный анализ.

Как показал анализ корреляционных связей, уровень воспринимаемой поддержки взаимосвязан с самооценкой здоровья. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,301 при уровне статистической значимости $p < 0,01$. Можно говорить о том, что, чем выше общий уровень воспринимаемой поддержки, тем выше уровень самооценки собственного здоровья у родителей детей с ОВЗ. Родители, которые ощущают поддержку от других людей, чувствуют себя гораздо лучше и говорят о больших силах и ресурсах для воспитания ребёнка.

Переходя к анализу показателей шкалы психосоциального стресса, необходимо отметить, что также суще-

стует обратно пропорциональная корреляционная связь между показателями воспринимаемой поддержки и уровнем психосоциального стресса. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил $-0,389$ при уровне статистической значимости $p < 0,01$. Наличие поддержки явно снижает уровень психосоциального стресса.

Существует также статистически значимая положительная корреляционная связь между уровнем воспринимаемой социальной поддержки и уровнем удовлетворённости жизнью в целом, а также уровнем удовлетворённости основными жизненными потребностями ($p < 0,05$). При этом корреляционная связь отсутствует с показателем удовлетворённости условиями жизни.

Таким образом, с четырьмя из пяти показателей оценки уровня психоэмоционального стресса существует статистически значимая корреляционная связь. Это подтверждает нашу гипотезу о взаимосвязи уровня воспринимаемой социальной поддержки с уровнем психоэмоционального напряжения. Данный вопрос требует дальнейшего более детального изучения механизмов и закономерностей этой взаимосвязи, что и будет сделано в дальнейших исследованиях.

Выводы

1. В восприятии родителей наименьшая социальная поддержка отмечается со стороны друзей и значимых представителей других референтных групп. Это свидетельствует о том, что в ситуации появления ребёнка с ОВЗ в семье близкое окружение отдаляется от неё, что подтверждает субъективные высказывания родителей о том, что старые друзья сводят взаимодействие к минимуму при появлении в

семье особенного ребёнка. Полученные данные приводят к выводу, что в обществе до сих пор сохраняется негативное отношение к людям с ОВЗ.

2. Различия между мужчинами и женщинами по показателям уровня воспринимаемой поддержки статистически не выявлены.

3. Существуют различия в уровне воспринимаемой поддержки у родителей детей с различными диагнозами. Так, у родителей детей с ДЦП показатели воспринимаемой социальной поддержки от близкого социального окружения (семья, друзья, значимые другие) выше, чем у родителей детей с расстройствами аутистического спектра. При этом у родителей детей с РАС показатели воспринимаемой поддержки от общественных организаций. Таким образом, родители детей с явными социальными расстройствами поведения ощущают значительно меньше социальной поддержки от близкого окружения и компенсируют это обращением в общественные организации.

4. Самооценка здоровья родителей детей с ОВЗ взаимосвязана с уровнем воспринимаемой поддержки. Таким образом, при изменении уровня воспринимаемой поддержки будет меняться и самооценка здоровья родителей, что благоприятно скажется в целом на психологическом здоровье родителей, а также на психологическом климате, в котором воспитывается ребёнок.

5. Уровни психосоциального стресса и воспринимаемой социальной поддержки у родителей детей с ОВЗ имеют обратно пропорциональную взаимосвязь. Здесь можно говорить о том, что родители, воспринимающие социальную поддержку как высокую, имеют более низкий уровень стресса. Однако

данный вывод требует дальнейшего уточнения, изучения с учётом стратегий совладания и механизмов психологической защиты, что планируется в следующих сериях исследования.

6. 62% родителей, принявших участие в исследовании, имеют высокий уровень психосоциального стресса, что говорит о необходимости оказания им психологической помощи. Однако, по свидетельству самих родителей, часто такой помощи им не от кого получить. Таким образом, можно говорить о том, что на данном этапе в контексте оказания психолого-социальной поддержки семьям детей с ОВЗ акцент делают на оказание помощи только самим детям с ОВЗ, игнорируя потребности родителей. Исходя же из теоретических исследова-

ний, мы можем утверждать, что развитие любого ребёнка, а особенно детей с ОВЗ, зависит от психического благополучия родителей, а также от благоприятного психоэмоционального климата в семье [4; 7; 12]. Однако при таких высоких показателях психосоциального стресса у родителей сложно говорить о благоприятных условиях для развития и позитивной социализации ребёнка с ОВЗ.

7. Полученные в ходе исследования данные приводят нас к выводам о том, что необходимо дальнейшее более глубокое изучение данной проблемы с целью выявления основных тенденций и закономерностей оказания социальной поддержки родителям детей с ОВЗ.

Статья поступила в редакцию 14.05.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина С.А. Теоретические и эмпирические аспекты изучения социальной поддержки // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции, Самара, 15 декабря 2015 г.: в 3 ч. Ч.3. Уфа, 2015. С. 244–249.
2. Брайт Дж., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб., 2003. 352 с.
3. Корытова Г.С. Модификация психодиагностической методики «MSPSS» для изучения ресурсов совладания // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 3.С. 77–80.
4. Нестерова А.А. Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М., 2015. С. 265–277.
5. Нестерова А.А. Мотивация к работе в структуре жизнеспособности личности безработной молодежи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2011. № 3. С. 64–75.
6. Нестерова А.А., Ковалевская Н.А. Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. №3. С. 38–46.
7. Колотилова И.В., Ефремова Г.И., Федякина Л.В., Нестерова А.А. Пособие по способам реализации потенциала особого ребенка и интеграции его в обществе. М., 2010.124 с.
8. Психолого-педагогическое сопровождение социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования: монография / Г.И. Ефремова и др. М., 2010.248 с.
9. Силантьева Т.А. Социальная поддержка родителей детей с ОВЗ [Электронный ресурс] // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии, 2011. URL: http://psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/44068.shtml (дата обращения: 19.03.2018).

10. Холмогорова А.Б., Воликова С.В. Семейные источники негативной когнитивной схемы при эмоциональных расстройствах (на примере тревожных, депрессивных и соматоформных расстройств) // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 49–60.
11. Холмогорова А.Б., Московская М.С., Шерягина Е.В. Алекситимия и способность к оказанию разных видов социальной поддержки // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 4. С. 115–129.
12. Шульга Т.И. Состояние семей как ресурс воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 4 (45). С.45–53.
13. Broun G.W., Harris T. *The Social Origins of Depression*. New York, 1978. 399 p.
14. Cassel J. The contribution of the social environment to host resistance // *American Journal of Epidemiology*. 1976. Vol. 104. P. 115–127.
15. Ceballo R., McLoyd V.C. Social support and parenting in poor, dangerous neighborhoods // *Child Development*. 2002. Vol. 73 (4). P. 1310–1321.
16. Cobb S. Social support as moderator of life stress // *Psychosomatic Medicine*. 1976. Vol. 38. P. 300–314.
17. Cohen S., Gottlieb B.H., Underwood L.G. Social relationships and health // In *Social support measurement and intervention: A guide for health and social scientists*/ ed. S. Cohen, B.H. Gottlieb, L.G. Underwood. New York, 2000. P. 3–25.
18. Dohrenwend B.S., Dohrenwend B.P. *Overview and prospects for research on stressful life events* // *Stressful life events: Their nature and effects* /ed. B.S. Dohrenwend, B.R. Dohrenwend. New York, 1974. P. 3–25.
19. Dunst C.J., Trivette C.M., Cross A.H. Mediating influences of social support: Personal, family, & child outcomes // *American Journal of Mental Deficiency*. 1986. Vol. 90. P. 403–417.
20. Horton T.V., Wallander J.L. Hope and social support as resilience factors against psychological distress of mothers who care for children with chronic physical conditions // *Rehabilitation Psychology*. 2001. Vol. 46 (4). P. 382–399.
21. House J.S. *Work stress and social support*. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley, 1981. 156 p.
22. Margalit M., Kleitman T. Mother's stress, resilience, and early intervention // *European Journal of Special Needs Education*. 2006. Vol. 21 (3). P. 269–283.
23. Rautkis M.E., Koeske G.F., Tereshko O. Negative social interactions, distress, and depression among those caring for a seriously and persistently mentally ill relative // *American Journal of Community Psychology*. 1995. Vol. 23 (2). P. 279–299.
24. Seligman M., Darling R.B. *Ordinary families: Special children*. New York, 1997. 324 p.
25. Smith T.B., Oliver M.N.I., Innocenti M.S. Parenting stress in families of children with disabilities // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2001. Vol. 71 (2). P. 257–261.
26. Weiss M.J. Hardiness and social support as predictors of stress in mothers of typical children, children with autism, and children with mental retardation // *Autism*. 2002. Vol. 6 (1). P. 115–130.

REFERENCES

1. Anokhina S.A. [Theoretical and empirical aspects of the study of social support]. In: *Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Samara, 15 dekabrya 2015 g. CHast' 3* [Breakthrough scientific research as the engine of science: collected papers of International scientific-practical conference, Samara, December 15, 2015. Part 3]. Ufa, 2015, pp. 244–249.

2. Bright J., Jones F. *Stress: teorii, issledovaniya, mify* [Stress: theories, researches, myths]. Saint Petersburg, 2003. 352 p.
3. Korytova G.S. [Modification of psychodiagnostic methods “MSPSS” for the study of coping resources]. In: *Sovremennye naukoemkiet ekhnologii* [Modern science intensive technologies], 2007, no. 3, pp. 77–80.
4. Nesterova A.A. [The viability of parents raising a child with autism]. In: Makhnach A.V., Zuev K.V., eds. *Sem'ya, brakiroditel'stvo v sovremennoi Rossii. Vyp. 2* [Family, marriage and parenthood in contemporary Russia. Iss. 2]. Moscow, 2015. pp. 265–277.
5. Nesterova A.A. [Motivation to work in the structure of the viability of the individual unemployed youth]. In: *Vestni kTverskogo gosudarstvennog ouniversiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2011, no. 3, pp. 64–75.
6. Nesterova A.A., Kovalevskaya N.A. [Resilience and coping strategies of mothers raising children with autism spectrum disorders]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2015, no. 3, pp. 38–46.
7. Kolotilova I.V., Efremova G.I., Fedyakina L.V., Nesterova A.A. *Posobie po sposobam realizatsii potentsiala osobogo rebenka I integratsii ego v obshchestve* [A Handbook on the ways to realizing the potential of a special child and his integration into the society]. Moscow, 2010. 124 p.
8. Efremova G.I. et al. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsial'noi adaptatsii detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya* [Psycho-pedagogical support of the social adaptation of children with limited opportunities of health in inclusive education]. Moscow, 2010. 248 p.
9. Silant'eva T.A. [Social support for parents of children with disabilities]. In: *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologii* [Inclusive education: methodology, practice, technology], 2011. Available at: http://psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/44068.shtml (accessed: 19.03.2018).
10. Kholmogorova A.B., Volikova S.V. [Family sources of the negative cognitive schema and the emotional disorders (for example, anxious, depressive and somatoform disorders)]. In: *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal], 2001, no. 4, pp. 49–60.
11. Kholmogorova A.B., Moskovskaya M.S., Sheryagina E.V. [Alexithymia and the ability to provide different types of social support]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2014, no. 4, pp. 115–129.
12. Shul'ga T.I. [The condition of families as a resource for education of children with disabilities]. In: *Aktual'nye problem psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2017, no. 4 (45), pp. 45–53.
13. Broun G.W., Harris T. *The Social Origins of Depression*. New York, 1978. 399 p.
14. Cassel J. The contribution of the social environment to host resistance. In: *American Journal of Epidemiology*, 1976, vol. 104, pp. 107–123.
15. Ceballo R., McLoyd V.C. Social support and parenting in poor, dangerous neighborhoods. In: *Child Development*, 2002, vol. 73 (4), pp. 1310–1321.
16. Cobb S. Social support as moderator of life stress. In: *Psychosomatic Medicine*, 1976, vol. 38, pp. 300–314.
17. Cohen S., Gottlieb B.H., Underwood L.G. Social relationships and health. In: Cohen S., Gottlieb B.H., Underwood L.G., eds. *In Social support measurement and intervention*. New York, 2000, pp. 3–25.

18. Dohrenwend B.S., Dohrenwend B.P. Overview and prospects for research on stressful life events. In: Dohrenwend B.S., Dohrenwend B.P., eds. *Stressful life events: Their nature and effects*. New York, 1974, pp. 3–25.
19. Dunst C.J., Trivette C.M., Cross A.H. Mediating influences of social support: Personal, family, & child outcomes. In: *American Journal of Mental Deficiency*, 1986, vol. 90, pp. 403–417.
20. Horton T.V., Wallander J.L. Hope and social support as resilience factors against psychological distress of mothers who care for children with chronic physical conditions. In: *Rehabilitation Psychology*, 2001, vol. 46 (4), pp. 382–399.
21. House J.S. *Work stress and social support*. Reading, Massachusetts, Addison-Wesley, 1981. 156 p.
22. Margalit M., Kleitman T. Mother's stress, resilience, and early intervention. In: *European Journal of Special Needs Education*, 2006, vol. 21 (3), pp. 269–283.
23. Rautkis M.E., Koeske G.F., Tereshko O. Negative social interactions, distress, and depression among those caring for a seriously and persistently mentally ill relative. In: *American Journal of Community Psychology*, 1995, vol. 23 (2), pp. 279–299.
24. Seligman M., Darling R.B. *Ordinary families: Special children*. New York, 1997. 324 p.
25. Smith T.B., Oliver M.N.I., Innocenti M.S. Parenting stress in families of children with disabilities. In: *American Journal of Orthopsychiatry*, 2001, vol. 71 (2), pp. 257–261.
26. Weiss M.J. Hardiness and social support as predictors of stress in mothers of typical children, children with autism, and children with mental retardation. In: *Autism*, 2002, vol. 6 (1), pp. 115–130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анохина Светлана Александровна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: anokhinasa@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Anokhina – post-graduate student of Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: anokhinasa@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Анохина С.А. Социальная поддержка и уровень психоэмоционального напряжения у родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 37–50.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-37-50.

FORCITATION

Anokhina S.A. Social support and level of emotional stress in parents of children with disabilities. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 37–50.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-37-50.

УДК 159.9; 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-51-59

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЖЕНЩИНАМИ ПРОБЛЕМ В СЕМЬЕ ПРИ ПЕРВОМ И ПОВТОРНОМ БРАКЕ

Аргентова Т.Е., Аргентова Л.В.

Кемеровский государственный университет

650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье отмечаются рост числа повторных браков в России, а также ситуация с повторным браком для женщин в РФ. Изложена важность изучения проблем семей повторного брака для практики личностного и семейного консультирования. Описано исследование оценок своей семьи и её проблем у двух групп женщин, находящихся в повторном и единственном браках, между которыми выявлены значимые различия, раскрывающие влияние пережитого развода на эту оценку, позволяющие лучше понять ситуации женщин в семьях повторного брака.

Ключевые слова: повторный брак, оценки семьи, развод, супружеские отношения, семейные проблемы.

FEATURES OF ASSESSING THE PROBLEMS IN THE FAMILY BY REMARRIED WOMEN AND WOMEN IN THE FIRST MARRIAGE

T. Argentova, L. Argentova

Kemerovo State University

6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650000, Russian Federation

Abstract. In the article the growth of number of remarriages in Russia is noted, as well as the situation with remarriage for women in the Russian Federation. The importance of studying the problems of repeated marriage for the practice of personal and family counseling is stated. The research of the way two groups of women estimate their family and its problems is described. The groups under study present remarried women and those in the first marriage. Meaningful distinctions are revealed between these two groups, exposing influence of the outlived divorce on assessing families and family problems by women. All this allows better understand the situations of remarried women.

Key words: remarriage, ideas about family, matrimonial relations, family problems.

Введение

Семья – главный институт социализации, опора любого государства. В семье закладываются основы личности.

Семья не статичное образование. Каждая культура и субкультура по-

рождает нормативную модель семьи (или группу моделей). В России социально одобряемой формой брачных отношений признаётся официальный брак, зарегистрированный в органах ЗАГСа.

Происходит эволюция семьи и сейчас: растёт число разводов, повторных и гражданских браков. Повторный брак является распространённым явлением как за рубежом, так и в нашей стране.

По данным Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доля повторных браков в общем числе браков в России в 2013 г. составила: для мужчин – 28,8%, для женщин – 29,3%. В течение 10 лет после расторжения первого союза в повторный брак вступает 68% мужчин и 27% женщин. Всего же в течение 20 лет после прекращения первого брака вступает в новый брак меньше половины разведённых и овдовевших женщин. После 35 лет главной причиной женского одиночества является нехватка мужчин соответствующего возраста [5].

В Кузбассе, по данным Росстата, для 33,9% мужчин и 36,4% женщин, вступивших в брак в 2016 г., эти браки были повторными [10].

Основная масса разводов и повторных браков совершается у жителей России в возрасте до 40 лет, в пору расцвета сексуальной активности личности, создания семьи, появления детей. При этом наибольшая доля повторных браков заключается в первые годы после прекращения первого брака. Фактическое начало второго брака в ряде случаев может предшествовать разводу.

Но ситуации повторного брака для мужчин и женщин в РФ разнятся из-за:

1) неблагоприятной для женщин в РФ демографической ситуации: существенном перекосе в пользу мужчин, что даёт мужчинам возможность по-

бывать в течение жизни в нескольких браках, а женщинам в ряде случаев не создать семьи вообще;

2) того, что при выборе брачного партнёра женщине приходится руководствоваться не только своими симпатиями, но и интересами ребёнка (детей), поскольку в подавляющем числе случаев в РФ после развода ребёнок остаётся у матери, а новый муж приходит в семью женщины с ребёнком от предыдущих отношений, оставив своего ребёнка (детей) в прежней семье. Это для женщины, с одной стороны, хорошо: она ведь не расстанется со своим ребёнком, – а с другой, отношения «отчим – ребёнок жены» могут осложнять супружеские отношения. К принятию ребёнка жены могут быть готовы далеко не все мужчины. Ведь они полюбили женщину, а не её ребёнка (ситуация «вынужденного» родительства). Демографы отмечают, что чем больше детей родили женщины, тем труднее им после развода создать новую семью.

К сожалению, более половины повторных браков заканчивается разводом, что несколько, но ненамного, выше, чем у тех, кто женится впервые [2].

В исторической ретроспективе преобладали браки вдов и вдовцов. В современном обществе повторный брак чаще является следствием развода. Различие между этими двумя типами семей заключается, конечно, в наличии живого бывшего брачного партнёра, с которым бывает трудно делить опеку над детьми, договариваться о финансовой поддержке и условиях посещения детей.

Изучение феномена повторного брака крайне важно для практики

личностного и семейного консультирования в связи с большой востребованностью этих знаний для решения проблем таких семей.

От того, как женщина оценивает свою семью и её проблемы, зависит многое в сохранении и укреплении семьи.

Целью предпринятого нами исследования было изучение оценок проблем своих семей женщинами при первом и повторном браке.

Теоретико-методологическую основу исследования составили идеи отечественных и зарубежных психологов по проблемам семьи и супружеских отношений (Т.В. Андреева, Е.П. Арнаутова, М. Боуэн, А.Я. Варга, К. Витакер, В.Н. Дружинин, С.В. Ковалев, А.Г. Лидерс, Ж. Лофас, Т. Лукман, С. Минухин, Н.Л. Москвичева, В. Сатир, Д. Сова, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, Л.В. Шнейдер, Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис и др.) [1; 2; 3; 6; 7; 8; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Гипотеза исследования: оценки женщинами своей семьи и её проблем при первом и повторном браке существенно различаются.

Характеристика выборки, процедуры и методов исследования

В исследовании приняли участие 80 женщин, состоящих в повторном браке (экспериментальная группа) и 46 женщин, состоящих на момент исследования в единственном браке (контрольная группа). Все жительницы г. Кемерово и Кемеровской области в возрасте от 25 до 50 лет. Исследование выполнено на базе центров психологической помощи семье г. Кемерово. Исследуемая выборка была выравнена по социально-демографическим характеристикам.

Средний возраст исследуемых женщин составил 33 года, средний возраст их мужей – 36 лет. Среднее количество детей, приходящееся на одну женщину, и в том, и другом браках 1,3–1,4 ребёнка.

Единственные браки представлены традиционной картиной соотношения возрастов. У женщин в повторном браке часть мужей были значительно моложе жён, чего не было у находящихся в единственном браке. Очевидно, это связано с тем, что ровесники 30–40-летних женщин часто уже жены или просто уже ориентируются на значительно более молодых женщин в качестве будущих жён, поэтому нередки ситуации выбора женщинами более молодых мужчин в качестве мужей.

Как показали наши предыдущие исследования, замужество женщины с ребёнком (детьми) за молодым мужчиной, у которого не было отрицательного опыта развода и детей, положительно сказывается на стабильности новой семьи, особенно если в семье появляется общий ребёнок [2].

Мужчине, проживающему с детьми, например вдовцу или которого оставила жена с ребёнком, бывает сложно жениться на молодой девушке, не обременённой детьми, кроме ситуаций особой выгоды от замужества. Как ни странно, девушки труднее соглашаются на брак с мужчиной, проживающим с детьми.

Брак, первый и единственный у женщин, чаще также единственный и у их мужей. Только в 9% случаев супругами женщин в нашем исследовании были мужчины, ранее состоявшие в браке.

В исследуемых повторнобрачных семьях 30% мужчин оставили в предыдущих браках двух и более детей.

В 45% исследуемых повторнобрачных семьях у женщины и мужчины нет общих детей. В 35% исследуемых случаев имеет место «расширенная» семья, где живут общие дети и дети супругов от предыдущих отношений. В данном случае речь идёт о семьях вдовцов, и в нескольких случаях – о семьях, где женщины были лишены родительских прав.

В исследовании были использованы следующие **методы и методики**:

1) Авторская анкета «Мой брак» [2].

2) Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Сиднея [4].

При обработке полученных данных использовался пакет программ *Statistica*.

Изложение и анализ результатов исследования

Исследование оценок респондентами своих семей и их проблем осуществлялось с помощью авторской анкеты «Мой брак». Результаты исследований представлены в таблице 1.

Таблица 1

Оценки женщинами из семей единственных и повторных браков своей семьи и ее проблем по методике «Мой брак»

Характеристики		1 брак	Повторный брак
Основные проблемы в браке	Отсутствие взаимопонимания	25%	25%
	Вредные привычки (пьянство)	20%	0%
	Жилищные проблемы	4,3%	10%
	Финансовые проблемы	15%	10%
	Сексуальные	5%	0%
	Отсутствие детей	13%	15%
	Нет проблем	20,7%	35%
В материальном плане повторный брак	Благополучнее первого	55%	
	Неблагополучен в целом	5%	
	Такой же, как предыдущий	40%	
Можно сказать, что Ваш новый брак более успешен, чем предыдущий	Да, согласна	85%	
	Нет, не согласна	15%	
В этом браке, по Вашему мнению, Вы счастливы	Да	55%	
	Нет	5%	
	Затрудняюсь ответить	40%	

Результаты исследования выявили наличие статистически значимых различий в оценках основных проблем, беспокоящих женщин в повторном и единственном браках.

Так, женщины, имевшие в первом браке проблемы с пьянством и хими-

ческой зависимостью мужа, отмечают, что в следующем браке эта проблема у их новых избранников отсутствует (с 20% в первом браке до 0% в повторном), ушли полностью сексуальные проблемы (с 5% до 0%), улучшилась финансовая ситуация (с 15% до 10%).

Во втором браке осталась жилищная проблема у 5% испытуемых и стала заявлять о себе проблема отсутствия детей в новом браке у 15% респондентов.

В материальном плане повторный брак для 55% респонденток лучше первого и значимо хуже лишь для 5% женщин.

85% респонденток считают, что их новый брак в целом благополучнее предыдущего. При этом 55% респонденток заявляют, что они счастливы в новом браке, высказываниями типа: «Абсолютное счастье. Мне сильно повезло. Боюсь слазить» и 30% – высказываниями: «Этот брак намного лучше, чем предыдущий. Есть периоды абсолютного счастья, но есть и немало проблем с мужем, детьми, родственниками. Приходится много работать на семью и взаимоотношения».

10% респонденток затруднились дать однозначный ответ, формулируя в целом свои ответы так: «Свой брак отношу к категории “трудное счастье”».

Много хорошего, но и очень много проблем. Все нестабильно: отношения с мужем, отношения мужа с моим ребёнком, со своим оставленным ребёнком и бывшей женой, финансовые, жилищные проблемы».

Лишь 5% респонденток оценили свой новый брак как несчастливый, характеризуя свою ситуацию в целом так: «Не знаю, сохранять ли этот брак. Разочарована в муже и мужчинах в целом. Не складываются отношения с мужем из-за проблем с ребёнком, муж ленив, жесток, безразличен, скуп и т. д.».

15% женщин, находящихся в повторном браке, беспокоит проблема материального достатка семьи. И ничего не хотели бы улучшать 35% женщин из семей повторного брака.

Оценки женщинами обеих групп проблем своих семей и супружеских отношений изучались с помощью методики «Незаконченные предложения». Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Оценки женщинами первого и повторного браков проблем своих семей и супружеских отношений по методике «Незаконченные предложения»

Начало предложения	Окончание фразы	1 брак, %	Повт. брак, %	критерий Q
В моей семье меня устраивает	многое, но не все	43,5	10	2,72
Моя семья обращается со мной как с	любимой женой	34,8	10	2,07
	с домохозяйкой	0	25	2,58
Мой муж	не идеал	0	20	2,24
Я люблю своего мужа, но	иногда он меня раздражает	43,5	15	2,18
Сексуальные отношения в нашей семье	могли бы быть лучше	13	40	2,07
Своему мужу я бы не простила	измены	0	20	2,24
Когда семья распадается	рушится смысл жизни	30,4	0	3,17

Начало предложения	Окончание фразы	1 брак, %	Повт. брак, %	критерий Q
Главенство в семье должно принадлежать	мужчине	78,3	35	3,16
	обоим	17,4	45	2,24
Моей семьей руководят	оба	26,1	5	2,03
В свободное время мой муж любит	отдохнуть, поспать	34,8	10	2,07
Чаще всего в моей семье разногласия возникают	от недопонимания	13	45	2,43

(Средние значения представлений $p = 0,05$, $Q = 1,96$.)

Как показали результаты исследования, женщины, состоящие в повторном браке, по сравнению с женщинами из единственного брака более реалистичны в оценке своего супруга («не идеал» – 0% против 20% у повторнобрачных), критичнее в оценке сексуальных отношений с ним («могли бы быть лучше» – 40% у повторнобрачных против 13% у представительниц единственного брака), демонстрируя свою «разбуженность» и разборчивость в этом вопросе. Своему мужу не простили бы обман, измены – 20% у повторнобрачных против 0% у представительниц контрольной группы, выступают за равноправие в семье (считают, что «главенство в семье должно принадлежать обоим» – 45% у повторнобрачных против 17% у состоящих в единственном браке), предпочитают больше времени проводить вместе с семьей и более терпимо относятся к разводу. Развод признают «лучшим способом избежать мучений», если из отношений ушло взаимопонимание. В то время как женщины из единственных браков считают развод катастрофой («рухнет смысл жизни»).

Женщины, состоящие в первом браке (контрольная группа), значимо

чаще женщин, состоящих в повторном браке, считают себя любимыми – 34,8% против 10% у повторнобрачных, выступают за традиционное распределение ролей в семье, за главенство в семье мужчин – 78,3% против 35% у повторнобрачных, но в своей семье руководят оба. Тем не менее в их ответах также сквозит недовольство: «в своей семье их устраивает многое, но не все» – 43,5% против 10%. Они признают, что любят своего мужа, но иногда он их раздражает неактивностью («любит отдохнуть и поспать» – 34,8% против 10% у повторнобрачных).

Заключение

Выявлены значимые различия в оценках своих семей и их проблем женщинами в первом и повторном браках, что подтвердило выдвинутую гипотезу.

Женщины, состоящие в повторном браке, без иллюзий, реалистичнее оценивают супругов, их достоинства и недостатки, не терпят плохого поведения мужчин, активно избегают мужчин с алкогольной и наркотической зависимостями, не боятся развода. Часто это сильные, молодо выглядящие, опытные в сексе женщины, умеющие нравиться, ладить с мужчинами (не будем за-

бывать, что речь идёт о тех женщинах, кому удалось вступить в повторный брак, а это, согласно статистике, менее 50% переживших развод женщин). Возможно, эти представления – результат не только излишней критичности женщин, ведь им достаются мужчины, часто пережившие развод, «раненые» жизнью, с трудным характером. У большинства за плечами дети, бывшие жёны, родственники со своими проблемами, которые приходится решать. Надо быть готовыми к этому, чтобы избежать лишних конфликтов.

Женщины, состоящие в единственном браке (контрольная группа), значимо чаще женщин, состоящих в повторном браке, считают себя любимыми, спокойнее ощущают себя в семье. В своей семье чаще недовольны финансовой стороной брака, неактивностью мужа, чаще ощущают потребность отдохнуть от семьи и детей, но развода боятся, стоят на страже се-

мейного благополучия. Остаётся признать, что единственный брак является средством стабильности отношений, спокойствия женщины, роста благосостояния семьи.

Существует мнение, что вторые браки редко бывают счастливыми.

Результаты нашего исследования говорят о том, что многим женщинам новый брак приносит счастье. Опыт первого брака для женщин, переживших развод, не прошёл даром: женщины изменились, стали сильнее, увереннее в себе, более реалистично смотреть на жизнь и лиц противоположного пола, успешнее строить с ними отношения.

Люди выступают не против брака как такового, они не хотят плохо жить в браке, надеясь найти своё счастье в другом браке. Наверное, хорошо, что у них есть склонность к семейному образу жизни.

Статья поступила в редакцию 11.05.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.В. Семейная психология: учеб. пособие для студ. психол. ф-та. СПб., 2004. 244 с.
2. Аргентова Л.В., Аргентова Т.Е., Колотилина В.В. Повторный брак как феномен современной социальной жизни: монография. Кемерово, 2015. 108 с.
3. Арнаутова Е.П. Стабильность семьи, основанной на повторном браке // Семейная психология и семейная психотерапия. 1997. № 2. С. 55–69.
4. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. СПб., 2006. 351 с.
5. Захаров С. Браки и разводы в современной России [Электронный ресурс]. [2015]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/59/1528488636506fb24b30be4a42f0d8aa3d9646b13b/demoscope625.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).
6. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие для студ. М., 2005. 320 с.
7. Лидерс А.Г. Семья как психологическая система. Обнинск, 2004. 102 с.
8. Лофас Ж., Сова Д. Повторный брак: дети и родители. СПб., 2006. 320 с.
9. Повторный брак. Опять на те же грабли? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.woman.ru/rerelations/marriage/article/43452> (дата обращения: 15.11.2017).
10. Росстат. Статистический бюллетень по Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: kemerovostat.gks.ru (дата обращения: 19.01.2018).
11. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М., 2006. 768 с.

12. Эйдмиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2009. 672 с.
13. Cartwright C., Gibson K. The effects of co-parenting relationships with ex-spouses on couples in step-families. 2012. 320 p.
14. Cartwright C. Preparing to repartner and live in a stepfamily: An exploratory investigation // *Journal of Family Studies*. 2010. № 16 (3). P. 237–250.
15. Hetherington E.M. *Coping with Divorce, Single-Parenting, and Remarriage: A Risk and Resiliency Perspective*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1999.
16. Marriage, Family, & Stepfamily Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smartstepfamilies.com/view/statistics> (дата обращения: 11.01.2018).
17. Teachman J. Complex Life Course Patterns and the Risk of Divorce in Second Marriages // *Journal of Marriage and Family*. 2008. № 70. P. 294–305.

REFERENCES

1. Andreeva T.V. *Semeinaya psikhologiya* [Family psychology]. St. Petersburg, 2004. 244 p.
2. Argentova L.V., Argentova T.E., Kolotilina V.V. *Povtorny brak kak fenomen sovremennoi sotsial'noi zhizni* [Remarriage as a phenomenon of modern social life]. Kemerovo, 2015. 108 p.
3. Arnautova E.P. [The stability of the family, based on remarriage]. In: *Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya* [Family psychology and family psychotherapy], 1997, no. 2, pp. 55–69.
4. Burlachuk L.F. *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnosics]. St. Petersburg, 2006. 351 p.
5. Zakharov S. *Braki i razvody v sovremennoi Rossii* [Marriage and divorce in modern Russia], 2015. Available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/59/1528488636506fb24b30be4a42f0d8aa3d9646b13b/demoscope625.pdf> (accessed: 15.11.2017).
6. Karabanova O.A. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya* [Psychology of family relations and the basis of family counselling]. Moscow, 2005. 320 p.
7. Lidars A.G. *Sem'ya kak psikhologicheskaya sistema* [The family as a psychological system]. Obninsk, 2004. 102 p.
8. Lofas J., Sova D. *Povtorny brak: deti i roditeli* [Remarriage: children and parents]. St. Petersburg, 2006. 320 p.
9. *Povtorny brak. Opyat' na te zhe grabli?* [Remarriage. Drop the same brick again?]. Available at: <http://www.woman.ru/relation/marriage/article/43452> (accessed: 15.11.2017).
10. *Rosstat. Statisticheskii byulleten' po Kemerovskoi oblasti* [Rosstat. Statistical Bulletin of Kemerovo region]. Available at: kemerovostat.gks.ru (accessed: 19.01.2018).
11. Shneider L.B. *Semeinaya psikhologiya* [Family psychology]. Moscow, 2006. 768 p.
12. Eidemiller E.G., Yustitskis V.V. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg, 2009. 672 p.
13. Cartwright C., Gibson K. The effects of co-parenting relationships with ex-spouses on couples in step-families. 2012. 320 p.
14. Cartwright C. Preparing to repartner and live in a stepfamily: An exploratory investigation. In: *Journal of Family Studies*, 2010, no. 16 (3), pp. 237–250.
15. Hetherington E.M. *Coping with Divorce, Single-Parenting, and Remarriage: A Risk and Resiliency Perspective*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1999.
16. Marriage, Family, & Stepfamily Statistics. Available at: <http://www.smartstepfamilies.com/view/statistics> (accessed: 11.01.2018).
17. Teachman J. Complex Life Course Patterns and the Risk of Divorce in Second Marriages. In: *Journal of Marriage and Family*, 2008, no. 70, pp. 294–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргентова Татьяна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета;
e-mail: argentovat@gmail.com;

Аргентова Лариса Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета;
e-mail: argentovalora@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Argentova – candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the department of psychological sciences, Social and Psychological Institute of Kemerovo State University;
e-mail: argentovat@gmail.com;

Larisa V. Argentova – candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the department of psychological sciences, Social and Psychological Institute of Kemerovo State University;
e-mail: argentovalora@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аргентова Т.Е., Аргентова Л.В. Особенности оценки женщинами проблем в семье при первом и повторном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-51-59.

FOR CITATION

Argentova T., Argentova L. Features of assessing the problems in the family by remarried women and women in the first marriage. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-51-59.

УДК 316.6.

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-60-73

ФАКТОРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КОУПИНГА БЕЗРАБОТНЫХ В УСЛОВИЯХ ВТОРИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Дробышева Т.В.¹, Тихонова Э.В.²

¹ *Институт психологии Российской академии наук
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация*

² *Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. В статье изложены результаты эмпирического исследования коллективно-символического коупинга, выполняющего функцию адаптации безработных к изменившимся социально-экономическим условиям их жизнедеятельности. Потеря работы и, как следствие, изменение экономического статуса заставляют безработных освоить данную ситуацию на ментальном уровне и выработать конкретные шаги по адаптации к ней. Целью исследования стало выявление факторов конструирования социальных представлений, выполняющих роль коллективного символического коупинга. В исследовании рассмотрены факторы «с постоянным эффектом»: время пребывания в статусе безработного, уровень дохода семьи и субъективный экономический статус. Выборка безработных включала 393 чел., все – жители Нижегородской области. Показано, что чем меньше время пребывания респондентов в статусе безработного, тем чаще они предпочитают активные способы совладания с трудной жизненной ситуацией и реже склоняются к уходу от решения проблем. Снижение субъективного экономического статуса безработных обуславливает принятие ими ситуации потери работы как неизбежной, актуализирует их эмоциональные переживания ненужности, невостребованности, сопутствует переживанию депрессивного состояния.

Ключевые слова: коллективный символический коупинг, вторичная экономическая социализация, безработные, социальные представления, ситуация потери работы, субъективный экономический статус.

FACTORS OF COLLECTIVE SYMBOLIC COPING FOR THE UNEMPLOYED IN CONDITIONS OF SECONDARY ECONOMIC SOCIALIZATION

T. Drobysheva¹, E. Tikhonova²

¹ *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
13, Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366 Russian Federation*

² *Nizhny Novgorod State University (Arzamas Branch)
36, K. Marx ul., Arzamas, Nizhny Novgorod region, 607220, Russian Federation*

Abstract: The article lists the results of the empirical research of collective symbolical coping, which fulfills the function of the unemployed people adaptation to the new socio-economic conditions of their vital activities. The loss of job and – as effect – change of economic status make the unemployed comprehend this situation on a mental level and work out specific steps to adapt to it. The research sets its goal as identifying factors constructing social representations playing the role of collective symbolical coping. The research analyzes the factors “with constant effect”: duration of the unemployed status, family income level and subjective economic status. The sample of the unemployed includes 393 individuals – all residents of Nizhniy Novgorod region. It has been shown that the shorter unemployed status duration for respondents the more often they prefer active means of coping with difficult situation in their lives, and the less often they are inclined to withdrawing from solving problems. The decline of a subjective economic status of the unemployed determines their acceptance of a job loss situation as unavoidable, actualizes their emotional feelings of uselessness, makes them feel unwanted and accompanies depressive state.

Key words: collective symbolical coping, secondary economic socialization, the unemployed, social representations, job loss situation, subjective economic status.

Введение

Проблемы занятости и безработицы являются предметом исследований в разных отраслях психологии и смежных с ней дисциплин: экономической психологии и социологии, поведенческой экономики, институциональной экономики, психологии труда, социальной, клинической психологии и т. п. По сравнению с экономистами и социологами, акцентирующими внимание на самом явлении (его социальной природе, динамике, формах и видах безработицы и т. п.), психологи в большей степени ориентированы на изучение социальных и психологических причин, последствий и способов совладания человека с фактом потери работы (А. Фернхэм, Д. Фраер, М. Яхота, П. Келвин, Дж. Джаретт, А. Голдсмит, И.А. Волошина, А.С. Готлиб, С.А. Гусев, А.Н. Демин, О.В. Дивеева, Т.В. Кузьмина, А.А. Нестерова, Ю.М. Плюснин, С.А. Петунова, М.В. Тарасов, А.К. Осницкий, Т.С. Чуйкова и др.).

Заметим, что в современной социальной психологии (как зарубежной,

так и отечественной) выделение разных уровней анализа – личностного, группового, социетального – имеет свои парадигмальные традиции, которым следуют представители разных научных школ. К примеру, проблема совладания с трудной жизненной ситуацией более широко изучается в области психологии занятости и безработицы на личностном уровне, в русле естественно-научного подхода (Л. Уотерс, К. Мур, Ст. Ратцель, Дж. Вейманн, А.Н. Демин, М.В. Тарасов, А.А. Нестерова, С.А. Цветков и др.). В рамках этого подхода групповой уровень анализа стратегий, или способов совладания строится исследователями по среднестатистическим данным и их выраженности в той или иной группе [3; 11; 13; 14]. В то же время изучение больших социальных групп (в нашем случае безработных) на социетальном уровне, по мнению специалистов [1; 2; 9; 10; 16; 17], предполагает выделение совокупности феноменов («социальные представления», «кол-

лективные переживания», «коллективные чувства», «коллективная память», «коллективный символический коупинг» и многие другие), которые отличаются от личностных как по своей природе, так и по структуре, механизмам их функционирования [см. 6; 7; 19].

К примеру, феномен совладания («коупинг-стратегии»), разрабатываемый Р. Лазарусом и С. Фолкман, а также получивший широкое распространение в отечественной науке благодаря работам отечественных психологов [12; 14], предполагает анализ стратегий реагирования *личности* в сложных ситуациях. Социетальный уровень анализа проблемы совладания безработных с ситуацией потери работы требует поиска иного теоретического подхода. В частности, аккумулированного в гуманитарном направлении исследований социальных явлений (парадигма «понимания») (см. работы Г.М. Андреевой и её последователей, учеников) [1; 2; 7; 8]. В нашей работе в качестве теоретического основания была принята концепция «коллективного символического коупинга», сформулированная В. Вагнером [19] и развиваемая Т.П. Емельяновой и её коллегами [6]. В рамках данной концепции «коллективный символический коупинг» выступает важнейшим механизмом стабилизации социального поведения в сложных ситуациях, в экстремальных условиях, при столкновении группы с реальными проблемами. Коммуникативное знание, порождённое коупингом, состоит из ряда убеждений, образов и метафор, конструирующих социальное представление (СП) о какой-либо проблеме [7]. В свою очередь, социальное

представление¹, разрабатываемое в школе С. Московичи при участии Ж.-К. Абрика, В. Дуаза, Д. Жоделе, Ж. Кодела, К. Фламана, а также И.Б. Бовиной, Т.П. Емельяновой, Е. Пащенко-де Превиль [7 и др.], трактуется как особая форма коллективного знания, социально сконструированного, разделяемого индивидами, входящими в сообщество, и служащего для повседневного практического применения. В контексте нашей работы социальное представление выступает ментальным следствием коллективного символического коупинга. Структура СП включает два компонента – ядерный (центральный) и периферийный, каждый из которых выполняет свою функцию (см. более подробно [7]).

В данном исследовании коллективный символический коупинг изучается как один из механизмов вторичной экономической социализации в условиях потери работы. Потеря работы

¹ Следует разделять понятия «представление» индивида, личности о социальных явлениях и «социальные представления» (СП). Первое в разных теоретических социально-психологических подходах представляет собой: образы социальных явлений, отражённых в сознании индивида, личности; ментальные репрезентации обыденного сознания личности и т. п. Второе понятие традиционно разрабатывается во французской социологической школе социальной психологии С. Московичи его учениками и последователями. «Социальные представления» – категория, представляющая собой сеть понятий, утверждений, умозаключений, возникающих в повседневной жизни в ходе межличностного взаимодействия. Они порождаются большой группой в жизненно важной для неё ситуации и выполняют ряд функций, в том числе адаптации к изменяющейся социальной среде (см. Емельянова и др.). В связи с чем представления личности или группы людей о совладании с потерей работы не сопоставимы с «социальными представлениями» большой группы относительно той же проблемы.

и, как следствие, изменение экономического статуса заставляют безработных освоить данную ситуацию на ментальном уровне и выработать какие-то конкретные шаги по адаптации к ней. В данном случае успешная адаптация предполагает принятие трудной жизненной ситуации и дальнейшую выработку способов её преодоления.

В своей работе мы также опирались на: «витаминную модель» П. Уорра [20], в рамках которой выделяются факторы, детерминирующие психическое и физическое здоровье безработного; исследования Э. Кирхлера, раскрывающие динамику состояния безработных в зависимости от стажа безработицы [18]. В нашем исследовании были рассмотрены объективные и субъективные факторы «с постоянным эффектом» – субъективный экономический статус и время пребывания в статусе безработного.

Новизна настоящего исследования связана с анализом макросоциального уровня феномена потери работы представителями массовых профессий. Впервые поставлены задачи: операционализации конструкта «коллективный символический коупинг»; выделения структуры социальных представлений, выполняющих функцию коллективного символического коупинга; описания эмпирических коррелят, наполняющих теоретический конструкт. Авторский подход к изучению коллективного совладания представителями большой социальной группы основывается на принципах гуманитарного подхода в социальной психологии.

Проблема исследования определялась выявлением роли объективных и субъективных факторов в конструировании социальных представле-

ний, выполняющих функцию коллективного символического коупинга в группе безработных. Более широкое обоснование проблемы связано с содержанием вторичной экономической социализации безработных. Интернализация ими нового знания, опыта, образцов поведения способствует их последующей социально-экономической адаптации к изменившимся экономическим условиям жизнедеятельности.

Целью настоящего исследования стали выявление и последующий анализ направленности коллективного символического коупинга во взаимосвязи с его объективными и субъективными факторами.

Гипотеза: предположили, что в условиях социально-экономической, политической нестабильности, неопределённости будущего (период сбора данных до выборов Президента) конструктивная либо деструктивная направленность коллективного символического коупинга будет по-разному связана с объективным (стаж пребывания в статусе безработного) и субъективным (субъективный экономический статус) факторами.

Сбор данных проводился в предвыборный период (выборы Президента РФ), характеризуемый, с одной стороны, позитивным дискурсом в СМИ и относительной стабильностью в области экономического развития, с другой стороны, сложной внешней ситуацией, усиливающей состояние неопределённости, нестабильности в группе людей, потерявших работу.

Описание выборки. В исследовании принимали участие респонденты, проживающие в Нижегородском регионе. Общее количество респондентов – 393 человека в возрасте от 25 до 60 лет, из

них 53% – женщины, 47% – мужчины. Распределение по возрастным группам примерно равное: 42% безработных от 46 лет и старше, 30% – от 36 до 45 лет, остальные – от 25 до 35 лет. В связи с поставленной целью группа не была разделена по критериям «сфера деятельности» или «добровольно / вынужденно уволенные». Большая часть безработных (почти 70%) пребывает в этом статусе до года. Как показывают исследования, именно в этот период респонденты наиболее оптимистично рассматривают свой статус и находятся в активном поиске нового места работы. Субъективный экономический статус респондентов включал средние оценки уровня материального благосостояния семьи и удовлетворённости им. Экономическая самооценка и рефлексивная самооценка, т. е. отнесение себя к какой-либо категории людей по шкале «бедный – богатый» и оценка того, к какой категории тебя приписывают близкие, также были выражены на уровне средних значений («ни бедный, ни богатый»). В то же время 53% безработных отметили ежемесячный доход семьи от 10 до 20 тыс. руб. на человека, а 40% – от 20 до 30 тыс. руб.

Программа исследования состояла из: опросника (35 утверждений), включающего разные способы совладания с ситуацией потери работы. Все утверждения были внесены в опросник по результатам, полученным в процессе нетнографического анализа материалов профильных интернет-сайтов. Респондентам предлагалось оценить утверждения по 5-балльной шкале от «полностью не согласен» до «полностью согласен». Авторская анкета включала набор вопросов, связанных с выявлением социо-демографических

(пол, возраст, состав семьи, образование, стаж работы, стаж безработного, доход семьи на 1 чел. в месяц) и экономико-психологических характеристик респондентов – субъективного экономического статуса. Последний включал четыре измерения: оценки уровня материального благосостояния семьи, оценки уровня удовлетворённости материальным благосостоянием семьи, оценки самокатегоризации по 5-балльной шкале «бедный – богатый» и рефлексивные оценки респондентов по этой шкале (как тебя оценивают другие по шкале «бедный – богатый» (разработка структуры феномена В.А. Хащенко [15])). Для статистической обработки данных применялась программа SPSS.22.0. Выбор статистических методов определялся поставленными в работе задачами.

Результаты эмпирического исследования

На первом этапе работы выявляли *структуру социальных представлений о совладании безработных с ситуацией потери работы*.

На основе частотного анализа выделили группу представлений, наиболее разделяемых безработными. Это стабильная и устойчивая к изменениям система представлений, составляющая ядро СП. К данной категории представлений были отнесены те из них, чей коэффициент позитивных ответов в группе превышал 50%. На основании анализа смысловой нагрузки суждений, отнесённых к ядру, выделились два способа ментального овладения респондентами ситуацией потери работы. Речь идёт об *активном* («стараюсь найти хоть что-то близкое моему образованию и опыту» (80%), «настроен(а)

на упорные поиски работы» (79%), «не раскисаю, не унываю, глаза боятся – руки делают» (76%), «ищу разные варианты работы, хожу по организациям, поднимаю на ноги всех знакомых» (64%) и т. п.) и *пассивном*, связанном с принятием ситуации как неизбежной («все хорошие места уже заняты, работы в период кризиса мало» (55%), «в моем возрасте найти работу становится все сложнее» (53%) и т. п.), способах совладания. Корреляционный анализ связи суждений, отнесенных к ядерному компоненту СП, показал, что те из них, которые характеризуют активный способ совладания, обратно пропорционально связаны с суждениями, раскрывающими пассивный способ совладания (по Спирмену, при $p \leq 0,05$), т. е., чем более выражена направленность на активное совладание в группе респондентов, тем в меньшей степени они склонны к фатализму.

Суждения, процент согласия с которыми варьировался от 20% до 50%, составили группу представлений периферии, близкой к ядру. Здесь выделились три способа совладания. Первый из них был связан с *эмоциональными переживаниями безработных относительно их невостребованности как профессионалов* («испытываю страх и беспокойство в отношении будущего» (43%), «боюсь собеседований, мне не хватает уверенности, чтобы презентовать себя» (24%), «мне стыдно, что я не работаю» (37%), «обидно, что не берут на работу, чувствую себя человеком второго сорта» (31%), «с моим опытом работы я никому не нужен(на)» (22%) и т. п.). Второй способ включал стратегии, указывающие на *психологическую готовность респондентов осваивать новые сферы деятельности*

и, как следствие, отказ от претензии на продолжение той профессиональной деятельности, которой занимались до увольнения и в которой уже достигли какого-то результата («прохожу или планирую пройти курсы повышения квалификации или освоить другую профессию» (46%), «согласен(на) на любую работу, даже если будут мало платить, параллельно буду искать лучший вариант» (25%) и т. п.). Наконец, третий способ совладания был связан со стратегиями *ухода от ситуации* («лучше сидеть дома, чем соглашаться работать за копейки» (27%), «откладываю поиски работы, хотя понимаю, что не должен(на) этого делать» (24%), «пусть муж обеспечивает» (23%), «надеюсь на помощь государства» (29%) и т. п.). Все они значимо коррелировали между собой (по Спирмену, при $p \leq 0,05$).

Собственно периферия СП включала суждения с минимальной степенью согласия (коэф. позитивных ответов от 20% и меньше). В данном компоненте выделились два способа совладания. Первый из них связан с *переживанием респондентами состояния депривации в связи с потерей работы* («у меня бывают истерики, подавленное, депрессивное настроение» (16,5%), «нахожусь в отчаянии, не знаю, что делать дальше» (14%), «чувствую апатию, безразличие, теряю аппетит» (13%) и т. п.), второй – с поиском *форм совладания, которые требуют дополнительных внешних ресурсов* («открою собственное дело, займусь бизнесом» (13%), «перееду в другой город, где больше возможностей» (18%), «буду сдавать квартиру или комнату» (9%), «буду искать работу за границей» (6%) и т. п.). Принимая во внимание тот факт, что

значительная часть респондентов проживает в маленьких городах и посёлках городского типа Нижегородской области, а также учитывая ситуацию потери работы в связи с закрытием предприятий или организаций, установки безработных на поиск работы за границей или занятие бизнесом воспринимаются как неконструктивные.

На втором этапе исследования выявляли *связь между СП, выполняющими функцию символического коупинга, и показателями субъективного экономического статуса (СЭС) и стажа безработного*. СЭС рассматривался как субъективный фактор символического коупинга, а стаж безработицы – как объективный фактор.

Корреляционный анализ суждений (по Спирмену, при $p \leq 0,05$), отнесённых к ядру СП, и показателей стажа безработицы респондентов выявил, что существует связь между выбором активных способов совладания и временем пребывания в статусе безработного. Причём, чем меньше времени прошло с момента потери работы, тем больше респонденты настроены на упорные её поиски ($r = -0,105$; $p = 0,037$), стараются не раскисать, не унывать («глаза боятся – руки делают») ($r = -0,114$; $p = 0,024$), ищут разные варианты работы, ходят по организациям, поднимают на ноги всех знакомых ($r = -0,135$; $p = 0,007$), но при этом осознают, что, чем они старше, тем сложнее найти работу ($r = 0,112$; $p = 0,026$). Среди всех суждений, отнесённых к периферии, близкой к ядру, только одно образует связь со стажем безработицы респондентов («надеюсь на помощь государства» ($r = 0,12$; $p = 0,018$)), т. е., чем дольше респонденты не могут найти

работу, тем больше выражено совладание с опорой на внешние, а не на внутренние ресурсы. Наконец, представления собственно периферии, а именно: «я потерял(а) квалификацию, и шансы устроиться на работу тают» ($r = 0,112$; $p = 0,026$); «с моим дипломом специалиста на простую, неквалифицированную работу уже не возьмут» ($r = 0,126$; $p = 0,012$); «буду искать работу за границей» ($r = 0,105$; $p = 0,038$) – коррелируют со стажем безработицы респондентов. Чем больше этот стаж, тем более выражено переживание ими депривации с опорой на неконструктивный способ совладания.

Итак, ядро СП, включающее устойчивые элементы – суждения респондентов о конструктивных способах совладания с ситуацией потери работы, – по мере увеличения стажа безработицы будет расширяться, вбирая в себя элементы периферии, близкой к ядру. Следовательно, опора на внутренние ресурсы будет заменяться на внешние (помощь государства). Поскольку периферия СП рассматривается исследователями (И.Б. Бовина, Т.П. Емельянова, Е. Пащенко-де Превиль и др.) как более динамичное образование, быстро реагирующее на изменения ситуации, можно предположить, что с удлинением периода безработицы респонденты будут готовы согласиться выполнять любую, даже неквалифицированную работу, пополнив ряды трудовых мигрантов в столице и за рубежом.

Совладание с травмирующей жизненной ситуацией, связанной с потерей работы, включает поиск способов адаптации и к изменившемуся эконо-

мическому статусу. В данном случае субъективный экономический статус выступает в качестве «внутреннего фактора» (в терминах Б.Ф. Ломова).

Напомним, что показатели СЭС включали четыре параметра оценок:

уровень материального благосостояния семьи, уровень удовлетворённости им, самокатегоризацию по шкале «бедный – богатый» и рефлексивные оценки респондентов по этой же шкале (табл. 1).

Таблица 1

Связь ядерных представлений и оценок субъективного экономического статуса

Представления / показатели СЭС	Оценка уровня материального благосостояния семьи	Оценка удовл. уровнем материального благосостояния семьи	Оценка самокатегоризации по шкале «бедный – богатый»	Рефлексивная оценка по шкале «бедный – богатый»
«все хорошие места в период кризиса уже заняты»	-0,243**	-0,248**	0,151**	0,124*
«в моем возрасте найти работу становится сложнее»	-0,329**	-0,273**	0,183**	0,95*
«все хорошие должности можно занять только по благу»	-0,294**	-0,265**	0,182**	0,140**
«стараюсь жить более экономно. Сокращаю свои расходы»	-0,256**	-0,216**	0,171**	0,109*

Корреляционный анализ (см. табл. 1) суждений, отнесённых к ядру, а именно: «все хорошие места в период кризиса уже заняты», «в моем возрасте найти работу становится сложнее», «все хорошие должности можно занять только по благу», «стараюсь жить более экономно. Сокращаю свои расходы» и показателей СЭС дал следующее. Чем ниже оценки уровней материального благосостояния семьи и удовлетворённости им, тем более выражено у респондентов пессимистичное настроение, убеждёность в том, что найти квалифицированную работу невозможно, и тем более выражена ориентация на снижение качества жизни (экономить на всём). Ана-

логичная связь обнаружена между этими же суждениями и показателями самокатегоризации и рефлексивных оценок респондентов по шкале «бедность – богатство». Чем ниже респонденты оценивают себя по шкале «бедность – богатство», тем в большей степени они согласны с данными утверждениями. Поскольку ядро СП – наименее динамичная часть репрезентаций, можно сделать вывод, что низкий СЭС в данной группе безработных обуславливает выбор стратегии фатализма, принятие ситуации как неизбежной.

Для периферии, близкой к ядру, характерна ситуация, описанная в таблице 2.

Таблица 2

Связь представлений периферии, близкой к ядру, и оценок субъективного экономического статуса

Представления / показатели СЭС	Оценка уровня материального благосостояния семьи	Оценка удовл. уровнем материального благосостояния семьи	Оценка самоока-тегоризации по шкале «бедный – богатый»	Рефлексивная оценка по шкале «бедный – богатый»
«испытываю страх и беспокойство в отношении будущего»	-0,271**	-0,211**	0,201**	0,183**
«обидно, что меня не берут на работу, чувствую себя человеком второго сорта»	-0,143**	-0,118*	0,157**	0,136**
«чувствую злость на работодателей. Кадровики замучили меня тупыми вопросами»	-0,225**	-0,264**	0,162**	0,111*
«планирую пройти курсы повышения квалификации или освоить другую профессию»	0,145**	-	-	-

Аналогичный анализ связи суждений, отнесённых к периферии, близкой к ядру, и показателей СЭС выявил следующее. Низкие показатели СЭС в большей степени обуславливают спектр переживаний респондентов – страха, беспокойства в отношении будущего, чувства обиды, злости на работодателей, ощущение собственной ненужности, и в меньшей степени – готовность респондентов осваивать новые сферы деятельности. В последнем случае исключение составляет установка на прохождение курсов или освоение новой профессии. Она коррелирует с оценками уровня материального благосостояния семьи: чем ниже оценки, тем выше убеждённость в том, что надо осваивать новую профессию, т. е. данный показатель СЭС может быть рассмотрен как механизм совладания, запускающий поисковую ак-

тивность безработных, участвующих в исследовании. Интересно, что выбор стратегии ухода от ситуации потери работы (элемент периферии, близкой к ядру) никак не связан с СЭС респондентов. По всей видимости, здесь речь идёт о личностной детерминации выбора такой стратегии. Наконец, собственно периферия включала два способа совладания – это переживание депривации и поиск таких стратегий совладания с ситуацией, которые требуют дополнительных материальных или финансовых ресурсов (бизнес, переезд за границу, сдача квартиры). Корреляционный анализ (табл. 3) показал, что состояние депривации безработных в большей степени связано с таким показателем СЭС, как самоока-тегоризация по шкале «бедный – богатый», и в меньшей степени с другими параметрами СЭС.

Таблица 3

**Связь представлений периферии и оценок субъективного
экономического статуса**

Представления / показатели СЭС	Оценка уровня материального благосостояния семьи	Оценка удовл. уровнем материального благосостояния семьи	Оценка самокатегоризации по шкале «бедный – богатый»	Рефлексивная оценка по шкале «бедный – богатый»
«у меня бывают истерики, подавленное, депрессивное настроение»	–	–	0,104*	–
«нахожусь в отчаянии, не знаю, что делать дальше»	–0,136**	–0,110*	0,159**	0,119**
«чувствую апатию, безразличие к жизни, теряю аппетит»			0,127**	–

Поскольку этот параметр оценки СЭС в группе респондентов варьируется в средних значениях (большая часть респондентов оценила себя как «ни бедный, ни богатый»), в то время как оценки удовлетворённости уровнем материального благосостояния достаточно низкие, можно сказать, что экономическая категоризация выступает механизмом сохранения состояния эмоциональной стабильности в этой группе.

Заключение

В данном исследовании коллективный символический коупинг рассматривается как механизм совладания группы с ситуацией потери работы в условиях вторичной экономической социализации (ЭС). Содержанием вторичной ЭС являются интернализация¹ нового экономического знания, экономического опыта, элементов экономической куль-

¹ Интернализация – сознательное и активное восприятие социальных явлений и объектов, их активное воспроизводство в своей деятельности.

туры, образцов экономического поведения и последующая адаптация личности или группы к изменившимся экономическим условиям жизнедеятельности человека или социально-экономическим условиям социальной среды [4; 5]. Выявленные в работе стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией включают поиск безработными новых форм реализации своих возможностей, их установки на обучение новым профессиям, смену видов деятельности и т. п. Показано, что субъективный и объективный факторы, определяемые как факторы «с постоянным эффектом», поразному запускают механизм коллективного символического коупинга. Так, протяжённость времени пребывания респондентов в статусе безработного связана с их опорой на активные способы совладания, уходом от решения проблем, переживанием депривации, с поиском внешних ресурсов совладания. Снижение субъективного экономического статуса безработных обуславливает принятие ими ситуации потери

работы как неизбежной, актуализирует их эмоциональные переживания ненужности, невостребованности как профессионалов, сопутствует переживанию респондентами депрессивных состояний с опорой на неконструктивные способы совладания.

В условиях финансового кризиса факт потери работы приводит к резкому снижению показателей субъективного экономического статуса безработного. В нашем исследовании более половины респондентов отметили низкие значения и уровня дохода своей семьи. Однако обобщённые показатели их субъективного экономического статуса варьировались в средних значениях. Можно только предположить, что вытеснение безработными в своём сознании факта снижения экономического статуса на ментальном уровне выполняет «функцию защиты».

В целом группа безработных, принимавшая участие в исследовании,

характеризуется как группа «успешных» адаптантов, так как центральный (ядерный) компонент её социальных репрезентаций включает способы активного поиска альтернативного места работы. Для данных респондентов важно, чтобы на новом месте были востребованы их профессионализм, образование и опыт.

Многие исследователи [11; 20] считают, что наиболее сильное негативное влияние на психологическое здоровье, снижающее успешность адаптации к изменяющейся жизненной ситуации, оказывает стаж безработицы. Мы показали, что для исследованной группы безработных, проживающей в конкретном регионе, снижение субъективного экономического статуса имеет более выраженный неконструктивный эффект адаптации к трудной жизненной ситуации.

Статья поступила в редакцию 10.04.2018 г.

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENTS

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00488 «Особенности экономической социализации в условиях потери работы: коллективный символический коупинг у представителей социономических профессий».

The study was supported by RFBR project № 17-06-00488 “Features of economic socialization in the conditions of job loss: collective symbolic coaching among representatives of social professions».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2004. 365 с.
2. Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В. Психология больших социальных групп: новые судьбы, новые подходы // Социальная психология в современном мире. М., 2002. С. 132–147.
3. Демин А.Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса: дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2005. 407 с.
4. Дробышева Т.В. Вторичная экономическая социализация личности и группы: понятие и основные направления исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. № 4. С. 312–317.

5. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М., 2018. С. 116–132.
6. Емельянова Т.П. Социальные представления и символический коупинг в условиях культурной травмы // Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2009. С. 85–136.
7. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М., 2016. 476 с.
8. Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3–22.
9. Емельянова Т.П., Журавлев А.Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
10. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни, психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
11. Колобкова А.И. Особенности самооценки в связи с критическим событием – потерей и отсутствием работы (на материале работающих и безработных граждан Германии): дис. ... докт. психол. наук. Пермь, 1999. 198 с.
12. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: монография. Кострома, 2004. 344 с.
13. Нестерова А.А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: дис. ... докт. психол. наук. М., 2011. 525 с.
14. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М., 2008. 474 с.
15. Хащенко В.А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 32–49.
16. Шорохова Е.В. Теоретические проблемы исследования больших социальных групп // Социальная психология. М., 2002. С. 252–267.
17. Farr R. Waxing and waning of interest in societal psychology: a historical perspective // Societal psychology. London: SAGE, 1990. P. 46–65.
18. Kirchler E. Job loss and mood. Original Research Article // Journal of Economic Psychology. 1985. Vol. 6. № 1. P. 9–25.
19. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. Vol. 3 (4). P. 297–329.
20. Warr P. Work and unemployment // Handbook of Work and Organizational Psychology / eds. P.J.D. Drenth, H. Thierry, P.J. Willems, C.J. de Wolff. Chichester: Wiley, 1984. P. 413–443.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, 2004. 365 p.
2. Bogomolova N.N., Dontsov A.I., Folomeeva T.V. [Psychology of large social groups: new destiny, new approaches]. In: *Sotsial'naya psikhologiya v sovremennom mire* [Social psychology in the modern world]. Moscow, 2002, pp. 132–147.
3. Demin A.N. *Lichnost' v krizise zanyatosti: strategii i mekhanizmy preodoleniya krizisa: dis. ... dokt. psikhol. nauk* [A person in the employment crisis: strategies and mechanisms for overcoming the crisis: D. thesis in Psychological sciences]. Krasnodar, 2005. 407 p.

4. Drobysheva T.V. [Secondary economic socialization of individuals and groups: notion and main directions of research]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. New series. Acmeology of education. Developmental psychology], 2017, vol. 6, no. 4, pp. 312–317.
5. Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L. [The system of factors of economic consciousness in terms of secondary economic socialization]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya global'nykh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy* [Psychological studies of global processes: background, trends, prospects]. Moscow, 2018, pp. 116–132.
6. Emel'yanova T.P. [Social representations and symbolic coping in the conditions of cultural trauma]. In: Zhuravlev A.L., Yurevich A.V., eds. *Makropsikhologiya sovremennoogo rossiiskogo obshchestva* [Macropsychology of the modern Russian society]. Moscow, 2009, pp. 85–136.
7. Emel'yanova T.P. *Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social representations: history, theory and empirical research]. Moscow, 2016. 476 p.
8. Emel'yanova T.P. [The phenomenon of collective feelings in the psychology of large social groups]. In: *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [The Institute of psychology RAS. Social and economic psychology], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 3–22.
9. Emel'yanova T.P., Zhuravlev A.L. [Psychology of large social groups as collective subjects]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2009, vol. 30, no. 3, pp. 5–15.
10. Zhuravlev A.L. [Collective subject: basic features, levels and psychological types]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2009, vol. 30, no. 5, pp. 72–80.
11. Kolobkova A.I. *Osobennosti samootsenki v svyazi s kriticheskim sobytiem – poterei i otsutstviem raboty (na materiale rabotayushchikh i bezrabotnykh grazhdan Germanii): dis. ... dokt. psikhol. nauk* [Peculiarities of self-assessment in connection with the critical event, the loss and lack of work (on the material of the employed and unemployed citizens of Germany): D. thesis in Psychological sciences]. Perm, 1999. 198 p.
12. Kryukova T.L. *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya* [Psychology of coping behavior]. Kostroma, 2004. 344 p.
13. Nesterova A.A. *Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya zhiznesposobnosti molodezhi v situatsii poteri raboty: dis. ... dokt. psikhol. nauk* [The socio-psychological concept of the vitality of young people in the situations of loss of work: D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2011. 525 p.
14. Zhuravlev A.L., Krukova T.L., Sergienko E.A., eds. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping behavior: contemporary state and prospects]. Moscow, 2008. 474 p.
15. Khashchenko V.A. [Economic identity: the psychological determinants of formation]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2004, vol. 25, no. 5, pp. 32–49.
16. Shorokhova E.V. [Theoretical problems in the study of large social groups]. In: *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, 2002, pp. 252–267.
17. Farr R. Waxing and waning of interest in societal psychology: a historical perspective. In: *Societal psychology*. London, SAGE, 1990, pp. 46–65.
18. Kirchler E. Job loss and mood. Original Research Article. In: *Journal of Economic Psychology*, 1985, vol. 6, no. 1, pp. 9–25.
19. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. In: *Culture and psychology*, 1998, vol. 3 (4), pp. 297–329.
20. Warr P. Work and unemployment. In: Drenth P.J.D., Thierry H., Willems P.J., Wolff C.J. de., eds. *Handbook of Work and Organizational Psychology*. Chichester, Wiley, 1984, pp. 413–443.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru;

Тихонова Элеонора Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
e-mail: mit1972@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Drobysheva – PhD, senior research officer, laboratory of social and economic psychology, Federal State-financed Establishment of Sciences, Institute of Psychology RAS, Moscow;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru;

Eleonora V. Tikhonova – PhD, associate professor, Department of general and practical psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas, Nizhny Novgorod Region;
e-mail: mit1972@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дробышева Т.В., Тихонова Э.В. Факторы коллективного символического коупинга безработных в условиях вторичной экономической социализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 60–73.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-60-73.

FOR CITATION

Drobysheva T., Tikhonova E. Factors of collective symbolic coping for the unemployed in conditions of secondary economic socialization In: *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 60–73.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-60-73.

УДК 159.9.316.356.2; 613.846

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-74-85

ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ЗАВИСИМЫХ ОТ ТАБАКОКУРЕНИЯ

Кобзев Е.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена особенностям отношений в семье юношей и девушек, употребляющих и не употребляющих никотина. Изучены особенности отношений респондентов, употребляющих и не употребляющих табака, к своим родителям, проведена оценка качества тактильного контакта испытуемых в раннем детстве с матерями. На основе эмпирического исследования установлено, что табакокурильщики отмечали фрагментарность телесного контакта с матерями в детском возрасте в противоположность некурящим. Юноши-курильщики в большей степени среди важных для себя лиц считают маму и папу, чем некурящие испытуемые. Они ожидают от собственных отцов большего внимания к себе. Девушки-курильщицы эмансипируются от своих матерей в большей степени, чем некурящие респондентки.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, табачная зависимость, младенческая травма, юношеский возраст, семейные отношения, отношение к отцу, отношение юношей и девушек к матерям.

PSYCHOLOGY OF RELATIONS IN THE FAMILY OF BOYS AND GIRLS DEPENDENT ON SMOKING

E. Kobzev

*Moscow Region State University,
10A, Radio ul. Moscow, 105005 Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the actual problem of nicotine-dependent boys' and girls' family relations and those who don't smoke. The features of attitude to parents of the two groups of respondents are studied. The quality of tactile contact between them when infants and their mothers is assessed. Empirical research enabled to state that in contrast to non-smokers tobacco smokers note the fragmentary nature of physical contact with mothers in childhood. Youngsters-smokers consider their mum and dad to be important people significantly more often than non-smoking subjects. Young people who smoke tobacco expect more attention from their own fathers. Girls-smokers emancipate from their mothers to a greater extent than non-smoking respondents.

Key words: addictive behavior, tobacco dependence, infant trauma, adolescence, family relationships, father-son relationships, boys' and girls' attitude to mothers.

Введение

Проблема табакокурения имеет особое значение в свете крайней распространённости этой привычки среди молодых людей, поскольку ею может прогнозироваться снижение состояния здоровья населения страны в ближайшем и отдалённом будущем [11]. По данным статистики, в России в настоящее время курят 39% подростков [1; 2].

Для изучения зависимости от курения и объяснения её причин в юношеском возрасте существуют научные психологические подходы. Курение рассматривают как вредную привычку, единичный поведенческий акт, не зависимый от поведения личности в целом, её защитных структур, смыслов и ценностей [10]. Утверждается взаимосвязь табакокурения с клиническими проявлениями и психическими нарушениями личности [6; 9]. Зависимость от табака обозначается как поведенческий акт, в возникновении которого принимают участие социально-психологические и индивидуально-личностные характеристики. Отмечается сложно иерархизированная психологическая система, которая формируется и функционирует на физиологическом, поведенческом и личностном уровнях [7]. Результаты психоаналитического изучения зависимостей показывают значительную роль младенческой травмы в их возникновении. Она обнаруживает себя страхом перед аффектом. Подчёркивается, что зависимые личности как в более позднее время, так и в пору младенчества с трудом переносят эмоциональное напряжение, склонны к ощущениям «небезопасности» и ожидают неприятностей. В резуль-

тате у аддиктов развивается потребность нуждаться в другом, значимом для них человеке или химическом веществе. Это может быть сигарета, которая способна, с точки зрения курильщика, заменить ему близкие отношения. Травма переживается будущим аддиктом в результате неудачных, нескладывающихся отношений между ним и его матерью. Эти отношения возникают и крепнут в результате сенсорных, тактильных и других физиологических стимулов при взаимодействии мамы и ребёнка на довербальном уровне в раннем детстве. Для индивида, который переживает психологическую младенческую травму, материнская репрезентация приобретает характер недостижимого идола, которому необходимо приносить в жертву самого себя. Ребёнок, развивающийся по аддиктивному сценарию, изначально выстраивает пассивную, зависимую стратегию, когда только мама имеет возможность заботиться о нём. Сам ребёнок «не должен» иметь свои желания, проявлять свои особенно агрессивные эмоции [5]. Благоприятный сенсорный, телесный контакт матери и ребёнка, позитивные жизнерадостные чувства в его адрес с её стороны в целом обеспечивают младенца питанием, являются факторами его разнообразной регуляции и основанием развития креативности, помогают развитию способности к самоутешению, а значит, заботе о себе. Это главное условие и особенность личности, способствующая, по мнению специалистов, снижению риска развития зависимого поведения, помогает сепарации ребёнка от матери на определённом этапе его психического развития [5].

Подробно рассматривая роль семьи в возникновении аддикции от курения табака в юношеском возрасте, А.М. Индершиева отмечает основные риск-факторы: порядок рождения детей по факту беременности матери, возраст родителей, состав семьи, семейную атмосферу, стиль семейного воспитания, проблемы и особенности родителей [3].

В семьях, где курильщики – юноши, отцы не имеют доминирующей позиции, мамы директивны и имеют экзальтированную или дистимную акцентуацию, у них отмечаются истеричность, тревожность, эмоциональная неустойчивость, а также социальная гиперответственность, высокомерие, честолюбие, стремление чрезмерно ограничивать активность своих детей. Отцы проявляют отстранённость и недостаточную включённость в семейные взаимоотношения. Аддикты на протяжении взросления ожидают в своей жизни «сильного и авторитетного отца» [3]. В подавляющем большинстве случаев родители аддиктов не имеют возможности правильно распознавать и передавать свои чувства другим людям, у них присутствуют коммуникативные нарушения.

Согласно исследованиям, влияние родителей на формирующуюся личность ребёнка и подростка является столь же значимым, как и дружеская компания или референтная группа сверстников [7]. Высокая степень подражания детей и подростков своим собственным родителям и значимым взрослым способствует началу их приобщения к курению. По мнению исследователей, подростки 12–13 лет в 75% случаев считают причиной собствен-

ного курения зависимость от мнения родителей. В 2/3 семей, где курили юноши и девушки, родители страдали никотинизмом. Студенты, чьи родители курили, в 1,5 раза чаще были подвержены риску табакокурения, чем те студенты, чьи родители (оба или по отдельности) не курили [4].

Решающая роль в формировании аддикции от химического вещества, в том числе и табака, среди юношей и девушек принадлежит стилям воспитания и общения в семьях. Согласно устойчивому мнению, подростки и юноши, которые не страдают табакокурением, чаще всего вырастают в семьях, где родители используют воспитательную традицию, центрированную на ребёнке. В данном случае родители проявляют устойчивый интерес, теплоту и доверие к подопечному. Вместе с этим всё чаще можно наблюдать неэффективное, патогенное воспитание и деструктивный стиль общения родителей и подростков, который способствует приобщению юношей и девушек к табакокурению. Изучая механизмы семейных взаимоотношений, которые могли привести к объяснению начала никотинозависимости респондентов, исследователи выяснили различие функционирования этих механизмов среди юношей и девушек. Для мальчиков решающим для первой пробы, начала и закрепления привычки курения является наличие семейной среды, где курят её члены. В курящих семьях регулярными курильщиками становится половина мальчиков. В 40% случаев привычка курить закрепляется, если курение присутствует в семьях или члены семьи курили в прошлом. И хотя взаимосвязь курения родителей и привычки курить у юношей не на-

столько сильная, но всё же очевидная. Нельзя подобного сказать о девушках. Выявлена связь курения родителей и первых проб курения респонденток. Однако совсем отсутствует связь табкозависимости взрослых и дальнейшего закрепления привычки употребления табака среди девушек. Более того, если девочка растёт в некурящей семье и пробует сигарету, вероятность того, что она станет заядлой курильщицей, будет выше, чем у той, что живёт в атмосфере курящих родителей. И хотя в некурящих семьях девочки начинают курить достаточно редко (только 25% пробовали сигарету), регулярными курильщицами из них становятся 40% [8].

Актуальным в фокусе внимания настоящего исследования является изучение особенностей семейных отношений личности в юношеском возрасте, которые могут служить условиями возникновения и развития курения табака. Целью исследования является изучение особенностей отношения молодых людей, употребляющих и не употребляющих табака, в семьях с отцами и матерями.

Методики и выборка

Психодиагностический метод исследования включал проективные и коннотативные методики. Основной методикой в исследовании явился метод «Незаконченные предложения» Сакса-Леви. В качестве дополнительных диагностических процедур применялись: анкета «Социально-психологические особенности в юношеском возрасте зависимых от табакокурения» и изложение «Моя семья». С помощью методики «Тест Фагерстрема» выявлялись степени

зависимости испытуемых от табакокурения.

Для обработки данных незаконченных предложений и изложений использовался контент-анализ, позволяющий анализировать смысловые, коннотативные поля испытуемых. Смысловые, интонационные и эмоциональные оттенки отношений при завершении предложений респондентами прояснялись экспериментатором устно в процессе предъявления вопросов.

Для обработки экспериментальных данных, выявления значимости отличий использовали метод углового преобразования (F-критерий Фишера). Для распределений признака в исследуемых выборках использовали χ^2 – критерий Пирсона. Результаты учитывались с достоверностью не ниже 95% ($p \leq 0,05$).

Эмпирическое исследование осуществлялось на базе Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Экспериментальные группы составили абитуриенты и студенты первого курса факультета психологии, экономики и права. Всего в исследовании участвовали 374 человека в среднем в возрасте 17,5–18 лет. Из них 97 девушек не курили, 92 зависимы от табакокурения. В состав основной группы юношей-курильщиков вошли 105 человек, число контрольной группы некурящих составило 80 респондентов. Сумма никотинозависимых по всей выборке – 197 участников.

Результаты и их обсуждение

С целью выяснения последствий нарушения кинестетической и общей чувствительности, которое возникло

предположительно на довербальном уровне сенсорного общения матери и ребёнка, респондентам предлагался вопрос: «Как часто обнимала Вас мама в детстве?». Из полученных результатов видно, что среди представителей основной группы

юношей, употребляющих никотин, значительно больше испытуемых, чьих мамы обнимали иногда. Со слов испытуемых юношей, употребляющих и не употребляющих табака, мамы обнимали их одинаково часто (табл. 1).

Таблица 1

Оценка телесного контакта с матерью среди юношей в детстве

Группа	Обнимала часто	Обнимала иногда	Отсутствие объятий	Отсутствие воспоминания об объятиях
Основная, n = 105	59	21	7	18
Контрольная, n = 80	59	8	5	8
Ф	2,50*	1,91*	0,11	1,42

* $p < 0,05$.

Среди девушек, зависимых от табакокурения, количество воспоминаний о телесном любящем контакте с матерями значительно снижается по сравнению с девушками, не страдающими табакокурением. Девушки, зависимые от

табака, указывают на фрагментарный телесный контакт с матерями и значительно в большей степени, чем некурящие, не помнят материнских объятий (табл. 2).

Таблица 2

Оценка телесного контакта с матерью среди девушек в детстве

Группа	Обнимала часто	Обнимала иногда	Отсутствие объятий	Отсутствие воспоминания об объятиях
Основная, n = 92	55	14	10	13
Контрольная, n = 97	69	9	4	15
Ф	1,65*	1,25	1,81*	0,26

* $p < 0,05$.

В результате завершения незавершенных предложений Сакса-Леви были выявлены показатели отношений родителей и респондентов юношеского возраста. Отношения родителей

и детей были исследованы при помощи контент-анализа подсчёта значений, коннотаций высказываний испытуемых. Смысловое понятийное поле «отношение к отцу» было обозначено

в исследовании у молодёжи, имеющей и не имеющей табачной зависимости: 1. «Общая оценка поведения отца»; 2. «Самореализация и возможности достижений отца»; 3. «Оценка отношения к личности отца»; 4. «Ожидания, антиципации по отношению к отцу».

При завершении предложения «Я хотела бы, чтобы мой отец...» девушки, не употребляющие табака, в большей степени, чем курящие, желают, чтобы отец был «таким, какой есть», «имел хорошее здоровье» и «долго жил». Курящие, оформляя свои пожелания по отношению к своим отцам, чаще используют негативные оценки (табл. 3), обращают на себя внимание следующие обозначения, понятийные позиции: «защищал бы меня, был умнее,

был добрее, наконец-то одумался бы, начал бы работать, больше бы уделял времени мне и т. д.». Необходимо отметить, что независимые респондентки в отличие от курильщиц в большей степени принимают своих отцов такими, какие они есть. Независимые девушки в меньшей степени связаны со своими папами претензиями и обидами. Складывается впечатление неудовлетворительных, нарушенных отношений отцов и их дочерей, которые в юношеском возрасте приобщаются к табачной зависимости. Таким образом, можно рассматривать негативную установочную неблагоприятную модель отношения дочерей к собственным отцам как одно из оснований развивающейся зависимости у девушек.

Таблица 3

Оценка ожиданий по отношению к отцу испытуемых

Группа	Претензия к отцу	Общие пожелания		
		Позитивное	Негативное	Нейтральное
Основная, n = 92	30	17	40	5
Контрольная, n = 97	14	72	9	2
φ	3,00*	8,16*	5,64*	1,25

* $p < 0,05$.

19% респонденток, которые курят табак, завершают предложение «Думаю, что мой отец...» высказываниями типа: «скучает по мне, очень любил меня и т. д.». Это может указывать на то, что курящие испытуемые девушки эмоционально зависимы от своих отцов. При этом в своих устных заявлениях в большей степени, чем девушки некурящие, говорят, что они «папенькины дочери». Анализ общей оценки личности отца испытуемых

продемонстрировал большую степень позитивного отношения среди независимых респонденток к своим отцам, чем среди курильщиц. Не употребляющие никотина испытуемые используют в качестве завершений предложений утверждения: «самый добрый из всех, кого я знаю, добрый, пример для подражания, самый лучший на свете, хороший человек, отличный, начитанный, на самом деле очень хороший человек и т. д.» (табл. 4).

Таблица 4

Оценки действий и персонального отношения отца к испытуемым

Группа	Оценка действий и персональных отношений отца к испытуемой			Общая оценка личности отца		
	позитивная	негативная	нейтральная	позитивная	негативная	нейтральная
Основная, n = 92	16	4	2	45	20	5
Контрольная, n = 97	4	5	7	62	14	5
φ	3,10*	0,2	1,70	2,09	1,31	0,09

* $p < 0,05$.

На основании контент-анализа завершения предложения «Моя мать и я...» были сделаны выводы об актуальной оценке психологического сходства и близости испытуемых девушек с их матерями. Были выявлены значимые отличия по данным особенностям.

По результатам диагностики девушки, страдающие никотинизмом, значимо более критичны в оценке их сходства с собственными мамами. Представители основной группы употребляющих никотин дистанцируются от матерей (табл. 5).

Таблица 5

Оценка степени близости и психологического сходства испытуемых и их матерей

Группа	Позитивное отношение, сходство	Негативное дистанцирование	Нейтральное
Основная, n = 92	63	24	5
Контрольная, n = 97	73	14	10
φ	1,04	2,01*	1,26

* $p < 0,05$.

Полученные результаты позволяют целенаправленно изучить характер взаимоотношений мам и их дочерей, которые в юношеском возрасте приобщаются к табакокурению.

Подробно исследовались характеристики отношений в семье среди представителей мужского пола юношеского возраста, зависимых и независи-

мых от табака. В результате обработки изложений на тему «Моя семья» была выявлена высокая степень напряжённости в отношениях юношей, употребляющих никотин, с их родителями. В то же время наблюдаются значимо позитивные отношения между родителями и подростками, не употребляющими табака (табл. 6).

Таблица 6

Оценка отношений испытуемых с родителями

Группа	Позитив в отношениях с родителями	Негатив в отношениях с родителями	Отсутствие упоминания
Основная, n = 105	23	60	22
Контрольная, n = 80	54	21	5
Ф	6,43*	4,30*	3,00*

* $p < 0,05$.

Для проведения качественного анализа результатов письменных высказываний проводился контент-анализ значений, характеризующих отношения между испытуемыми юношами и их матерями. По завершению незаконченного предложения «Моя мать и я...» испытуемыми давалась актуальная оценка их психологического сходства с матерями. Юноши-курильщики, так же как и девушки-курильщицы, значительно в большей степени дистанцируются от своих родителей и проявляют к ним негативное отношение по сравнению с

теми, кто не употребляет табака. Юноши, зависимые от табака, завершая предложение «Моя мать и я...» чаще используют утверждения: «не разговариваем, почти не общаемся, две противоположности, редко видимся, не ладим и т. д.». Юноши, не употребляющие никотина, отмечают высокую близость к своим матерям (табл. 7). Они завершают предложения смысловыми обозначениями: «...родственники, “не разлей вода”, понимаем друг друга, друзья, любим ходить в гости, хорошо общаемся, очень дружны и т. д.».

Таблица 7

Оценка психологической близости испытуемых с матерью

Группа	Позитивная оценка	Негативная оценка	Нейтральная оценка
Основная, n = 105	68	19	18
Контрольная, n = 80	72	6	2
Ф	4,23*	2,18*	3,61*

* $p < 0,05$.

Отношение юношей к своим отцам анализировалось благодаря изучению коннотаций при завершении предложений «Я думаю, что мой отец редко...», «Если бы мой отец только захотел...». Подсчитанные результаты, т. е. количество смысловых единиц, были занесены в таблицы 8 и 9. По критерию углового

преобразования Фишера в исследуемых выборках были выявлены значимые различия. Обращает на себя внимание позитивное отношение респондентов-табакокурильщиков к действиям отца по отношению к ним и в целом к поведению родителя по сравнению с испытуемыми, не употребляющими табака (табл. 8).

Таблица 8

Оценка показателей «Общая оценка поведения отца» у испытуемых

Группа	Оценка действий отца по отношению к испытуемым			Общая оценка поведения отца		
	Позитивное	Негативное	Нейтральное	Позитивное	Негативное	Нейтральное
Основная, n = 105	10	18	-	44	12	21
Контрольная, n = 80	1	17	-	19	6	37
φ	2,72*	0,70	0,00	2,63*	0,91	3,83*

* $p < 0,05$.

Рассматривались смысловые блоки понятийного пространства завершения предложения «Я думаю, что мой отец редко...» у курильщиков. Оценка действий по отношению к испытуемому включает позитивную оценку, которая составляет 5,5%. Негативную оценку составляют 20% завершения предложения. При рассмотрении общей оценки поведения, действий отца при позитивном оценивании испытуемыми у курящих наблюдается минимизация негативных проявлений поведения отца, например: «редко курит», «редко поступал плохо», «ошибается», «пил», «редко делает плохое», «редко выпивал», «матерится», «редко злой», «редко ругается» и т. д. (43,3%), из которых минимизация негативных эмоций «злость и ненормативная лексика» по отношению к отцу составляет 31%; а позитивная характеристика от-

цов с точки зрения минимизации употребления ими алкоголя и никотина приходится на 69% случаев. Негативный спектр отношений составляют завершения предложения: «редко был на свободе», «редко когда не курит», «жил фактами, вместо фантазий», «редко адекватный» – 13,3%. Примеры нейтрального отношения к поведению отцов: «редко бреется», «ел овощи», «редко отдыхает», «моет машину» – 18%.

По результатам обработки завершённых предложений «Если бы мой отец только захотел, то...» испытуемые юноши-курильщики проявляют большее желание идти на контакт с отцом по сравнению с теми, кто не курит. На готовность к сотрудничеству испытуемых с отцами указывают завершения предложения типа: «я бы улыбнулся ему», «то я бы сделал»; «сделал бы все для него», «я бы помогал» и т. д. (табл. 9).

Таблица 9

Оценка самореализации и возможности достижений отца испытуемых

Группа	Оценка действий отца по отношению к испытуемому		
	Готовность к сотрудничеству испытуемого с отцом	Претензии к отцу	Нейтральное отношение к отцу
Основная, n = 105	35	45	25
Контрольная, n = 80	15	35	30
φ	2,26*	0,12	2,01*

* $p < 0,05$.

Значимость различий частоты распределения по типам отношений к отцу в контексте возможностей и достижений отца была выявлена при помощи критерия χ^2 (табл. 10).

Таблица 10

Распределения показателей самореализации и возможностей достижений отца испытуемых

Группа	Оценка действий отца по отношению к испытуемому		
	Готовность к сотрудничеству испытуемого с отцом	Претензии к отцу	Нейтральное отношение к отцу
Основная, n = 105	35	45	25
Контрольная, n = 80	15	35	30
$\chi^2 = 6,44$	-	-	-

* $p < 0,05$.

Выводы

1. Девушки-курильщицы относятся к своим отцам двояко. С одной стороны, наблюдаются яркие эмоциональные претензии, характеризующиеся обидами и уничижением в их адрес, с другой – по-настоящему заботливое к ним отношение и вера в то, что их отцы на самом деле очень хорошие люди.

2. Курящие юноши, оценивая действия отцов по отношению к себе и в целом поведение родителя, отмечают позитивное к нему отношение. В высказываниях испытуемых юношей-курильщиков значимо в большей степени, чем некурящих, звучит тема тоски и желания сблизиться с отцами.

3. Юноши и девушки, страдающие табакокурением, в большей степени, чем некурящие, были лишены в детстве объятий собственных матерей. Можно пред-

положить, что курильщики обоего пола юношеского возраста «хранят в себе» признаки психологической младенческой травмы, которая характеризуется аффективными нарушениями детей на их довербальном сенсорном уровне при их взаимодействии с мамами.

4. Результаты исследования показывают, что нереализованная любовь отцов к своим детям (юношам и девушкам) может являться причиной их приобщения к табакокурению.

5. Никотинозависимые юноши и девушки относятся к своим матерям критично, девушки подчёркивают свою независимость от них. Юноши, не употребляющие табака, указывают на психологическую близость со своими мамами и хорошие с ними отношения.

Статья поступила в редакцию 09.04.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов К.Н. Курение – опасный вирус для экономического развития России // Модернизация. Инновации. Развитие. 2014. № 5–1 (17). С. 92–96.
2. Ванина А.Д. Математика о вреде курения // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 1. С. 244–248.

3. Индершиева А.М. Взаимосвязь статусов по курению школьников и их родителей и роль бесед о вреде курения, проводимых в семье с детьми // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2015. № 2. С. 631–633.
4. Кашник О.И. Аддиктивное поведение учащейся молодежи: эмпирические данные // Наука и социум: материалы Всероссийской научно-практической конференции 27 июня 2016г. / отв. ред. Е.Л. Сорокина. Новосибирск: Изд-во Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы, 2016. С.85-91.
5. Кудрина А.В., Мелков С.В. Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе // Развитие личности. 2016. № 3. С. 165–186.
6. Морозова С.В., Савватеева Д.М., Тимурзиева А.Б. Обонятельные расстройства у пациентов с психическими заболеваниями // Журнал неврологии и психиатрии. 2014. № 7. С. 73–78.
7. Позняков В.П., Решетко С.А. Анализ социально-психологических исследований по проблеме табакокурения // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 236–243.
8. Техтерекова Ю.А. Отношение современных подростков к употреблению психоактивных веществ [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 9. Ч. 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/09/46980> (дата обращения: 12.01.2018).
9. Cogle J.R. Quality of life and risk of psychiatric disorders among regular users of alcohol, nicotine, and cannabis: An analysis of the National Epidemiological Survey on Alcohol and Related Conditions (NESARC) // Psychiatry Research. 2015. Vol. 66–67. P. 135–141.
10. James G.P., Rowan P.O. Decision-making style, nicotine and caffeine use and dependence // Human Psychopharmacology: Clinical and Experimental. 2015. Vol. 30. Iss. 6. P. 442–450.
11. Vaiserman A. M. Early-life exposure to substance abuse and risk of type 2 diabetes in adulthood // Current Diabetes Reports. 2015. Vol. 8. № 15. P. 48–49.

REFERENCES

1. Borisov K.N. [Smoking is a dangerous virus for economic development of Russia]. In: *Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie* [Modernization. Innovations. Development], 2014, no. 5–1 (17), pp. 92–96.
2. Vanina A.D. [Mathematics about the dangers of smoking]. In: *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava* [Bulletin of the International Institute of Economics and Law], 2015, № 1, pp. 244–248.
3. Indershieva A.M. [Relationship statuses on smoking students and their parents and the role of conversations about the dangers of smoking conducted in a family with children]. In: *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of Kazakh National Medical University], 2015, no. 2, pp. 631–633.
4. Kashnik O.I. [Addictive behavior of students: empirical evidence]. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov stoletiya. Estestvennye nauki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauka i sotsium»* [The scientific community of students of the century. Natural Sciences: materials of the International scientific-practical conference “Science and society”]. Novosibirsk, 2016, pp. 54–60.
5. Kudrina A.V., Melkov S.V. [Ideas about gender and gender identity in contemporary psychoanalysis]. In: *Razvitie lichnosti* [Personal development], 2016, no. 3, pp. 165–186.
6. Morozova S.V., Savvateeva D.M., Timurzieva A.B. [Olfactory disorders of patients with mental diseases]. In: *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii* [Journal of neurology and psychiatry], 2014, no. 7, pp. 73–78.

7. Poznyakov V.P., Reshetko S.A. [Analysis of socio-psychological research on the problem of smoking]. In: *Znanie, ponimanie, umenie* [Knowledge, understanding, skill], 2015, no. 1, pp. 236–243.
8. Tekhterekova Yu.A. [The attitude of modern adolescents to substance use]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 2015, no. 9, p. 2. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/09/46980> (accessed: 12.01.2018).
9. Cogle J.R. Quality of life and risk of psychiatric disorders among regular users of alcohol, nicotine, and cannabis: The analysis of the National Epidemiological Survey on Alcohol and Related Conditions (NESARC). In: *Psychiatry Research*, 2015, vol. 66–67, pp. 135–141.
10. James G.P., Rowan P.O. Decision-making style, nicotine and caffeine use and dependence. In: *Human Psychopharmacology: Clinical and Experimental*, 2015, vol. 30, iss. 6, pp. 442–450.
11. Vaiserman A.M. Early-life exposure to substance abuse and risk of type 2 diabetes in adulthood. In: *Current Diabetes Reports*, 2015, vol. 8, no. 15, pp. 48–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобзев Евгений Анатольевич – старший преподаватель кафедры начального образования Московского государственного областного университета;
e-mail: fortir@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Kobzev – senior lecturer at the Department of Primary Education, Moscow Region State University
e-mail: fortir@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кобзев Е.А. Психология отношений в семье юношей и девушек, зависимых от табакокурения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 74–85.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-74-85.

FOR CITATION

Kobzev E. Psychology of relations in the family of boys and girls, dependent on smoking In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 74–85.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-74-85.

УДК 316.7

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-86-101

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ МИГРАЦИИ

Кобзева Н.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрыты психологические особенности внутриличностных конфликтов в четырёх различных группах мигрантов: вынужденные, внутренние и внешние (иммигранты в РФ и эмигранты из России). Автором анализируются результаты эмпирического исследования внутриличностных противоречий и конфликтов, возникающих в интрапсихической плоскости переживаний мигрантов. Исследование проведено на совокупной выборке 442-х человек. Определены внутриличностные конфликты, характерные для всех групп мигрантов, а также зоны основного внутреннего дискомфорта, связанные с характером и видом миграции. Доказано влияние типа миграции, её характера на обострение различных внутренних противоречий у личности, охваченной миграционными процессами.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, разные виды миграции, субъективное благополучие, неудовлетворённость, фрустрация, внешние / внутренние мигранты.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INTRAPERSONAL CONFLICTS IN VARIOUS SITUATIONS OF MIGRATION

N. Kobzeva

*Moscow Region State University
10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract: The article reveals psychological characteristic features of intrapersonal conflicts in four various groups of migrants: forced migrants, external and internal ones (migrants in the Russian Federation and emigrants from Russia). The author analyzes the results of an empirical research of the intrapersonal contradictions and conflicts arising in the intra-psyche plane of migrants' experiences. The research is conducted on the sample of 442 people. The intrapersonal conflicts characteristic of all groups of migrants and also zones of the main internal discomfort connected with character and a type of migration are defined. It is proved that the type of migration and its character influence the aggravation of various internal contradictions of the personality captured by migration processes.

Key words: intrapersonal conflict, different types of migration, subjective wellbeing, dissatisfaction, frustration, external / internal migrants.

Введение

Многие учёные отмечают мощное воздействие внутриличностных противоречий на субъективное благополучие человека, особенно если человек переживает кризис адаптации, нестабильную ситуацию своей жизни, например, перемену в жизни, переезд, миграцию [2; 12; 13; 19; 25]. При этом стоит отметить, что не так часто можно встретить на страницах научных журналов и в научной литературе результаты полномасштабных исследований, направленных на изучение внутриличностного конфликта, его причин, а также условий смягчения и преодоления возникающих внутренних противоречий. Несмотря на отмечаемое многими учёными выраженное влияние наличия внутриличностного конфликта на качество жизни и психологическое благополучие каждого человека, изучение этого феномена не имеет богатой и прочной традиции в психологической науке, прежде всего из-за сложности изучения, существования большого количества различных теорий и концепций, неоднозначности в определении сущности. Особенно нехватка исследований отмечается в изучении ситуаций, которые наиболее сильно обостряют внутриличностные противоречия, приводят к тяжёлым формам внутриличностного конфликта. К таким ситуациям можно отнести ситуации серьёзных изменений (потери, переезды, болезни), которые затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, нарушая его адаптацию и уровень субъективного благополучия.

Понимание того, что внутри одной личности могут сталкиваться различные убеждения, мотивы, знания, несовместимые потребности и желания,

имеет длинную историю осмысления в психологии. В одной только социальной психологии возникло множество теорий, объясняющих связь между наличием несогласованных убеждений внутри картины мира человека и появлением в связи с этим чувства дискомфорта, диссонанса и других сильных эмоциональных откликов (Р. Абельсон, Л. Фестингер, Ф. Хайдер, Т. Ньюкомб, Ч. Осгуд, П. Танненбаум и др.). В различных теориях структуры личности также большое внимание уделяется возникновению эмоциональных проблем и негативных аффектов, связанных с появлением внутреннего конфликта, внутренней несогласованности «Я» (А. Адлер, Г. Олпорт, З. Фрейд, У. Джеймс, К. Рождерс) [1; 9; 10; 20].

Существует много различных теорий внутриличностного конфликта, при этом ни одна из теорий не отрицает, что *внутриличностный конфликт* представляет собой некое состояние, в котором у человека есть противоречивые и взаимоисключающие мотивы, с которыми он в данный момент не может справиться.

С одной стороны, внутриличностные противоречия представляют собой необходимый атрибут, конечную цель процесса самоактуализации личности. В то же время, если личности по каким-либо причинам не удаётся преодолеть это внутреннее противоречие, это может привести к различным видам психических расстройств. При этом присущие конфликту переживания становятся источником невроза только в том случае, если они занимают центральное место в системе отношений личности к действительности.

Так, например, В.Н. Мясищев описывает три варианта конфликтов, характерных для клиники неврозов:

1. Столкновение желаний личности и действительности, которая их не удовлетворяет – истерический конфликт.

2. Противоречивость в аффективно-напряжённой ситуации (между принципиальными установками и конкретно-личностными отношениями) – обсессивно-психастенический конфликт.

3. Столкновение требований действительности и возможностей человека – неврастенический конфликт [12].

В. Лаутербах в своих трудах обобщает условия, препятствующие рациональному разрешению конфликта: личность не обладает необходимыми способностями для разрешения конфликтов; затронутые отношения, которые следует модифицировать или дифференцировать, слишком стабильны; число и размер конфликтов слишком велики [8].

Скопление факторов, препятствующих рациональному разрешению конфликтов, особенно ярко можно наблюдать у такой категории лиц, как мигранты. Само понятие «миграция» подразумевает перемещение населения с целью изменения места жительства. Обобщённое определение миграции даёт Немецкое общество общественного и индивидуального обеспечения: «миграция ... является обобщающим определением процессов переселения отдельных лиц и групп за пределы национальных границ» [29, S. 647].

Миграции могут различаться по причинам (добровольная или вынужденная), типу (внешняя или внутрен-

няя), виду (возвратная или безвозвратная). Эти факторы также будут влиять на преодолимость возникающих внутренних противоречий [11; 14; 18; 21; 27].

В момент возникновения противоречия человеческая сущность начинает сопротивляться возникшему психологическому дискомфорту и пытается восстановить баланс в значимых для неё областях [13; 15; 26].

Профессор Б.Д. Карвасарский в психотерапевтической энциклопедии описал исследование наиболее частых сфер, в которых возникают внутриличностные конфликты: отношений с супругом, напряжённого характера работы, смерти или тяжёлого заболевания близкого. У женщин в качестве психотравматизирующих преобладают ситуации в семейно-бытовой сфере, у мужчин – в производственной [7].

Леон и Ребека Гринберг усматривают в миграции существенные потери значимых и ценных объектов, таких как дом, друзья, работа, традиции, язык, личные вещи, привычки. Мигранты попадают в совершенно новую среду, к которой необходимо адаптироваться. При этом, помимо внутреннего сопротивления изменению, осложняют адаптацию может также и внешняя среда. Даже если сильная личность внутренне готова преодолеть внутриличностные противоречия, внешние факторы могут усугубить процесс адаптации и вызвать появление психических расстройств. Очень ярким примером данной ситуации является миграция из стран бывшего СССР в Германию, которая происходила в 1990–2000 гг. [23]. Для группы так называемых русских немцев, эмигрировавших в Германию по идейным соображениям как в стра-

ну своих предков, последствия миграции были весьма драматичными. Эти люди переезжали навсегда в надежде стать «своими среди своих», при этом, встречаясь с реальностью, чаще всего понимали, что немецкий диалект стал для них неузнаваемым, и они являются «русскими» для большинства местного населения. Результаты исследований психического состояния этих мигрантов показали, что для них характерны некоторые неспецифические формы выражения психической напряжённости, такие как головные боли, психическое истощение, недостатки концентрации внимания, раздражительность, нервозность [23].

Стробл и Кюхнел называют две типичные формы реакции на неудовлетворение и жизненные трудности, связанные с миграцией: 1) девиации и делинквентность как нанесение вреда окружающей среде и социальным нормам; 2) психические и психосоматические расстройства как нанесение вреда самому себе и собственным нормам [29].

Зарубежными исследователями эмпирически подтверждено, что женщины реагируют на такое критическое событие, скорее, увеличением жалоб психического и психосоматического характера, тогда как для мужчин более характерно девиантное поведение, в том числе алкоголизм и наркомания. Все эти критические стратегии преодоления расценивают как порождённые расстройством идентификации, недостатком чувства собственного достоинства, неуверенностью и страхами перед будущим у мигрантов [22; 24; 29].

Учитывая многогранность понятия внутриличностного конфликта и большое количество влияния внешних

факторов на мигрантов, необходимы исследование и тщательная проработка методик по разрешению внутренних противоречий данной группы населения.

Человек, переселившийся в другую культуру, переживает в своей интрапсихической жизни столкновение ценностей, личностных смыслов и жизненных ориентиров. Эти столкновения сопровождаются сильными эмоциональными переживаниями, а также влекут за собой негативные психологические последствия (одиночество, ощущение ненужности, неудовлетворённость качеством жизни, психологическая дестабилизация, потеря психоэмоционального баланса и др.) [18; 27].

К сожалению, и в отечественной, и в зарубежной научной литературе проблема возникновения внутриличностных конфликтов у мигрантов остаётся практически неизученной. Можно встретить лишь единичные исследования идентификационного, ролевого, ценностного конфликта у отдельных групп переселенцев. Между тем внутриличностный конфликт, несомненно, оказывает огромное влияние на процессы социальной адаптации человека, определяя его психологическое благополучие. И у мигрантов он имеет некоторую специфику, сопряжённую с процессом аккультурации к новой среде.

А.А. Нестеровой была предложена модель возникновения внутриличностных конфликтов у мигрантов, которая отражает наиболее уязвимые сферы в процессе аккультурации и социально-психологической адаптации. Модель представляет собой описание борьбы и столкновения некоторых

компонентов двух культур (культуры происхождения и принимающей культуры), которые могут вызвать различные виды внутриличностных конфликтов у мигрантов [13].

Стоит отметить, что внутриличностный конфликт может возникать не только при переселении в другую страну, но и в другой регион своей родной страны, о чём свидетельствуют исследования, посвящённые внутренней миграции [3; 6]. Именно по этой причине в ходе исследования нами рассматривались различные группы мигрантов.

Программа и методы исследования

Цель нашего исследования – выявить основные сферы внутренних противоречий, возникающих в ситуации миграции, проанализировать и описать типы внутриличностных конфликтов у разных групп мигрантов.

Стоит отметить, что внутриличностные конфликты могут возникать не только у внешних мигрантов, перемещающихся в совершенно другую культуру, но также и у внутренних мигрантов (перемещающихся в другой регион своей страны, меняющих место жительства и проч.). Многочисленные исследования подчёркивают необходимость изучать специфику аккультурации и адаптации разных групп мигрантов [3; 4; 5; 6; 27]. Причины, мотивы и другие внешние и внутренние обстоятельства миграции, по нашему предположению, будут влиять на характер возникающего внутреннего диссонанса, на формирование того или иного типа внутриличностного конфликта. В связи с данным тезисом важно выяснить, в чём сходства и раз-

личия внутренних противоречий у мигрантов-беженцев, внешних и внутренних мигрантов.

Исследование проводилось с 2014 по 2018 гг. среди взрослых мигрантов, относящихся к трём группам:

1) внешние мигранты (мужчины и женщины, не-граждане РФ, прибывшие в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья: Германия, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Молдова);

2) соотечественники (граждане РФ), мигрировавшие в страны дальнего зарубежья (эмигрировавшие в США, Израиль, Германию);

3) внутренние мигранты (мужчины и женщины, прибывшие в г. Москву из других регионов РФ, имеющих свою культуральную специфику: Чечня, Адыгея, Татарстан, Якутия и др.). В данной части выборки был сделан акцент на мигрантах-гражданах России, которые относили себя к какому-либо этносу, отличному от этноса *русские* (чеченцы, ингуши, адыгейцы, татары, якуты и пр.)

4) вынужденные переселенцы (мигранты с Украины, из Донецка, Луганска).

В исследовании учитывались и контролировались такие важные переменные, как возраст, в котором произошла миграция (все участники исследования являются мигрантами первого поколения, т. е. мигрировали во взрослом возрасте), стаж миграции, причина миграции, состав семьи в иммиграции, социально-экономический статус, религиозная принадлежность.

Общий объём выборки составил 442 человека: 265 женщин и 176 мужчин. Все участники исследования являются представителями различных групп

мигрантов. Возраст участников исследования – от 27 до 45 лет (люди зрелого возраста). В таблице 1 представлен

количественный состав исследуемой выборки, разделённой на 4 исследовательские группы.

Таблица 1

Распределение выборки по группам

Группы исследования	Количество человек	Процент от выборки
1. Внешние мигранты	147 человек	33%
2. Соотечественники-эмигранты	82 человека	19%
3. Внутренние мигранты	150 человек	34%
4. Вынужденные мигранты	63 человека	14%

В первой серии исследования была выдвинута *гипотеза*, что у мигрантов разных групп могут наблюдаться различные виды внутриличностных конфликтов, так как сами ситуации миграции, её причины и условия отличаются по своей стрессогенности, осознанности и желательности для переселяющихся. При этом мы предполагаем, что во всех группах мигрантов уровень внутриличностного конфликта имеет достаточно высокое значение, так как любые весомые перемены, а также изменения влияют на субъективное благополучие, вызывают стресс адаптации и внутреннюю неудовлетворённость [3; 4; 13; 25].

В первой серии исследования были использованы следующие методы:

- модифицированная Д.В. Грешневым методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах», позволяющая рассмотреть 30 сфер жизни, которые могут лечь в основу внутренней неудовлетворённости и противоречий;
- методика, направленная на выявление и измерение 14 значимых внутренних противоречий (конфликтов)

в системе многообразных отношений испытуемого, сложившихся на данный момент, в определении несовместимости между элементами этой системы Н.В. Веселовой (конфликт между потребностями к независимости и получению помощи, опеки; конфликт между потребностями к доминированию и подчинению; конфликт между потребностью быстрых достижений и отсутствием способности к усилию и настойчивости; конфликт между потребностью в достижениях и страхом неудач; конфликт или расхождение между уровнем притязаний и уровнем реальных достижений; конфликт между стремлением к удовлетворению собственных потребностей и требованиями окружающей среды; конфликт между нормами и сексуальными потребностями; конфликт между поступками и нормами; конфликт между нормами и агрессивными тенденциями; конфликт между стремлением к достижению во всех областях и невозможностью совместить требования различных ролей; конфликт между уровнем доверенных задач и собственными возможностями; конфликт между уровнем притязаний и возможностями;

конфликт между выраженной потребностью проявить себя и отсутствием позитивных усилий; конфликт между сильной потребностью быть полноценным мужчиной (полноценной женщиной) и наличием эмоционально-сексуальной неудовлетворённости);

- методика определения социальной неудовлетворённости (Л.Ю. Субботиной), предназначенная для оценки степени неудовлетворённости достижениями в основных аспектах жизнедеятельности.

Математическая обработка полученных данных проводилась при помощи компьютерных программ Statistica 10 с использованием дискриминантного анализа (модель Фишера, Лямбда Уилкса), непараметрического критерия сравнения независимых выборок Крускала-Уоллиса, критерия

t-Стьюдента, процедуры ранжирования и пр.

Сравнительный анализ внутриличностных конфликтов в различных группах мигрантов: результаты исследования

Среди первоочередных целей нашего исследования была необходимость в процессе дискриминантного анализа выявления того, какие переменные в большей мере влияют на интенсивность внутриличностного конфликта (ВЛК) во всей большой выборке испытуемых, где независимыми переменными были пол, возраст, вид миграции, стаж миграции. Таким образом, зависимой переменной был уровень и интенсивность ВЛК, а независимыми – пол, возраст, вид миграции, стаж миграции. Полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты дискриминантного анализа интенсивности ВЛК в зависимости от пола, возраста, вида миграции и стажа миграции

Итоги анализа дискриминантн. функций Переменных в модели: 4; Группир.: Сумма ВЛК Лямбда Уилкса: 0,02141 пригл. F (92,220) = 3,9277 p < 0,0000						
	Уилкса – Лямбда	Частная – Лямбда	F-исключ	p-уров.	Толер.	1-толер. – (R-кв.)
Пол	0,041509	0,515723	2,24549	0,007	0,820	0,179
Возраст	0,036677	0,583668	1,70572	0,064	0,535	0,464
Группа (вид миграции)	0,114516	0,186937	10,40074	0,001	0,948	0,051
стаж эмиграции	0,068601	0,312055	5,27179	0,001	0,580	0,419

Из таблицы видно, что вид миграции является важным фактором, который влияет на показатели внутриличностного конфликта, причём вклад этой переменной в ВЛК гораздо выше, чем вклад фактора пола и стажа миграции.

Далее мы смотрели, в каких группах мигрантов внутриличностный

конфликт наиболее выражен, в каких сферах он отражается в большей степени. По методике Н.В. Веселовой мы получили статистически достоверные различия в четырёх группах мигрантов по четырём шкалам (применялся критерий Крускал-Уоллиса) – таблица 3 и рисунок 1.

Таблица 3

**Ранги выраженности ВЛК в четырёх группах испытуемых
(методика Н.В. Веселовой)**

Виды ВЛК \ Группа	мигранты в России	внутренние мигранты	соотечественники-мигранты	вынужденные мигранты	Значимость критерия Н (р)
1 потребность независимости и зависимости, получение помощи и опеки	3	2	2	2	0,08
2 потребность доминирования и подчинения	13	3	6	4	0,0048*
3 потребность быстрых достижений и отсутствие способности к усилию и настойчивости	10	10	11	12	0,44
4 потребность достижения и страх неудачи	6	13	5	1	0,0017*
5 уровень притязаний и уровень достижений	2	1	4	6	0,12
6 собственные потребности и требования окружающей среды	4	5	3	7	0,38
7 нормы и сексуальные потребности	14	9	14	14	0,39
8 поступки и собственные нормы	7	8	7	3	0,36
9 нормы и агрессивные тенденции	1	4	1	8	0,007*
10 потребность достижений во всех сферах жизни и невозможность совместить требования	9	6	13	10	0,04*
11 уровень поставленных задач и собственные возможности	11	14	10	13	0,31
12 уровень притязаний и возможностей	12	11	8	9	0,71
13 выраженная потребность проявить себя и отсутствие позитивных усилий	5	7	9	5	0,11
14 сильная потребность быть полноценным мужчиной (женщиной) и наличие эмоционально-сексуальной неудовлетворённости	8	12	12	11	0,21

* – различия в четырех исследуемых группах статистически достоверны

В целом можно отметить, что для мигрантов, проживающих в России, наиболее конфликтным во внутреннем плане становится противоречие

между социальными и культурными нормами и внутренними агрессивными тенденциями, которые они хотят выразить (ВЛК – 9). Этот вид ВЛК так-

же становится самым выраженным у российских эмигрантов, живущих за рубежом. Таким образом, можно заключить, что данный тип конфликта типичен в целом в ситуации внешней миграции, когда приходится помимо адаптационного кризиса переживать ещё и кризис аккультурации.

Для внутренних мигрантов наиболее конфликтной становится область столкновения притязаний и достижений, на которые они могут претендовать в ситуации переселения в другой регион своей страны (ВЛК – 5).

Для вынужденных мигрантов наиболее болезненной зоной становится зона потребности в достижениях и страха неудачи (ВЛК – 4). Для этой группы актуализируются конфликты независимости / зависимости, равно как и конфликт несоответствия собственных поступков и принятых норм. В целом можно отметить, что уровень конфликтности гораздо сильнее выра-

жен у вынужденных мигрантов, практически по всем шкалам ВЛК у них показатели существенно выше, чем в других группах мигрантов.

В целом для всей выборки мигрантов наиболее острыми сферами внутриличностных столкновений являются следующие (по степени выраженности):

I. несоответствие уровня притязаний и уровня достижений;

II. потребность в независимости и необходимость быть зависимым, необходимость в получении помощи и опеки;

III. несоответствие норм и внутренних агрессивных тенденций (невозможность выразить свои чувства);

IV. несоответствие собственных потребностей и требований окружающей среды (конфликт между «хочу» и «надо»);

V. потребность в доминировании и необходимость подчиняться;

Рис. 1. Степень выраженности различных внутриличностных конфликтов по совокупной выборке мигрантов (методика Н.В. Веселовой)

VI. выраженная потребность проявить себя и недостаточность позитивных усилий;

VII. потребность в достижении и страх неудач.

Все остальные внутриличностные конфликты выражены в гораздо меньшей степени. Для мигрантов не являются особо конфликтными сферы их эмоционально-сексуальной самореализации, они довольны уровнем своих личных возможностей, волевыми качествами, навыками целеполагания. Чаще всего во всех группах мигрантов внутренние конфликты затрагивают зоны, которые фрустрируются внешними обстоятельствами (спецификой их социальной ситуации, процессом аккультурации, преградами к самореализации).

Среди соотношения ценности и доступности по 30 параметрам (по модифицированной методике Е.Б. Фанталовой) наиболее конфликтными у мигрантов оказались следующие (по степени значимости):

- 1) уметь эффективно решать жизненные проблемы;
- 2) реализовать себя в сфере досуга;
- 3) не сожалеть о прошедшем;
- 4) найти призвание в жизни.

Стоит отметить, что во всех четырёх группах мигрантов некоторые переменные, предложенные для оценки, вызывают не столько внутриличностный конфликт, сколько внутренний вакуум, характеризующийся снижением мотивации и опустошённостью. Внутренний вакуум у мигрантов выявлен по следующим переменным:

- 1) быть уверенным в себе;
- 2) реализовать себя в общении с близкими людьми;

3) реализовать себя, свои знания, планы, замыслы в профессиональной сфере.

Примечательно, что больше всего внутриличностных конфликтов встретилось у вынужденных мигрантов (беженцев), а внутриличностных вакуумов гораздо больше в группе эмигрантов из России. Эти различия явились статистически достоверными. Они подтолкнули нас к интересной гипотезе о соотношении ценности и доступности различных значимых ценностей в жизни человека, охваченного миграционным процессом. Для одних групп мигрантов ценность некоторых значимых потребностей фрустрируется различными внешне-средовыми факторами (как это происходит у беженцев), а для других групп мигрантов доступность значимой потребности становится даже выше, чем её ценность на текущий переживаемый момент (эмигранты). Это ещё раз подтверждает тезис многих учёных о том, что адаптационный процесс в ситуации миграции, равно как и переживание миграции как жизненно важного события зависят от обстоятельств миграции, мотивации и желательности этой перемены в жизни человека. Наши данные ещё раз подчёркивают необходимость социально-психологического подхода к изучению адаптационных процессов человека, так как в рамках этого подхода мы можем изучать и контролировать внешне-средовые факторы наряду с интрапсихическими.

По показателям неудовлетворённости (методика Л.Ю. Субботиной) среди всей выборки мигрантов на первое место выходит неудовлетворённость обстановкой в обществе, неудовлет-

ворённость миграционной политикой государства. Большой процент выборки недоволен сферой медицинского обслуживания, материальным положением, возможностью выбора места работы, а также возможностью и свободой выбора в проведении отпуска. Самый высокий уровень неудовлетворённости различными сферами жизни в целом показывает группа беженцев, что неудивительно, исходя из характера их вынужденной миграции. Самый низкий уровень неудовлетворённости в группе внутренних мигрантов, которые переместились в рамках своего родного государства, просто в другой регион страны.

По большинству шкал методики Л.Ю. Субботиной имеются статистические различия в четырёх группах мигрантов, что даёт нам возможность говорить о различиях сфер и зон неудовлетворённости (по критерию Крускал-Уоллиса достоверные различия по 16 показателям из 20). Это даёт основания сравнивать показатели по группам.

Так, группа беженцев больше всего расстроена образом своей нынешней жизни в целом, своим положением в обществе, сферой бытового и медицинского обслуживания, содержанием своей работы. 12 из 20 шкал неудовлетворённости разными сторонами жизни имеют очень высокие значения в этой группе.

Мигранты, прибывшие на территорию РФ из стран ближнего и дальнего зарубежья, не удовлетворены обстановкой в обществе. При анализе интервью с мигрантами выяснилось, что больше всего эту группу удручают современная миграционная политика и отношение к ним коренного насе-

ления. Действительно, исследования показывают наличие антидискриминационного дискурса в отношении мигрантов в РФ [16; 17; 28].

Соотечественники, эмигрировавшие в Германию, отмечают своё недовольство возможностью выбора для себя работы, обстановкой в обществе и государстве (миграционной политикой Германии), условиями профессиональной деятельности или учёбы. В остальном их уровень удовлетворённости высок, особенно в сферах проведения досуга, взаимоотношений с родственниками и друзьями, а также образом жизни в целом.

Внутренние мигранты, как уже отмечалось, имеют низкий уровень неудовлетворённости, но среди факторов их недовольства можно отметить медицинское обслуживание и материальное положение. При этом внутренние мигранты остаются удовлетворёнными своим образованием и отношением с коллегами.

Выводы

1. Адаптационный процесс в ситуации миграции, равно как и переживание миграции как жизненно важного события зависят от обстоятельств миграции, мотивации и желательности этой перемены в жизни человека. Наши данные ещё раз подчёркивают необходимость социально-психологического подхода к изучению адаптационных процессов человека, так как в рамках этого подхода мы можем изучать и контролировать внешне-средовые факторы наряду с интрапсихическими.

2. Внутриличные противоречия и конфликты различаются у людей, охваченных миграционными процессами, в зависимости от типа

миграции: внешняя / внутренняя, вынужденная / добровольная.

3. В целом для всей выборки мигрантов наиболее острыми сферами внутриличностных столкновений являются следующие: несоответствие уровня притязаний и уровня достижений; потребность в независимости и необходимость быть зависимым, необходимость в получении помощи и опеки; несоответствие норм и внутренних агрессивных тенденций (невозможность выразить свои чувства);

4. В области соотношения ценности и доступности значимых сфер жизни у мигрантов встречаются как внутриличностные конфликты, так и внутриличностные вакуумы. Больше всего внутриличностных конфликтов встретилось у вынужденных мигрантов (беженцев), а внутриличностных вакуумов гораздо больше в группе граждан из России, эмигрировавших за рубеж.

5. Чаще всего во всех группах мигрантов внутренние конфликты затрагивают зоны, которые фрустрируются внешними обстоятельствами (спецификой их

социальной ситуации, процессом аккультурации, преградами к самореализации). Эти внешние факторы фрустрации обостряют зоны конфликтов во внутрипсихической сфере личности, порождая внутреннюю неудовлетворённость и психоэмоциональное напряжение.

6. Среди сфер, которые вызывают особую неудовлетворённость у мигрантов разных групп, можно отметить неудовлетворённость обстановкой в обществе, неудовлетворённость миграционной политикой государства. Мигранты также недовольны сферой медицинского обслуживания, материальным положением, возможностью выбора места работы, а также возможностью организации своего отпуска. У беженцев наблюдается самый высокий уровень неудовлетворённости различными сферами жизни. Самый низкий уровень неудовлетворённости и, соответственно, наиболее стабильный уровень субъективного благополучия в группе внутренних мигрантов.

Статья поступила в редакцию 23.04.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассаджолли Р. Духовное развитие и его кризисы // Психология человеческих проблем / сост. К.В. Сельченко. Минск, 1998. С. 106–124.
2. Блага К., Шебек М. Я твой ученик, ты мой учитель: книга для учителей. М., 1991. 143 с.
3. Гриценко В.В., Муращенкова Н.В., Бражник Ю.В. Изучение социально-психологической адаптации соотечественников, переселяющихся из ближнего зарубежья в Россию: научно-методический аспект // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Вып. 1 (17). С. 39–45.
4. Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В., Смотров Т.Н. Семьи трудовых мигрантов: социально психологическая адаптация к условиям вынужденной разлуки: коллективная монография. Смоленск, 2014. 256 с.
5. Гуревич А.М. Мотивация эмиграции. СПб., 2005. 272 с.
6. Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М., 2007. 84 с.
7. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб., 1998. 752 с.
8. Лаутербах В. О возможностях эмпирической проверки комплексных теорий о конфликтах невротиков на примере теории отношений В.Н. Мясищева // Транскультураль-

- ные исследования в психотерапии: сборник научных трудов Института им. В.М. Бехтерева. Л., 1989. С. 43–54.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2011. 352 с.
 10. Мерлин В.С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды / под ред. Е.А. Климова. 2-е изд., стер. М.; Воронеж, 2009. 544 с.
 11. Моросанова В.И., Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 104–106.
 12. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960. 426 с.
 13. Нестерова А.А. Жизнеспособность мигрантов как ресурс преодоления внутриличностных конфликтов, связанных со стрессом социокультурной адаптации // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Международной научной конференции, Кострома, 22–24 сентября 2016 г.: в 2 т. / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Т. 1. Кострома, 2016. С. 241–244.
 14. Нестерова А.А. Формы и стратегии аккультурации мигрантов на разных стадиях адаптации // Современные методы диагностики и технологии оказания психологической помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации / под ред. А.А. Нестеровой. М., 2014. С. 34–49.
 15. Нестерова А.А., Сулова Т.Ф., Ефремова Г.И. Роль осознанной саморегуляции в процессе социокультурной адаптации мигрантов // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 37–47.
 16. Нестерова А.А., Коновалова А.В. Анализ социально-психологических условий формирования стереотипов о мигрантах у старшеклассников // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: электронный сборник статей по материалам XII студенческой Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 224–229.
 17. Сидячева Н.В. К вопросу о развитии морали и нравственности современной молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 4. С. 21–23.
 18. Сулова Т.Ф. Социальное самочувствие личности в условиях миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 89–100.
 19. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара; М., 2001. 128 с.
 20. Франкл В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000. 286 с.
 21. Хрусталева Н.С. Психология миграционных процессов // Психология кризисных и экстремальных ситуаций: психическая травматизация и ее последствия / под ред. Н.С. Хрусталевой. СПб., 2014. С. 325–349.
 22. Branik E., Psychische Störungen und soziale Probleme von Kindern und Jugendlichen aus Spätaussiedlerfamilien: Ein Beitrag zur Psychiatrie der Migration. Weinheim, Basel, 1982. 207 S.
 23. Grinberg L., Grinberg R. Psychoanalytic perspectives on migration and exile. New Haven, CT, 2004. 240 p.
 24. Hoffmann S.O., Hochapfel G. Einführung in die Neurosenlehre und Psychosomatische Medizin. Stuttgart: Schattauer, 1984. 466 S.
 25. Kelly R.E. The relationship between internal conflict and well-being: a control theory perspective. Manchester, 2011. 287 p.
 26. Kuo B. Coping, acculturation, and psychological adaptation among migrants: a theoretical and empirical review and synthesis of the literature // Health Psychology and Behavioral Medicine. 2014. Vol. 2. № 1. P. 16–33.

27. Nesterova A.A., Suslova T.F., Tsyganov E., Kobzeva N.V. Migration as a Social Problem // *Asian Social Science*. 2015. Vol. 11. № 21. P. 111–116.
28. Nesterova A.A., Suslova T.F. The reasons for the formation of discriminatory attitudes towards immigrants among the indigenous population // *Science and Society: 9th International Scientific and Practical Conference*, London, August 24–30, 2016. P. 133–145.
29. Strobl R., Kühnel W. Dazugehörig und ausgegrenzt: Analysen zu Integrationschancen junger Aussiedler // *Konflikt – und Gewaltforschung* / hrsgs. G. Albrecht et al. Weinheim; München, 2000. S. 554–567.

REFERENCES

1. Assadzholi R. [Spiritual development and its crises]. In: Selchenok K.V., comp. *Psikhologiya chelovecheskikh problem* [Psychology of human problems]. Minsk, 1998, pp. 106–124.
2. Blaga K., Shebek M. YA tvoi uchenik, ty moi uchitel' [I'm your student, you're my teacher]. Moscow, 1991. 143 p.
3. Gritsenko V.V., Murashchenkova N.V., Brazhnik Yu.V. [The study of socio-psychological adaptation of Russian nationals moving from the CIS to Russia: methodological aspect]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. Series: Acmeology of education. Developmental psychology], 2016, no. 1 (17), pp. 39–45.
4. Gritsenko V.V., Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V., Smotrova T.N. *Sem'i trudovykh migrantov: sotsial'no psikhologicheskaya adaptatsiya k usloviyam vynuzhdennoi razluki* [Families of labour migrants: socio-psychological adaptation of forced separation]. Smolensk, 2014. 256 p.
5. Gurevich A.M. *Motivatsiya emigratsii* [The motivation of emigration]. St. Petersburg, 2005. 272 p.
6. Zaionchkovskaya Zh., Mkrtchyan N. *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika* [Internal migration in Russia: legal practice]. Moscow, 2007. 84 p.
7. Karvasarsky B.D. *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [The psychotherapeutic encyclopedia]. St. Petersburg, 1998. 752 p.
8. Lauterbakh V. [On the possibilities of empirical testing of complex theories about the conflicts of neurosis on the example of V.N. Myasishchev's theory of relations]. In: *Transkul'tural'nye issledovaniya v psikhoterapii* [Transcultural research in psychotherapy]. Leningrad, 1989, pp. 43–54.
9. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg, 2011. 352 p.
10. Merlin V.S. *Psikhologiya individual'nosti* [Psychology of personality]. Moscow, Voronezh, 2009. 544 p.
11. Morosanova V.I., Nesterova A.A., Suslova T.F. [Factors for positive adaptation of migrants: an analysis of theoretical approaches]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, vol. 36, no. 5, pp. 104–106.
12. Myasishchev V.N. *Lichnost' i nevrozy* [Personality and neuroses]. Leningrad, 1960. 426 p.
13. Nesterova A.A. [The viability of migrants as a resource for coping with intrapersonal conflict associated with the stress of adaptation]. In: Krukova T.L., Saporovskaya M.V., Khazova S.A., eds. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kostroma, 22–24 sentyabrya 2016 g. T. 1* [Psychology of stress and coping resources, health, development: Proceedings of the IV International scientific conference, Kostroma, September 22–24, 2016. Vol. 1]. Kostroma, 2016, pp. 241–244.

14. Nesterova A.A. [Forms and strategies of acculturation of migrants at different stages of adaptation]. In: Nesterova A.A., ed. *Sovremennye metody diagnostiki i tekhnologii okazaniya psikhologicheskoi pomoshchi lyudyam, okazavshimsya v krizisnoi situatsii* [The collection of modern diagnostic methods and technologies of psychological aid to people in crisis]. Moscow, 2014. pp. 34–49.
15. Nesterova A.A., Suslova T.F., Efremova G.I. [The role of conscious self-regulation in the process of sociocultural adaptation of migrants]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2016, no. 5, pp. 37–47.
16. Nesterova A.A., Konovalova A.V. [Analysis of the socio-psychological conditions of forming the stereotypes about migrants at a high school]. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: elektronnyi sbornik statei po materialam XII studencheskoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Scientific community of students. Interdisciplinary research: Electronic proceedings of the XII International student scientific-practical conference]. Novosibirsk, 2017, pp. 224–229.
17. Sidyacheva N.V. [On the question of developing the morality of today]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2010, no. 4, pp. 21–23.
18. Suslova T.F. [Social well-being of the individual in migration]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2016, no. 4, pp. 89–100.
19. Fantalova E.B. *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnostics and therapy of internal conflict]. Samara, Moscow, 2001. 128 p.
20. Frankl V.E. *Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya* [The foundations of logotherapy. Psychotherapy and religion]. St. Petersburg, 2000. 286 p.
21. Khrustaleva N.S. [Psychology of migration processes]. In: Khrustaleva N.S., ed. *Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: psikhicheskaya travmatizatsiya i ee posledstviya* [Psychology of crisis and extreme situations: psychic trauma and its consequences]. St. Petersburg, 2014, pp. 325–349.
22. Branik E. *Psychische Störungen und soziale Probleme von Kindern und Jugendlichen aus Spätaussiedlerfamilien: Ein Beitrag zur Psychiatrie der Migration*. Weinheim, Basel, 1982. 207 S.
23. Grinberg L., Grinberg R. *Psychoanalytic perspectives on migration and exile*. New Haven, CT, 2004. 240 p.
24. Hoffmann S.O., Hochapfel G. *Einführung in die Neurosenlehre und Psychosomatische Medizin*. Stuttgart, Schattauer, 1984. 466 S.
25. Kelly R.E. *The relationship between internal conflict and well-being: a control theory perspective*. Manchester, 2011. 287 p.
26. Kuo B. *Coping, acculturation, and psychological adaptation among migrants: a theoretical and empirical review and synthesis of the literature*. In: *Health Psychology and Behavioral Medicine*, 2014, vol. 2, no. 1, P. 16–33.
27. Nesterova A.A., Suslova T.F., Tsyganov E., Kobzeva N.V. *Migration as a Social Problem*. In: *Asian Social Science*, 2015, vol. 11, no. 21, pp. 111–116.
28. Nesterova A.A., Suslova T.F. *The reasons for the formation of discriminatory attitudes towards immigrants among the indigenous population*. In: *Science and Society: 9th International Scientific and Practical Conference*, London, August 24–30, 2016. pp. 133–145.
29. Strobl R., Kühnel W. *Dazugehörig und ausgegrenzt: Analysen zu Integrationschancen junger Aussiedler*. In: Albrecht G. et al., hrsgs. *Konflikt – und Gewaltforschung*. Weinheim, München, 2000, pp. 554–567.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобзева Наталья Владимировна – соискатель кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета.

e-mail: natakob@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Kobzeva – post-graduate student of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;

e-mail: natakob@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кобзева Н.В. Психологические особенности внутриличностных конфликтов в различных ситуациях миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 86-101.

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-86-101.

FOR CITATION

Kobzeva N.V. Psychological characteristics of the intrapersonal conflicts in various situations of migration In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 86-101.

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-86-101.

УДК 19.00.01

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-102-113

СТРУКТУРА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Мурсалыева Г.М.

Российский государственный гуманитарный университет

125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования структуры этнической идентичности подростков, сделан обзор научной психологической литературы, выделены значимые труды исследователей в этой области. Исследование было проведено в московской городской общеобразовательной школе № 170 имени А.П. Чехова и исмаиллинской средней школе № 1 имени И.А. Гасанова. Респондентами в исследовании были выбраны 251 подросток, из них 127 – из московской школы и 124 – из исмаиллинской школы. Для изучения структуры этнической идентичности была использована методика Дж. Финни «Этническая идентичность». В результате исследования автор пришёл к выводу, что: структура этнической идентичности включает два компонента; уровень этнической идентичности исмаиллинских подростков выше, чем у московских сверстников; уровень когнитивного и аффективного компонента у исмаиллинских подростков также преобладает над московскими подростками; аффективный компонент этнической идентичности у московских и исмаиллинских подростков выше, чем когнитивный компонент.

Ключевые слова: этническая идентичность, аффективный компонент, когнитивный компонент, подросток, окружающая среда.

THE STRUCTURE OF ETHNIC IDENTITY OF ADOLESCENTS IN CONTEMPORARY CROSSCULTURAL SPACE

G. Mursaliyeva

Russian State University for the Humanities

6, Miyskaya pl., Moscow, 125993 Russian Federation

Abstract. The article presents the results of empirical research on the structure of ethnic identity of adolescents. Scientific psychological literature is reviewed, significant works of researchers in this area are highlighted. The research was carried out in Moscow city secondary school № 170 named after A. P. Chekhov and Ismaili secondary school № 1 named after I. I. Hasanov. 251 teenagers were selected as respondents to the study. 127 of them were from the Moscow school and 124 teenagers - from the Ismaili school. In order to study the structure of ethnic identity J. Finney's method of "Ethnic identity" was chosen. As a result of the study the conclusion was drawn that the structure of ethnic identity includes two components. Besides, the level of ethnic identity of Ismayilli adolescents is higher than their Moscow peers. It is important that the level of cognitive and affective component of Ismayilli teenagers also prevails

over Moscow teenagers. The affective component of ethnic identity among adolescents in Moscow and Ismayilli is higher than the cognitive component.

Key words: ethnic identity, affective component, cognitive component, teenager, environment.

Введение

Актуальность нашего исследования продиктована основной характеристикой современного общества, которая выражается в его транзитивности (изменчивости). Транзитивное общество, в котором доминирует межкультурное общение среди всех возрастных групп населения, диктует свои правила социализации [5]. Население мегаполисов постоянно находится в потоке движения миграционных пластов, меняется этнический состав, внешний облик крупных городов. Мигранты вместе с семьями и детьми проходят вторичную социализацию (ресоциализацию) в новых, не привычных для них условиях и вследствие того как люди, обживающие новую территорию, неизбежно становятся частью этого общества. Они ищут своё место, идентифицируют и одновременно дифференцируют себя, свою культуру, свой менталитет отсутствующего, традиционно сложившегося в новой этнокультурной среде. В период таких масштабных изменений каждому индивиду свойственен поиск чего-то стабильного, не подверженного изменению, гарантирующего безопасность и не зависящего от уровня социального и материального статуса. Поиск стабильности и безопасности останавливается на этнической идентичности, так как только этническая принадлежность является постоянной в жизни каждого индивида и из этнической группы невозможно удалить человека. Мы вслед за Е.П. Белинской принимаем этническую иден-

тичность как составляющую часть социальной идентичности, без которой образ «Я» каждого индивида остался бы незавершённым [1]. Формирование этнической идентичности происходит без отрыва от среды. Особую роль ближайшему окружению в формировании и социализации отводил Л.С. Выготский [2]. Учёный выделял личность как социальное понятие, в котором представлено историческое в человеке. Согласно мнению автора концепции культурно-исторического развития, человек как личность не рождён, а сформирован под воздействием социальных факторов. Мы опирались на взгляды Л.С. Выготского при изучении этнической идентичности подростков в межкультурной среде, во время исследования выделяли общие и различные закономерности в процессе этнической идентичности, анализировали структуру этнической идентичности современных подростков в зависимости от окружающего их социума [2].

На сегодняшний день, несмотря на большой запас исследований, сохраняется дефицит знаний о различиях и общих тенденциях в процессе формирования этнической идентичности подростков из разных культурных сред. Фундаментальные исследования, проведённые в научных кругах нашими предшественниками, были направлены на изучение этнической идентичности подростков из разных этнических групп в мегаполисах, адаптации в условиях мегаполиса в зависимости от этнического происхождения,

исследовалось влияние типов семейного воспитания на формирование этнической идентичности.

Новизна нашего исследования заключается в межкультурном изучении подростков из разных сред в сравнении уровня этнической идентичности респондентов и в сравнении уровня составляющих компонентов этнической идентичности. **Теоретическая значимость** проведённого исследования заключается в том, что проанализированы различные подходы отечественных и зарубежных учёных в изучении структуры этнической идентичности, в результате чего выявлены общие и специфические аспекты её становления. **Практическая ценность** исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для создания конструктивной межетнической коммуникации среди подростков, принадлежащих к разным этническим группам. Теоретические положения и эмпирические результаты исследования могут быть полезны широкому кругу специалистов: учителям, педагогам-психологам, социальным педагогам, работающим в образовательных учреждениях.

Цель исследования: построить модель конструктивного межкультурного диалога подростков из разных этнических культур.

Объект: этническая идентичность подростков.

Предмет: структура этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве.

Задача: 1) изучить структуру этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве;

2) разработать программу формирования позитивного типа этнической

идентичности в процессе воспитания у подростков.

Теоретической концепцией нашего исследования этнической идентичности стала теория социальной идентичности А. Тешфела, которая описывает индивидуальные знания о собственной группе, эмоциональное значение данной группы для каждого члена этой группы в целом и своего места в данном сообществе в частности. Согласно А. Тешфелу, процесс осознания индивидом себя членом группы происходит поэтапно: вначале индивид осознаёт своё окружение, выделяет различия в группах, а далее происходит осознание собственной принадлежности к выбранной группе [15].

Анализ научно-психологической литературы даёт нам основание для выделения возрастных классификаций этнической идентичности. Относительно возрастной периодизации существует несколько классификаций. Возрастная классификация, выдвинутая Ж. Пиаже, разделяет процесс этнической идентичности на следующие этапы:

1) диффузные знания о своей этнической принадлежности (6–7 лет);

2) осознанная идентификация себя со своим этносом, знание этнической принадлежности своих родителей, выделение этнодифференцирующих признаков: язык, Родина (8–9 лет);

3) этничность как сформированное знание об особенностях своей культуры и владение сведениями об историческом процессе формирования собственного этноса (10–11 лет) [7].

Взгляды Ж. Пиаже на окончательное формирование этнической идентичности в 10–11 лет в дальнейшем были отвергнуты рядом учёных.

С. Холл, Дж. Финни в своих исследованиях опровергли процесс завершённости этнической идентичности. Учёные доказали гипотезу непрерывности процесса этнической идентичности в течение всей жизни [14].

Структура модели этнической идентичности, сформированной Дж. Финни, имеет общие признаки с процессом развития личностной идентичности, так как происходит под влиянием знаний, сложившихся в процессе изучения реальности. Автор выделяет в этнической идентичности этническое осознание, этническую самоидентификацию, этнические установки, этническое поведение. В то же время Дж. Финни впервые отметила, что из всех возрастов именно подростковый период является менее всего изученным, и ею была предложена модель стадийного формирования этнической идентичности:

1) *непроверенная идентичность* – безразличие к изучению собственной идентичности (младшие подростки). Делится на два подвида:

а) диффузная (этническая принадлежность не интересна априори);

б) предварительная (индивид из опыта родителей или же других референтных взрослых принял и освоил позитивные этнические аттитюды собственного народа, для него в этом случае этническая идентичность титульного народа не привлекательна);

2) *мораторий* – поиск значения этничности в собственной жизни. Свой уникальный жизненный опыт, индивидуальный нарратив стимулирует этническое сознание. Согласно исследованием Дж. Финни, для подростков стимуляцией этнического самосознания были акты дискриминации по

этническому признаку. Ряд авторов подтверждает, что этническое самосознание в период этнических конфликтов приобретает доминирующий характер. Во время второй стадии происходит усиленный процесс освоения истоков культуры своего народа, этому способствуют изучение фольклора, посещение музеев, исторических памятников, изучение биографии значимых лиц в истории своего этноса. Рост этнического самосознания связан в основном с дискриминацией на межэтнической почве;

3) *реализованная этническая идентичность* – чёткое представление собственного этноса, общих и дифференцированных этнических маркеров, осознание константности этнической принадлежности.

Дж. Финни в своих исследованиях подчёркивает динамичность процесса этнической идентичности и считает, что после подросткового периода этническая идентичность подвергается изменениям, продолжается в других формах, обогащая жизнь индивида в зависимости от его собственного индивидуального опыта жизни [14].

В исследованиях отечественного психолога И.А. Снежковой возрастные границы раздвинуты, и в отличие от Пиаже учёный считает, что возраст 10–11 лет не является окончательным в процессе этнической идентичности. Согласно периодизации И.А. Снежковой, 10–11 лет является начальным периодом формирования этнической идентичности. 11–15 лет – это возраст, когда подросток уже обладает обширными знаниями о своём этническом происхождении. Подросток осознаёт культурные отличия ближайших соседей, и в силу сформировавшихся зна-

ний сам в состоянии определить место, которое занимает в собственном этносе, и в соответствии с этим выстроить отношения с представителями другого этноса. Этот период выделяют как основной в становлении этнической идентичности [6; 7; 9].

Структура этнической идентичности включает в себя определённые компоненты. Г.У. Солдатова в структуре исследуемого феномена подчёркивает наличие сознательного и бессознательного уровней. М. Баррет, Т.Г. Стефаненко отмечают когнитивный и аффективный компонент [4; 8; 9; 10]. Л.М. Дробижева выделяет в основе этнической идентичности такие компоненты, как осознание принадлежности к своему народу, приоритетность интереса собственного этноса, знание о культуре, языке, территории [3]. Мы вслед за Т.Г. Стефаненко включаем два компонента: когнитивный и аффективный. Аффективный компонент этнической идентичности связан с эмоциональным восприятием своей этнической принадлежности, субъективным, оценочным отношением к собственной этнической группе [11; 12; 13].

Когнитивный компонент – это знания о своей этнической группе, которые сложились у индивида в процессе формирования этнической идентичности. В составе когнитивного компонента выделяют определённые характеристики, при помощи которых индивид идентифицирует себя со своей этнической группой. Ряд учёных основными характеристиками отметили этническую ориентацию, групповую концепцию, этническую осведомлённость, этническое самосознание [11]. При помощи когнитивного компонента этнической идентичности под-

росток собирает и структурирует информацию о своём этническом происхождении [8; 11].

Исследование формирования этнической идентичности мы проводили среди подростков в возрасте 12–15 лет в московской (Россия) и исмаиллинской (Азербайджан) средней школе. Учащиеся в московских школах с раннего детства имеют навыки общения с детьми, принадлежащими к разным этническим группам. Отличительной чертой окружающей среды подростка из Исмаилов является однородность.

Для исследования мы выбрали респондентов в количестве 251 подростка (учащиеся 7–8 классов), из них 127 подростков из Московской городской школы № 170 имени А.П. Чехова (Россия) и 124 подростка из Исмаиллинской средней общеобразовательной школы № 1 имени И.А. Гасанова (Азербайджан). Мы сравнили общую идентичность и показатели её структурных компонентов (когнитивного и аффективного).

Анализ теоретических концепций этнической идентичности позволил нам сформулировать гипотезу исследования: *аффективный компонент этнической идентичности является доминирующим вне зависимости от культурной среды, так как в процессе воспитания личности социум формирует положительную эмоциональную оценку к этносу, в котором развивается личность.*

Для проведения эмпирических исследований формирования этнической идентичности подростков в межкультурном пространстве в общем и анализа соотношения между когнитивным и аффективным компонентами в частности нами была использована методика Дж. Финни «Этническая идентичность». Данная методика

предназначена для диагностики выраженности этнической идентичности. Опросник состоит из 12 вопросов и включает в себя две субшкалы: выраженности когнитивного компонента этнической идентичности и выраженности аффективного компонента этнической идентичности.

Результаты

Эмпирическое исследование этнической идентичности подростков из разных культурных сред показало, что существуют различия и тождества в формировании общего уровня этнической идентичности (табл. 1) и её структурных компонентов.

Таблица 1

Результаты общего уровня этнической идентичности

	Общий уровень этнической идентичности	
	Размер	Среднее значение
Московская культурная среда	(n = 127)	1,8628
Исмаиллинская культурная среда	(n = 124)	2,1206

В таблице представлены переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$).

Статистические данные, представленные в результате эмпирического анализа общего уровня этнической идентичности, свидетельствуют о том, что общий показатель уровня сформированности этнической идентичности у подростков из московской культурной среды (Россия) ($n = 127$) ниже, чем общий уровень этнической идентичности у подростков из исмаиллинской культурной среды ($n = 124$). Высокий уровень этнической идентичности исмаиллинских подростков мы объясняем тем, что один из значимых факторов, влияющих на формирование этнической идентичности – мифологизированность традиционной культурной среды. Подросток, проживающий в г. Исмаиллы, с раннего детства растёт и развивается в окружении своих близких родственников, он живёт на своей исторической Родине, связан со своей традиционной семьёй. При этом он с детства слышит историю своего рода и

своих предков, значимых людей, которые оставили след в жизни общества, где он растёт. Московские подростки, проживающие в нуклеарных семьях, очень далеки от традиционного уклада жизни, вековые традиции, обряды, ритуалы в окружающем их обществе абсолютно нивелированы. Камерное проживание присуще основной массе жителей мегаполиса, связи между близкими родственниками сведены к минимуму. Перечисленные факторы влияют на формирование индифферентного отношения к своему этническому происхождению, и, как следствие, подросток из московской среды демонстрирует более низкий уровень общего показателя этнической идентичности.

Во избежание случайности результатов эмпирического исследования мы подвергли полученные данные математическому анализу при помощи t-критерия Стьюдента, где t – величина

на статистики Стьюдента, dif – число степеней свободы, p -значение – вероятность отсутствия различий по данному признаку (табл. 2).

Таблица 2

Результаты математического анализа при помощи t -критерии Стьюдента

	t	dif	p -значение
Общий показатель этнической идентичности	-3,310	249	0,001

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным начертанием.

Результаты математического анализа при помощи t -критерии Стьюдента подтвердили закономерность данных, полученных при эмпирических исследованиях.

Далее мы представим результаты эмпирического анализа когнитивного

компонента этнической идентичности, который формируется в процессе интеллектуальной деятельности и направлен на поиск информации об этническом происхождении подростка (табл. 3).

Таблица 3

Результаты эмпирического исследования когнитивного компонента

	Когнитивный компонент этнической идентичности	
	Размер	Среднее значение
Московская культурная среда	($n = 127$)	0,642
Исмаиллинская культурная среда	($n = 124$)	0,813

В таблице представлены переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$).

Исходя из результатов эмпирического исследования этнической идентичности подростков из разных культурных сред, можно сделать вывод, что когнитивный компонент у подростков из исмаиллинской (Азербайджан) ($n = 124$) культурной среды выше, чем когнитивный компонент у подростков из московской культурной среды (Россия) ($n=127$). Высокие показатели когнитивного компонента исмаиллинских подростков мы можем объяснить влиянием элиты общества на формирование этнической идентичности

подростков. Лучшие представители этноса, которых мы по определению причисляем к элите, в исмаиллинской окружающей среде принадлежат к одной и той же этнической группе, как и подростки (мы ранее отмечали этнически более однородную среду, окружающую исмаиллинского подростка). Ещё одним значимым фактом в формировании когнитивного компонента этнической идентичности исмаиллинского подростка является то, что он получает информацию о своём народе с самого раннего детства. Ре-

зультаты эмпирического исследования когнитивного компонента этнической идентичности подростков из разных культурных сред были подвергнуты

математическому анализу с помощью t-критерии Стьюдента для доказательства закономерности полученных данных (табл. 4).

Таблица 4

Результаты математического анализа при помощи критерия Стьюдента

	t	dif	p-значение
Когнитивный компонент этнической идентичности	-4,791	249	0,000

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным начертанием.

Результаты математического анализа когнитивного компонента этнической идентичности подростков из разных культурных сред, представленные в данном исследовании, подтвердили закономерность вывода, что когнитивный компонент этнической идентичности подростков из исмаил-

линской культурной среды ($n = 124$) выше, чем когнитивный компонент этнической идентичности подростков из московской культурной среды ($n = 127$).

В таблице 5 мы представляем результаты аффективного уровня этнической идентичности.

Таблица 5

Результаты аффективного компонента этнической идентичности

	Аффективный компонент этнической идентичности	
	Размер	Среднее значение
Московская культурная среда	($n = 127$)	1,2271
Исмаиллинская культурная среда	($n = 124$)	1,3210

В таблице представлены переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$).

Таким образом, мы видим, что уровень развития аффективного компонента этнической идентичности подростков из исмаиллинской (Азербайджан) ($n = 124$) культурной среды выше, чем уровень когнитивного компонента этнической идентичности подростков из московской (Россия) ($n = 127$) культурной среды. Этот феномен мы можем объяснить,

исходя из самой сути аффективного компонента, так как нам известно, что это чувственное, эмоциональное отношение личности к своему этническому происхождению, и мы знаем, что оно обостряется во время межэтнического конфликта. На сегодняшний день пребывание Азербайджана в состоянии «тихой» войны со своим ближайшим соседом обостряет

привязанность каждого подростка к своей Родине, стимулирует эмоциональную подоплёку этнической идентичности.

Результаты эмпирического анализа мы также подвергли математическому анализу при помощи *t*-критерия Стьюдента (табл. 6).

Таблица 6

Результаты математического анализа аффективного компонента этнической идентичности

	t	dif	p-значение
Аффективный компонент этнической идентичности	-1,756	249	0,080

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным начертанием.

Данные математического анализа при помощи *t* - критерия Стьюдента доказали полученные результаты эмпирического исследования.

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы о преимуществе аффективного компонента над когнитив-

ным в структуре этнической идентичности подростков из межкультурной среды мы сравнили эмпирические данные аффективного и когнитивного компонента этнической идентичности московских и исмаиллинских подростков (табл. 7).

Таблица 7

Результаты когнитивного и аффективного компонента московских и исмаиллинских подростков

	Размер	Когнитивный компонент	Аффективный компонент
Московская культурная среда	(n = 127)	0,642	1,2271
Исмаиллинская культурная среда	(n = 124)	0,813	1,3210

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным начертанием.

Результаты, представленные в таблице 7, доказывают выдвинутую нами гипотезу о преимуществе аффективного компонента в структуре этнической идентичности у подростков вне зависимости от среды проживания. Этим самым мы ещё раз убеждаемся, что понятие «эт-

ническая идентичность» шире, чем осознанное причисление себя к тому или другому этносу. Это эмоциональное восприятие себя, своей личности частью своего народа, с которым делишь общую историю, это незыблемая связь между поколениями.

Обсуждение

Переходя к обсуждению полученных результатов в контексте выдвинутой нами гипотезы, можем сказать, что гипотеза полностью подтвердилась. Уровень аффективного компонента этнической идентичности у подростков выше когнитивного уровня, так как личностные составляющие формируются под воздействием окружающей их среды. Эти выводы ещё раз подтверждают влияние общества на формирование этнической идентичности подростков. Культурная среда включает в себя и место жительства, которое диктует свои

правила, определяет образ и условия жизни. Под воздействием этнокультурной среды формируются мировоззрение, ценности, приоритеты у подростков, которые в дальнейшей жизни становятся определяющими факторами по отношению к собственной и чужой этнической группе.

Предметом дальнейшего изучения, на наш взгляд, могут стать закономерности формирования позитивного типа этнической идентичности в процессе воспитания и обучения.

Статья поступила в редакцию 04.04.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000. 208 с. (Библиотека школьного психолога).
2. Выготский Л.С. Развитие личности и мировоззрения ребенка // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982. С. 161–165.
3. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. С. 213–244.
4. Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. Личностные особенности российских и азербайджанских студентов: кросс-культурная валидизация опросника «Темная дюжина» (Dirtydozen) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 6–17.
5. Марцинковская Т.Д. История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 69–78.
6. Мишина М.М., Мурсалыева Г.М. Сравнительный анализ этнической идентичности подростков из разных культурных сред // Акмеология. 2016. № 4. С. 121–125.
7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / сост., нов. ред., пер. с фр., комм. Вал.А. Лукова, Вл.А. Лукова. М., 1994. 526 с. (Психология: классические труды).
8. Барретт М., Рязанова Т., Воловикова М. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN5927000223.html> (дата обращения: 02.03.2018).
9. Снежкова И.А. Этнические аспекты гендерного социального неравенства // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 67–72.
10. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности: научно-публицистический вестник. 2001. Вып. 1–2. С. 19–37.
11. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI. М., 1998. С. 84–104.
12. Чумичёва И.В. Особенности процесса социализации подростков из разных этнических групп // Вестник Московского государственного областного университета

- (электронный журнал). 2015. № 1. URL: Available at: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 30.03.2018).
13. Malych S. The role of Personality Traits and Intelligence in Academic Achievement of Russian High School Students // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2017. Vol. 237. P. 1304–1307.
 14. Phinney J.S. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 499–514.
 15. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

REFERENCES

1. Belinskaya E.P., Stefanenko T.G. *Etnicheskaya sotsializatsiya podrostrka* [Ethnic socialization of a teenager]. Moscow, Voronezh, 2000. 208 p.
2. Vygotsky L.S. [The development of the child's personality and outlook]. In: Gippenreiter Yu.B., Puzyrey A.A., eds. *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Psychology of personality. Texts]. Moscow, 1982, pp. 161–165.
3. Drobizheva L.M. [Russian and ethnic identity: opposition or compatibility]. In: *Rossiya reformir u yushchayasya* [Russia under reforming], 2002, pp. 213–244.
4. Kornilova T.V., Zirenko M.S., Guseinova R.D. [Personal characteristics of Russian and Azerbaijani students: cross-cultural validation of the questionnaire "dark dozen" (dirty dozen)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 2, pp. 6–17.
5. Martsinkovskaya T.D. [History, culture, development as forming a historical-genetic paradigm]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2015, vol. 11, no. 4, pp. 69–78.
6. Mishina M.M., Mursalyeva G.M. [The comparative analysis of ethnic identity of adolescents from different cultural environments]. In: *Akmeologiya* [Acmeology], 2016, no. 4, pp. 121–125.
7. Piaget J. *Rech' i myshlenie rebenka* [The speech and thinking of the child]. Moscow, 1994. 526 p.
8. Barrett M., Ryazanova T., Volovikova M. *Razvitie natsional'noi, etnolingvisticheskoi i religioznoi identichnosti u detei i podrostkov* [Development of national, ethnolinguistic and religious identity in children and adolescents]. Available at: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN5927000223.html> (accessed: 02.03.2018).
9. Snezhkova I.A. [Ethnic gender social inequality]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2003, no. 1, pp. 67–72.
10. Soldatova G.U. [Tolerance and intolerance – the two faces of inter-ethnic interaction]. In: *Vek tolerantnosti: nauchno-publitsisticheskii vestnik* [The age of tolerance: scientific-publicistic Bulletin], 2001, iss. 1–2, pp. 56–73.
11. Stefanenko T.G. [Ethnic identity and some problems of its study]. In: *Etnos. Identichnost'. Obrazovanie. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. T. IV. Vyp. VI* [Ethnicity. Identity. Education. Works on sociology of education. Vol. IV. Iss. VI]. Moscow, 1998, pp. 84–104.
12. Chumicheva I.V. [Peculiarities of socialization process of adolescents from different ethnic groups]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2015, no. 1. Available at: evestnik-mgou.ru (accessed: 30.03.2018).

13. Malykh S. The role of Personality Traits and Intelligence in Academic Achievement of Russian High School Students. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2017, vol. 237, pp. 1304–1307.
14. Phinney J.S. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. In: *Psychological Bulletin*, 1990, vol. 108. P. 499-514.
15. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G., eds. *Psychology of intergroup relations*. Chicago, Nelson-Hall, 1986, pp. 7–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мурсалыева Гюльтакин Мазахировна – соискатель кафедры психологии методологии образования Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: xazar97@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gultekin M. Mursaliyeva – candidate for the Doctor degree of the Department of Psychology and Methodology of Education; the Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities;
e-mail: xazar97@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мурсалыева Г.М. Структура этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 102–113.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-102-113.

FOR CITATION

Mursaliyeva G. The structure of ethnic identity of adolescents in contemporary crosscultural space. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 102–113.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-102-113.

РАЗДЕЛ III.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37.015.3

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-114-124

РОЛЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕДАГОГОВ О РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТИ

Зотова Л.Э.

*Московский государственный областной университет
105005, г.Москва, ул.Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация В статье рассматривается вопрос о том, какие персональные ресурсы играют ключевую роль в представлении педагогов о себе как ресурсообеспеченных. Проведённое исследование показало, что большая часть педагогов не считают себя высоко-ресурсными, в то время как специфика профессиональной деятельности требует от них высокой степени психологической отдачи. Показано, что наибольший вклад в представление педагогов о собственной ресурсности вносят: оптимизм, осознанность и выбор копинг-стратегий, которые ориентированы на включённость в проблемную ситуацию и планирование действий по её разрешению. В заключении автор выделяет два фактора, которые являются ключевыми для представления педагогов о собственной ресурсообеспеченности: когнитивноориентированные стратегии поведения в сложных ситуациях и осознанное отношение к ним.

Ключевые слова: персональные ресурсы, ресурсообеспеченность, осознанность, оптимизм, активность, копинг-стратегии.

ROLE OF PERSONAL RESOURCES IN SHAPING TEACHERS' UNDERSTANDING OF THE RESOURCE PROFILE

L. Zotova

*Moscow State Region University,
10A, Radio ul. Moscow, 105005 Russian Federation*

Abstract. The article considers the question of which personal resources play the key role in forming the teachers' understanding about themselves as resource-rich. The study showed that the majority of teachers do not consider they have enough resources, while the specifics of professional activities require a high degree of psychological impact. The article shows that optimism, awareness and the choice of coping strategies make the greatest contribution to the teachers' understanding about their resource. It is important that their coping strategies

to be focused on inclusion into the problem situation and planning of actions to resolve it. In conclusion the author identifies two factors that are key to teachers' understanding of their resource availability: cognitive-oriented strategies of behavior in difficult situations and conscious attitude to them.

Key words: personal resources, resource availability, awareness, optimism, activity, coping strategies.

Постановка проблемы

Педагогическая профессия является одним из самых стрессогенных видов профессиональной деятельности, что связано с наличием множества стресс-факторов. Особую категорию педагогов представляют специалисты, работающие с «трудными» детьми и подростками. Работа с детьми такого рода характеризуется не только высокой степенью эмоциональной и интеллектуальной напряжённости, но и тем, что «социально-дезадаптирующими факторами являются низкая социальная защищённость и престиж профессии, необходимость профессионального межличностного взаимодействия в конфликтных ситуациях, информационные перегрузки, многофункциональность социально-ответственной деятельности» [2, с. 122].

Исследования О.Ю. Багадаевой, А.А. Баранова, Л.Ф. Бурлачук, Л.М. Митиной, М.Ю. Краевой, Е.Ю. Коржовой, Н.В. Кузьминой, Е.Б. Филинковой, Б.И. Хасан и др. показывают экстремальность стрессоров педагогической профессии [1; 2; 9; 16], которые определяются совокупностью физических, социальных, профессиональных и организационных факторов [1].

Нагрузки, испытываемые педагогами, могут приводить к профессиональному выгоранию, эмоциональной неустойчивости, конфликтности, агрессивности и другим негативным факторам профессиональной деятельности.

Отметим, что не всегда трудные ситуации, возникающие в личностном и профессиональном плане, ведут к переживанию стресса. Если ресурсная наполненность личности такова, что позволяет решить возникающие проблемы – человек «проходит» жизненные перипетии без ярко выраженного стресса. Обладая достаточно прочным запасом ресурсов, профессионал может выносить повышенные стрессовые нагрузки, диктуемые профессиональной деятельностью.

Отечественные исследования Н.Е. Водопьяновой, Т.Ю. Ивановой, Т.О. Гордеевой, Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, С.Л. Соловьевой и др. базируются на представлении о ресурсах как важных психологических феноменах, опосредующих связь между стрессогенными событиями и психологическим состоянием человека [4; 6; 8; 11; 15].

Согласно теории сохранения ресурсов С. Хобфолла, под ресурсами понимается тот значимый капитал человека, который складывается из материальных объектов, факторов, связанных с социо-экономическим статусом человека, условий жизни человека, персональных и энергетических характеристик [18]. По мнению С. Хобфолла, человеку свойственно наращивать свой потенциал и создавать определённый запас ресурсов, что позволяет ему чувствовать себя защищённым перед лицом стрессов. Нарушение баланса

между приобретёнными и израсходованными ресурсами в пользу последних является ключевым моментом для возникновения вредоносного стресса. Важным моментом теории сохранения ресурсов является положение о том, что значимость потерь и приобретений ресурсов неоднозначна. Люди склонны акцентировать внимание на потерях, а не на приобретениях. Фиксация на потерях может приводить личность к иллюзии беспомощности и бессилия, снижать потенциал сопротивления стрессу [19].

В этом ключе встает вопрос о том, как личность оценивает соотношение своих потерь и приобретений, т. е. ресурсообеспеченность, какие личностные ресурсы являются важными для того, чтобы педагог воспринимал себя как субъекта, способного противостоять жизненным и профессиональным трудностям?

В фокусе нашего внимания находятся те ресурсы, которые, на наш взгляд, являются необходимыми для преодоления сложных личностных и профессиональных ситуаций: оптимизм, активность, осознанность, копинг-стратегии, используемые в трудных жизненных обстоятельствах.

Под оптимизмом, согласно И.С. Шуллеру и А.Л. Комуниан, мы понимаем устойчивую личностную позицию уверенности человека в преодолении жизненных трудностей, основанную на вере в силу человеческой природы и в собственные ресурсы [21]. Авторы также подчёркивают ключевую роль активности в формировании оптимистичного отношения к жизни. Оптимизм определяется как активная жизненная позиция личности, которая оказывает влияние на вы-

бор адаптивных моделей поведения, ролевую позицию и устойчивость к психологическому стрессу и является важной составляющей психологического здоровья личности. Таким образом, *активность*, наряду с оптимизмом, рассматривается как ресурс личности.

Осознанность (Mindfulness) – ещё одно психологическое понятие, рассматриваемое нами как ресурс. Осознанность – это внимательное отношение к текущему моменту, которое позволяет проживать его полноценно, отказаться от действий «на автопилоте», быть открытым новому опыту и новым возможностям, принимать ситуацию и себя в ней. Как отмечает А.М. Голубев, исследователи осознанности «...обращают внимание на то, что позиция принятия изменяет субъективное значение ситуации, и, таким образом, дистресс переживается как менее неприятный или угрожающий» [3, с. 45]. По мнению исследователей С. Бишоп, Дж. Кабат-Зинна, Э. Лангер, Р. Райана, Д. Сигела и др., осознанность несёт в себе богатый ресурсный потенциал [17; 20].

Являясь ресурсом личности, осознанность неразрывно связана с выбором эффективных копинг-стратегий с высокой когнитивной нагрузкой [5; 12; 19]. Цель *копинг-стратегий* – преодолеть сложные жизненные и профессиональные ситуации либо уменьшить их отрицательные воздействия. Ресурсным с точки зрения преодоления стресса является поведение, соответствующее характеристикам целенаправленности и осмысленности, наиболее адекватно отвечающее особенностям личности и ситуации, приводящее к сокращению избегающих

стратегий, большей дифференциации когнитивного и аффективного опыта, использованию копингов, ориентированных на решение жизненных проблем. Избегающие и агрессивные копинги традиционно считаются неконструктивными [7; 13].

Все вышесказанное позволяет представить проблему исследования как поиск ресурсов, которые сдвигают субъективное представление педагогов о своей ресурсной наполненности в позитивную сторону, тем самым повышая стрессоустойчивость и помогая преодолевать сложные ситуации в личном и профессиональном плане.

Цель исследования: выявление персональных ресурсов педагогов, позволяющих им поддерживать представление о себе как о высококачественных.

Задачи исследования:

- 1) выявление представления педагогов о собственной ресурсной наполненности (индекса ресурсности);
- 2) выявление ресурсов, вносящих вклад в субъективное представление педагогов о собственной ресурсной наполненности;
- 3) выявление структуры ресурсной наполненности педагогов.

Методы исследования

1. *Опросник «Оценка потерь и приобретений»*, разработанный Н.Е. Водопьяновой и М.В. Штейн на основе ресурсной концепции психологического стресса С. Хобфолла [3].

2. *Опросник внимательности и осознанности (Mindful Attention Awareness Scale - MAAS)* К. Брауна и Р. Райана адаптации А.М. Голубева [5].

3. *Опросник способов совладания (ОСС)* Р. Лазаруса и С. Фолкман «Ways of Coping Questionnaire» (WCQ) в

адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк [10].

4. *Шкала активности и оптимизма (Arousalability and Optimism Scale – AOS)* И.С. Шуллера и А.Л. Комуниан, адаптированная Н.Е. Водопьяновой и М.В. Штейн [3].

Описание выборки исследования

В исследовании приняли участие 170 социальных педагогов школ и воспитателей детских домов Московской области. Из них 95% – женщины. Средний возраст – 41, 9 ± 10,06.

Основные результаты исследования

Для решения *первой задачи* исследования мы обратились к выявлению *индекса ресурсности*, отражающего субъективную оценку ресурсообеспеченности педагога. Индекс ресурсности представляет собой интегральный показатель, отражающий соотношение «приобретений» и «потерь» педагогов за последние два года.

Выявлено, что высокий уровень ресурсности имеют меньше половины (46%) педагогов, 39% респондентов обладают средним уровнем ресурсной наполненности. Тревогу вызывает тот факт, что 15% педагогов находятся в «группе риска», их показатель ресурсности является низким.

Исследования В.А. Бодрова, Н.Е. Водопьяновой, А.В. Иванецкого, Т.Ю. Ивановой, Л.В. Куликова, Д.А. Леонтьева и др. указывают на то, что низкая ресурсная обеспеченность нарушает ряд наиболее значимых для регуляции психической деятельности и процесса адаптации характеристик личности, не позволяет ей активно выполнять все функции, в том числе профессиональные [4;8;11]. Исследования

Н.Е. Водопьяновой показали, что низкий уровень ресурсообеспеченности связан с высокой выраженностью профессионального выгорания в профессиональной среде [4], что проявляется в эмоциональном истощении, чувстве безразличия к окружающим и, как итог – в ощущении собственной некомпетентности, охлаждении к профессии, нежелании выполнять профессиональный долг.

Представления педагогов о ресурсообеспеченности являются субъективными, они не всегда отражают потенциальные и реально существующие ресурсы личности, но именно они рассматриваются как способность (или неспособность) противостоять личностным и профессиональным вызовам. Чем выше педагог оценивает преобладание приобретённых жизненно важных ресурсов относительно их потерь, тем выше его ресурсообеспеченность, которая может рассматриваться как профессионально необходимое качество.

Полученные нами результаты требуют ответа на вопрос: какие именно

ресурсы являются важными для субъективного представления педагога о себе как о ресурсной личности?

Таким образом, мы переходим к решению *второй задачи* исследования.

Опираясь на теоретические работы в области ресурсного потенциала личности, для рассмотрения мы выделили несколько персональных ресурсов: *оптимизм, активность, осознанность и копинг-стратегии*, используемые в проблемных ситуациях.

Чтобы определить, какие из вышеперечисленных ресурсов являются важными для представления педагогов о своей ресурсообеспеченности, был проведён регрессионный анализ. Оказалось, что наибольший вклад вносят следующие ресурсы: высокая оценка собственных приобретений, оптимизм, осознанность, проблемно ориентированный копинг «планирование действий по решению проблемы», отказ от эмоционально-сфокусированного копинга «бегство от проблемы», низкая оценка своих потерь. На рисунке 1 представлен результат регрессионного анализа.

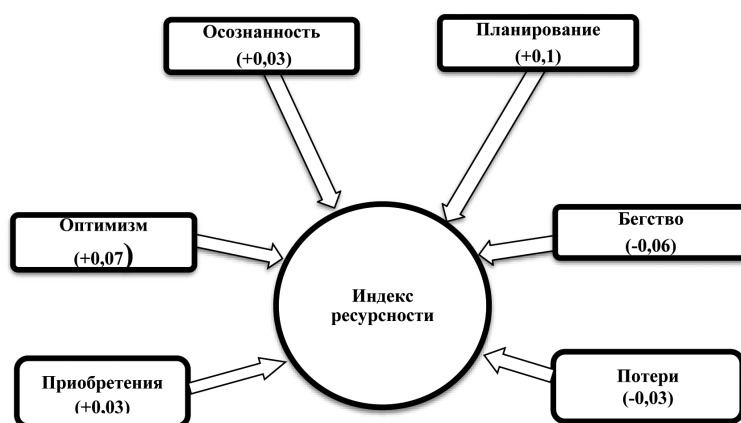

Рис. 1. Вклад ресурсов в представление педагогов о собственной ресурсообеспеченности.

Высокий уровень *оптимизма* помогает учителям преодолевать стрессовые нагрузки, верить в успех, строить свои жизненные планы и видеть в них позитивные цели, верить в себя и мир.

В работах Н.Е. Водопьяновой, А.Л. Комуниан, М.В. Штейн, И.С. Шуллера оптимизм рассматривается как необходимый элемент стрессоустойчивости личности наряду с активностью [4; 21].

Анализ соотношения оптимизма и активности позволил выявить, что у большинства педагогов ярко выражен оптимистический настрой, но они являются достаточно пассивными. *Активность* не вносит значительного вклада в представление педагогов о собственной ресурсообеспеченности. В то же время оптимистичный настрой при пассивном поведении может приводить к необоснованным ожиданиям, радужным мечтам о том, что кто-то изменит или решит ситуацию к лучшему без вмешательства самого педагога.

Осознанность вносит положительный вклад в представление педагогов о своей ресурсности. Осознанный педагог умеет фокусировать своё внимание на том, что происходит «здесь и сейчас», оценивать сложность проблемы, отбросив всё, что от неё отвлекает. Внимательное отношение к проблемным ситуациям и способам их разрешения является тем потенциалом, который создаёт у педагогов веру в свои силы и свою ресурсообеспеченность.

Представление о себе как о ресурсной личности имеют те педагоги, которые не фиксируются на своих реальных или воображаемых жизненных *потерях*, снижают их значимость для себя, умеют их «перерабатывать» в свой жизненный опыт. Они также

ценят свои *приобретения*, видят в них потенциал для своего будущего, умеют аккумулировать силы и энергию, которые эти приобретения дают.

Положительный вклад в ресурсообеспеченность педагогов вносит использование копинг-стратегии, ориентированной на *планирование действий* по разрешению сложной жизненной ситуации, т. е. педагоги, которые умеют учитывать свой опыт при разрешении стрессовых ситуаций, анализировать, применять логику, справляться со своими эмоциями, имеют высокую ресурсообеспеченность.

Использование стратегии *избега-ния* сложных ситуациях вносит отрицательный вклад в субъективное восприятие педагогами себя как ресурсных. Это значит, что ресурсный педагог умеет идти навстречу трудностям, признавать их существование, использовать в своём поведении копинг-стратегии, ориентированные на решение проблем.

В исследованиях Т.С. Пилишвили и З.Ш. Шабданбекова отмечается, что только копинг, направленный на решение проблем, «оценивается учеными как наиболее перспективный с точки зрения психологического благополучия личности, поскольку он связан с предвосхищающим активным поведением субъекта, его самодетерминацией как самостоятельным выбором наиболее оптимального и гибкого совладания с потенциально возможным будущим стрессовым событием, что делает данный вид копинга важнейшим личностным ресурсом» [14, с. 69].

Для решения *третьей задачи* мы обратились к факторному анализу, который позволил выявить структуру представления педагогов о собствен-

ной ресурсообеспеченности. Результаты факторного анализа с помощью ортогонального метода вращения Варимакс представлены в таблице 1.

Таблица 1

Факторный анализ представления педагогов о собственной ресурсной наполненности

Ресурсы	Фактор 1 Факторные нагрузки	Фактор 2 Факторные нагрузки
Осознанность	0,741	0,128
Копинг: бегство	-0,779	0,081
Копинг: планирование решения проблемы	-0,028	0,788
Копинг: положительная переоценка	0,134	0,731
Общая дисперсия	3,085	2,535
Доля общей дисперсии	0,220	0,181

Выделение двухфакторной структуры ресурсообеспеченности педагогов обосновано использованием метода анализа главных компонент, для чего отбирались только те факторы, собственное значение которых приближается к 1, низкие собственные значения включённых в факторный анализ переменных нами не учитывались.

Первый фактор объясняет 22% дисперсии и включает в себя два показателя с высокими факторными весами: копинг «бегство от проблемы» (характеризуется отрицательной величиной), осознанность (характеризуется положительной величиной). Мы обозначили данный фактор как «Осознанное внимание к сложной ситуации».

Второй фактор объясняет 18% дисперсии и включает в себя два показателя с высокими факторными весами: копинг «планирование решения проблемы», что заключается в анализе ситуации и приложении целенаправленных усилий по её разрешению, и копинг «положительная переоценка», характеризующийся переосмыслением ситуации для снижения эмоциональ-

ного переживания. И та, и другая стратегии включают в себя когнитивный элемент в виде анализа, переосмысления, переформулирования, оценки. Этот фактор мы обозначили «Когнитивноориентированные копинги».

Данные факторного анализа позволяют говорить о том, что осознанное внимание к проблемной ситуации и использование когнитивноориентированных копингов для её решения являются важными ресурсами для формирования представлений педагогов о себе как ресурсообеспеченных и способных противостоять стрессовым ситуациям.

Выводы

1. Представление о себе как высоко-ресурсной личности имеют меньше половины педагогов. 15% педагогов попадают в зону риска, они отмечают у себя низкий уровень ресурсообеспеченности.

2. Значимый вклад в представление педагогов о собственной ресурсообеспеченности вносят: высокая оценка собственных приобретений и низкая оценка потерь, оптимизм, осознан-

ность, проблемно-ориентированный копинг «планирование действий по решению проблемы», отказ от эмоционально-сфокусированного копинга «бегство от проблемы».

3. В формировании представлений педагогов о собственной ресурсооб-

еспеченности ключевую роль играют такие факторы, как направленность на когнитивноориентированные стратегии поведения в проблемных ситуациях и осознанное внимание к ним.

Статья поступила в редакцию 30.03.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багадаева О.Ю. Стрессогенные факторы в профессии педагога дома ребенка // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2 (28). С. 149–153.
2. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие. М., 1998. 263 с.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336 с.
4. Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда: автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2014. 49 с.
5. Голубев А.М. Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности МААС // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 6. Вып. 2. С. 44–51.
6. Гордеева Т.О. Оптимизм как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал. Структура и диагностика. М., 2011. С. 112–132.
7. Зотова Л.Э. Агрессия как активное проявление фрустрации (в свете теории психических состояний Н.Д. Левитова) // Проблемы взаимодействия в психологии и социальной практике: материалы Международной научно-практической конференции «III Левитовские чтения». М., 2008. С. 56–59.
8. Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 323–346.
9. Краева М.Ю. Кризис профессиональной идентичности педагога в условиях модернизации образовательной системы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 4. С. 103–108.
10. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
11. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 2. С. 18–37.
12. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 37–47.
13. Овсяник О.А., Зотова Л.Э., Шульга Т.И., Сидячева Н.В. Проявление агрессивного поведения в процессе социально-психологической адаптации личности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1 (45). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23094557> (дата обращения: 10.01.2018).
14. Пилишвили Т.С., Шабданбекова З.Ш. Активное совладающее поведение как акмеологический ресурс в профессиональной деятельности учителей // Акмеология. 2016. № 3 (59). С. 68–72.
15. Соловьева С.Л. Ресурсы личности [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: [сайт]. 2010. № 2 (3). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_2_3/nomer/nomer02.php (дата обращения: 10.01.2018).

16. Филинкова Е.Б., Князева И.А. Представления учителей о деятельности директоров школ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 83–92.
17. Brown K.W., Ryan R.M. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. № 4. P. 822–848.
18. Hobfoll S.E. Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress // *Journal of American Psychologist*. 1989. Vol. 44. № 3. P. 513–524.
19. Hobfoll S.E., Johnson R.J., Ennis N., Jackson A.P. Resource Loss, Resource Gain, and Emotional Outcomes Among Inner City Women // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. № 3. P. 632–643.
20. Gibbons C., Morgan H. Mindfulness – As a Coping Strategy // *Irish Association for Counselling and Psychotherapy*. 2015. Vol. 15. Iss. 2. P. 14–18.
21. Schuller I.S., Comunian A.L. Cross-Cultural Comparison of Arousability and Optimism Scale (AOS) // 18th International Conference of Stress and Anxiety Research Society. Dusseldorf, 1999. P. 457–460.

REFERENCES

1. Bagadaeva O.Yu. [Stressors in the profession of the teacher of an infants' home]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of science of Togliatti State University], 2014, no. 2 (28), pp. 149–153.
2. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. *Psikhologiya zhiznennykh situatsii* [Psychology of life situations]. Moscow, 1998. 263 p.
3. Vodop'yanova N.E. *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. St. Petersburg, 2009. 336 p.
4. Vodop'yanova N.E. *Resursnoe obespechenie protivodeistviya professional'nomu vygoraniyu sub'ektov truda: avtoref. dis. ... dokt.psikhol. nauk* [Provision of resources for combating professional burnout of the subjects of labour: abstract of D. thesis in Psychological sciences], 2014. 49 p.
5. Golubev A.M. [The nature of the fullness of consciousness. Adaptation of the questionnaire mindfulness MAAS]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Psychology], 2012, vol. 6, iss. 2, pp. 44–51.
6. Gordeeva T.O. [Optimism as a component of personal potential]. In: *Lichnostnyi potential. Struktura i diagnostika* [Personal potential. Structure and diagnosis]. Moscow, 2011, pp. 112–132.
7. Zotova L.E. [Aggression as an active expression of frustration (in the light of N.D. Levitov's theory of mental states)]. In: *Problemy vzaimodeistviya v psikhologii i sotsial'noi praktike: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "III Levitovskie chteniya"* [Problems of interaction in psychology and social practice: Materials of international scientific-practical conference "III Levitov's readings"]. Moscow, 2008, pp. 56–59.
8. Ivanova T.Yu., Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. [Functions of personal resources in the situation of economic crisis]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2016, vol. 13, no. 2, pp. 323–346.
9. Kraeva M.Yu. [The crisis of professional identity of the teacher in the conditions of educational system modernization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo univer-*

- ситета. *Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2011, no. 4, pp. 103–108.
10. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. [The questionnaire of ways of coping]. In: *Zhurnalprakticheskopsikhologa* [Journal of the practical psychologist], 2007, no. 3, pp. 93–112.
 11. Leont'ev D.A. [Self-regulation, resources, and personal potential]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal], 2016, no. 2, pp. 18–37.
 12. Muzdybaev K. [Strategies of coping with life]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 1998, vol. 1, no. 2, pp. 37–47.
 13. Ovsyanik O.A., Zotova L.E., SHul'ga T.I., Sigacheva N.V. [The manifestation of aggressive behaviour in the process of socio-psychological adaptation of the personality]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2015, № 1 (45). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23094557> (accessed: 10.01.2018).
 14. Pilishvili T.S., Shabdanbekova Z.Sh. [Active could-use behavior as acmeological resource in professional activities of teachers]. In: *Akmeologiya* [Acmeology], 2016, no. 3 (59), pp. 68–72.
 15. Solov'eva S.L. [Resources of the person]. In: *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2010, no. 2 (3). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_2_3/nomer/nomer02.php (accessed: 10.01.2018).
 16. Filinkova E.B., Knyazeva I.A. [Representations of teachers about the activities of school directors]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2014, no. 1, pp. 83–92.
 17. Brown K.W., Ryan R.M. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 84, no. 4, pp. 822–848.
 18. Hobfoll S.E. Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress. In: *Journal of American Psychologist*, 1989, vol. 44, no. 3, pp. 513–524.
 19. Hobfoll S.E., Johnson R.J., Ennis N., Jackson A.P. Resource Loss, Resource Gain, and Emotional Outcomes Among Inner City Women. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 84, no. 3, pp. 632–643.
 20. Gibbons C., Morgan H. Mindfulness – As a Coping Strategy. In: *Irish Association for Counselling and Psychotherapy*, 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 14–18.
 21. Schuller I.S., Comunian A.L. Cross-Cultural Comparison of Arousability and Optimism Scale (AOS). In: *18th International Conference of Stress and Anxiety Research Society*. Dusseldorf, 1999, pp. 457–460.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зотова Лариса Эдуардовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: zolar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa E. Zotova – PhD, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: zolar@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зотова Л.Э. Роль персональных ресурсов в формировании представления педагогов о ресурсообеспеченности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 114–124.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-114-124.

FOR CITATION

Zotova L. Role of personal resources in shaping teachers' understanding of the resource profile. In: *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 114–124
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-114-124.

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

УДК 331.101.3

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-125-140

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРУДОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

Лобанова Т.Н.

*Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация*

Аннотация. В работе подробно раскрывается такое понятие, как трудовая мотивация персонала, в свете совпадения интересов сотрудников с рабочей средой. Излагается психологическая модель трудовых интересов в качестве прообраза возможной научной концепции, которая пока ещё имеет множество «белых пятен» и заделов для исследований. Приводятся также результаты пилотных исследований в рамках модели трудовых интересов персонала российских компаний. В теоретическом плане дано феноменологическое описание структуры и психологической модели трудовых интересов. В практическом плане доказана актуальность влияния трудовых интересов работников на трудовые активность и продуктивность.

Ключевые слова: мотивация труда, трудовые интересы, отношение к труду, рабочая среда, удовлетворённость работой.

PSYCHOLOGICAL MODEL OF LABOR INTERESTS

T. Lobanova

*National Research University “Higher School of Economics (HSE)”
20 Myasnitskaya ul., Moscow 101000, Russia*

Abstract. The article scrutinizes upon such definition as staff motivation in the light of coincidence of the employees' personal interests with the work environment. Psychological model of labour interests is given as a prototype of a possible scientific concept, which still has a lot of blank spaces and resources for the scientific research. Besides, the article presents the results of a pilot research performed in the frame of the study of the personnel's labour interests in the Russian companies. The theoretical aspect highlights the phenomenological description of the structure and psychological model of labor interests. The practical aspect proves the relevance of the influence of the workers' labor interests on their labor activity and productivity.

Key words: labor motivation, labor interests, attitude to work, working environment, satisfaction with job.

Введение

Современный работник отличается от работника, которого психологи рассматривали в XX в., не только владением различными технологическими средствами, но и несколько иной мотивационной парадигмой. Значительно возросла роль индивидуальных факторов мотивации по сравнению с общественными, социальными. Содержательный аспект мотивации, включающий разнообразные потребности работника (А. Маслоу), его удовлетворённость трудом (Ф. Герцберг), а также компоненты организационной и внеорганизационной среды очень быстро меняются, поскольку средний срок жизни работника в организации сократился до 2-х лет. В этой связи акцент на динамический аспект мотивации более полезен в рассмотрении. Вместе с тем все подобные ситуативные модели ориентированы на взаимосвязь усилий работника с его результатами и вознаграждением за них (В. Врум, Э. Локк). Задача выделения более устойчивых регуляторов трудового поведения человека приводит к рассмотрению жизненных ориентаций работника, включающих не только набор быстро меняющихся мотивационных характеристик, но и ансамбль интересов его жизнедеятельности [3].

Включая понятие «трудовые интересы» в мотивационный профиль личности работника, мы не только акцентируем внимание на содержании труда, но и говорим о «дефицитарной ориентации» на постоянные изменения.

Многолетние исследования автора в области мотивации труда (1987–2017) показывают всё возрастающую

потребность работников в поиске такого содержательного труда, который был бы им интересен. Всё это привело к необходимости понимания самой природы трудового интереса, его места в мотивационном механизме и возможности его реализации в организационной среде.

Хотя мы имеем определённое количество работ зарубежных авторов, изданных в 40-е – 60-е гг. XX в. [13; 14; 19], которые связаны с развитием профессиональных отношений и происхождением интересов, остаётся ряд недостаточно исследованных теоретических и практических вопросов. Особенно это касается психологического рассмотрения феномена «интерес». По мнению советского психолога и философа С.Л. Рубинштейна, интерес – это специфическая направленность личности, которая заключается в «сосредоточенности ее помыслов на определенном предмете» [11]. Доктор психологических наук профессор Санкт-Петербургского университета Е.П. Ильин относит интерес к «видам мотивационных образований» наряду с мотивационными состояниями, установками, влечениями, желаниями, хотениями, склонностями и привычками [4], но интерес выступает ключевым компонентом мотива, определяя личные предпочтения в потребностях и способах их удовлетворения, в желании действовать. Понятийный анализ различных источников по проблеме интереса позволяет выделить потребностно-мотивационное направление трактовки интереса (интерес как осознанная потребность), векторное (интерес – направленность личности), аттитюдное (интерес как отношение), аксиологическое (ценностное) и эмо-

циональное (интерес – эмоциональное состояние). В поисках психологической модели трудовых интересов имеет смысл кратко показать основные различия между потребностью, интересом и мотивом. С.Л. Рубинштейн указывал, что «потребность вызывает желание *обладать* предметом, интерес – *ознакомиться* с ним», т. е. потребность выражает необходимость, а интерес – приязнь, predisposition к какой-то деятельности. Что касается мотива, он обеспечивает предметную деятельность, а интерес выражает обеспечение ценности этой деятельности для социального субъекта [1].

Иными словами, интерес – это не обычный мотив к деятельности, а мотив существенный, смысловой и специфический. Наряду с ценностями и целями, установками и нормами интерес можно назвать главным смыслообразующим мотивом, поскольку часто он «запускает» сам процесс мотивации человека, являясь его «драйвером». Исходя из этого, представляется наиболее адекватным определение интереса как личностной позиции, которая является одновременно *ценностной и эмоционально окрашенной, а также выражается в деятельностно-практическом отношении человека к окружающему миру и самому себе*. В процессе трудовой деятельности работник может иметь целый спектр интересов. Трудовые интересы (интерес) мы определяем как ценностную, эмоционально окрашенную позицию работника по отношению к своей деятельности [7, с. 74]. Как формируется эта позиция, какова может быть структура трудовых интересов работника, на что они влияют в процессе трудовой деятель-

ности, как меняются – всё это отражает психологическая модель трудовых интересов, изложенная в данной статье.

Структурный и динамический аспекты модели трудовых интересов

Авторский подход к рассмотрению модели трудовых интересов учитывает современный формат организаций через призму отношений собственности, интегрирует интересы групп людей, представленных в организации, а также внешние экономические и социальные условия, в которых работают трудовые коллективы. Он показывает внутренние факторы, влияющие на формирование трудовых интересов и результаты, – как интересы активизируют трудовую деятельность (см. рис. 1). Психологическая модель трудовых интересов также учитывает эволюционную периодизацию изменения интересов.

Уточним внешние факторы, влияющие на трудовые интересы. К числу экономических факторов относятся отношения собственности, как материальной, так и интеллектуальной, а также характер системы налогообложения в той стране, где действуют трудовые ресурсы. Ведь если труд интересует наёмного работника только с точки зрения размеров материального вознаграждения за его результаты, а государство устанавливает высокие налоги на доходы, то работника будет больше привлекать не сам труд, а свободное от него время. Именно время становится для работника большей ценностью и эмоционально значимым, поскольку позволяет удовлетворять другие потребности и интересы.

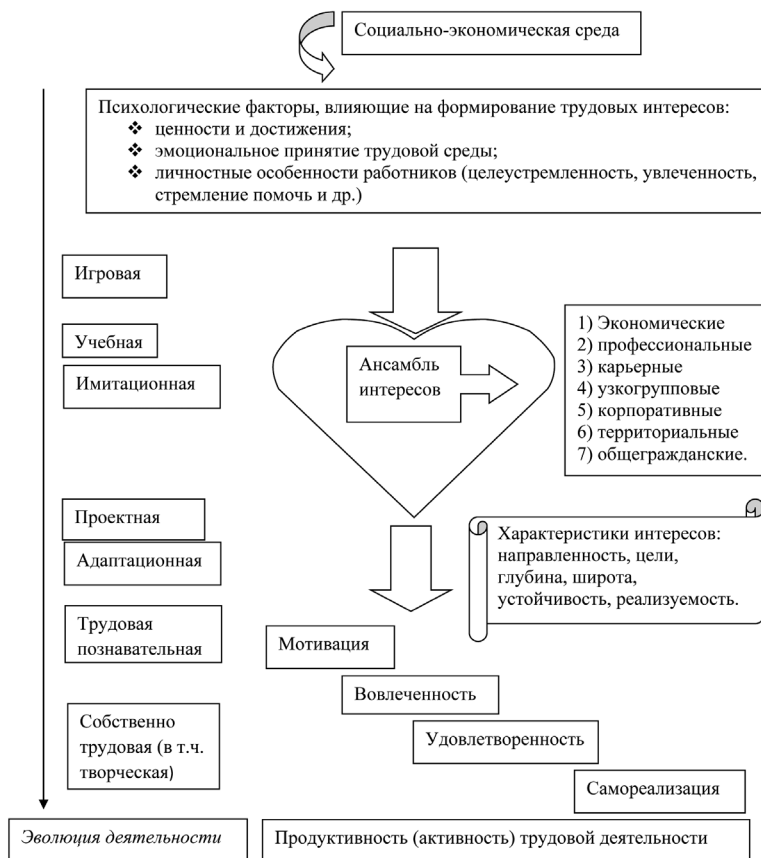

Рис. 1. Психологическая модель трудовых интересов

Другим внешним фактором, влияющим на формирование личных трудовых интересов работников, является *социально-общественная среда*. В качестве окружающей работников структурированного взаимодействия эта среда как бы «удлиняет» радиус жизнедеятельности работника за рамками организации. Выделим *разновидности этой среды, влияющие на интересы и мотивы работников*. Это среда проживания работников, т. е. место, где человек живёт и трудится. Здесь на приоритеты интересов и их устойчивость влияют территориально-географические факторы, особенности и структура населения. Безусловно, на

интересы работников влияет профессиональная среда, в рамках которой трудятся работники: научно-образовательные центры, профессиональные сообщества, ассоциации. Именно здесь происходит столкновение взглядов и позиций профессионалов, борьба концепций, профессиональные споры. На интересы и мотивы работников всё больше начинает влиять политическая среда, позволяющая учесть гражданскую и общественную деятельность (или бездеятельность) человека, его участие в выборах, митингах, в партиях, клубах, фондах, в законодательных обсуждениях, внесении гражданских инициатив. Важным фактором влия-

ния также является этнокультурная среда – принадлежность к национальной общности, особенности традиций, обычаев, привычек людей одной национальности. Наконец, влияет и организационно-управленческая среда, показывающая, с кем и как непосредственно взаимодействует компания или учреждение и её работники, как себя ведут вышестоящие, контролирующие и налоговые структуры.

Данные разновидности внешней среды показывают конкретные социально-психологические роли и интересы каждого человека. Всё больше внимания уделяется тем правовым ситуациям, когда интересы являются ключевым звеном в анализе противоречий и конфликтов между факторами внутренней и внешней среды организации. Каждая из разновидностей внешней социальной среды по своим каналам влияет на интересы работника и организации, в которой он работает. Такое влияние может быть эпизодическим (например, у партий во время выборов или банков в период кризисов), может быть весьма сильным (например, в профессиональных ассоциациях, объединениях), но может быть и незначительным, поэтому в ансамбль рассматриваемых нами трудовых интересов включены все эти составляющие внешней среды (рис. 1).

При построении психологической модели трудовых интересов были выделены следующие внутриличностные факторы:

- ценности и достижения;
- эмоциональное отношение к выполняемой работе;
- личностные особенности работников, такие как целеустремлённость,

увлечённость, любознательность, ответственность, стремление помочь.

Данные факторы учитывают базовые врождённые особенности организма как предпосылки его психического развития, а также тип нервной системы, особенности строения анализаторов и отдельных участков коры головного мозга, которые влияют и на внутреннюю мотивацию, и на эмоции, и на поисковую активность.

Ценности – важнейший фактор, влияющий на формирование трудовых интересов, определяющий отношение человека к работе, его организационное поведение. На основе ценностей человека прогнозируются выбор профессии и карьеры, интерес к труду, удовлетворённость работой, степень соответствия работника его работе или организации. Исследования показывают, что ценности достижения чего-либо влияют на успеваемость учеников сильнее, чем, например, добросовестность [18]. Группа ценностей достижения, которая включает ценности компетентности, способности, успеха, амбиций, сильно связана с результативностью. Следует заметить, что более продуктивной является деятельность, соответствующая системе долгосрочных приоритетов, целей и ценностей работника. Очевидно, что и работодателю предпочтительнее принимать на работу кандидатов, ценности которых не противоречат или близки корпоративным ценностям организации.

Для формирования трудовых интересов существенное значение имеют как особенности объекта труда, включая его эмоциональную привлекательность, яркость, так и психологические свойства личности работника, такие

как, например, впечатлительность, чувствительность, темпераментные особенности. Многолетние наблюдения за работниками, которые считают свою работу интересной, показывают, что для них характерны:

- высокий позитивный настрой и самооценка;
- хорошее физическое самочувствие;
- высокий темп жизни;
- ощущение перспектив.

При этом возникающие позитивные эмоции, связанные с потребностью работника узнать что-то новое об объекте интереса, предопределяют само *появление трудового интереса*.

Анализ публикаций и исследований позволил выделить дополнительно ещё несколько источников возникновения трудового интереса. Во-первых, стабильность увлечённости работой. Это не трудоголизм, как полагают некоторые. Для трудоголиков более характерна внешняя мотивация, а для увлечённых – внутренняя [20]. Именно увлечённые работники в большей степени ощущают автономность своего поведения, внутренний локус-контроль и интерес к работе [12]. Ещё одним личностным источником интереса является *стремление помочь* другим. Люди становятся более счастливыми и творческими благодаря тому, что их работа помогает другим быть более результативными, более знающими. И больших успехов они достигают именно тогда, когда уверены, что помогают другим [16].

Убеждения работников, их ценности и личностные особенности, включающие такие качества, как увлечённость, любознательность, ответственность, стремление помочь,

целеустремлённость, а также эмоциональный фон трудовой деятельности оказывают формирующее воздействие на возникновение устойчивого интереса к труду.

Структура трудовых интересов

Психологическая модель показывает группу личных интересов, присущих работникам современных организаций. Их классификация включает материально-прагматические (экономические), профессиональные, карьерные, групповые, корпоративные, территориальные и общегражданские интересы [7, с. 77, 78]. Рассмотрим содержание каждого вида выделенных трудовых интересов.

Личные экономические интересы работника выражают устойчивую эмоционально выраженную нацеленность личности на высокую заработную плату, дополнительное обеспечение, хорошие условия труда, фиксирующие статус и престиж работника.

Деловые интересы работника определяются потребностью в развитии профессии или карьеры, включают профессиональные и карьерные интересы. **Профессиональные интересы** фокусируются у конкретного человека на своей профессии. Эти интересы ориентированы на профессиональное развитие личности работника, познание своей специализации, постоянное обновление своих знаний, увлечённость своим делом, самим процессом работы. Устойчивый профессиональный интерес может быть движущей силой и прекрасной мотивацией при горизонтальных перемещениях. **Карьерные**, или **широко-профессиональные**, интересы направлены на последовательное занятие более высоких позиций,

продвижение по службе, получение признания, на выполнение трудовых функций и задач, даже не связанных с профессией, а отсюда – и стремление работника к карьерному росту, к должностным перемещениям, что ассоциируется у него с успехом в жизни.

Личные социальные интересы детерминированы членством в больших и малых группах. **Групповые интересы** характерны для работников сплочённых групп, которые считают приоритетными и эмоционально-ценностными интересы своей структурной единицы (отдела, филиала и т. п.). Такие работники готовы «переходить» за лидером в другие компании либо действовать так, как считает правильным группа. **Корпоративные** (ведомственные или отраслевые) интересы характерны для тех работников, которые ориентируются в работе на цели и задачи организации либо исполнительной власти. Они патриотически относятся к компании, в которой работают (или проработали долгое время), лояльны к ней, заинтересованы в её престиже. Работники с ярко выраженными корпоративными интересами подолгу работают на одном месте, не спешат покидать «родной дом» без особых причин. Им свойственен приоритет «чести мундира», прошлых побед и заслуг.

Внешними по отношению к организации интересами можно назвать территориальные и общегражданские интересы. Доминирование **территориальных**, или **национальных**, интересов в структуре интересов работника направляет его деятельность в сторону подчинённости территориальным или национальным обычаям, законам, порядкам, традициям, мировоззренче-

ским ценностям. Скорее всего, такой работник предпочтёт трудиться среди «своих» или с большим удовольствием пойдёт в ту организацию, где уже работают его соотечественники. Такое же поведение может быть и у начальника, который, руководствуясь территориальными интересами, при прочих равных выберет себе подчинённого из той же территории, того же города, что и он.

Если на первом месте у работника стоят **общегражданские интересы**, он ориентирован не столько на национальную самоидентификацию, сколько на служение людям, гражданам своей страны, государству, обществу. У него в приоритете ценностей – патриотизм, заинтересованное выполнение гражданских обязанностей, либеральных ценностей, забота об окружающей среде и пр. Реализация государственных интересов возможна прежде всего в рамках деятельности крупных руководителей, государственных служащих или политиков.

Содержательная структура интересов показывает нам направленность личности, а также цели, которые человек ставит в жизни. Глубина интересов отражает общее развитие, ментальность личности, а широта свидетельствует о богатстве духовной жизни, разносторонности интеллектуальных запросов. Важными характеристиками также являются устойчивость интересов, чем, собственно, интерес отличается от увлечения, и реализуемость интересов работника в компании.

Эволюционная динамика развития трудовых интересов

Понятно, что интересы могут развиваться, расти, но могут со временем ослабевать и, наконец, совсем исчез-

нуть, если не заботиться об их поддержке, поэтому важным аспектом психологической модели интересов является эволюционность. Здесь учитывается, что трудовые интересы меняются, эволюционируют в разные периоды жизни человека. Это происходит в процессе игровой, учебной, имитационной, проектной, адаптационной, познавательной и трудовой деятельности. Безусловно, и трудовая деятельность сопровождается процессами познания, обучения, развития. Профессионализм в работе появляется не сразу, а приходит с опытом. Познавательный интерес к труду формируется в процессе обучения через предметное содержание, имитацию деятельности и складывающиеся отношения между участниками трудового процесса. Этому способствует широкое использование новых знаний, элементов проблемности в решении задач и реализации рабочих проектов, привлечение данных о современных достижениях науки и техники. Адаптационный период в начале трудовой деятельности даёт возможность показать работнику общественную и личностную значимость дела, которым он занимается, применить в работе полученные им знания, умения и навыки. Трудовая познавательная деятельность включает организацию самостоятельной работы, взаимообучение, взаимоконтроль работников.

Влияние интересов на трудовую деятельность

Психологическая модель показывает, как трудовые интересы влияют на мотивацию работников, их вовлечённость, удовлетворённость трудом и профессиональную самореализацию.

Она даёт возможность понять, что меняется в результатах трудовой активности работника, если мы формируем правильные интересы к работе. В соответствии с приведённой на рис. 1 моделью мы видим, что интерес к работе может возникать как эмоция, сопровождающаяся вниманием к значимому объекту труда и стремлением больше узнать о нём. По мере успешной реализации этого стремления интерес работника обретает устойчивость и проявляется в структурированном виде. Реализованный устойчивый интерес, подкреплённый успехами, заставляет оценивать работу как отвечающую потребностям и вызывает длительные положительные эмоции, т. е. фактически вызывает удовлетворённость трудом. В данном контексте удовлетворённость трудом можно определить как «приятное позитивное эмоциональное состояние, проистекающее из оценки своей работы или производственного опыта, которое является результатом восприятия самими работниками того, насколько хорошо работа обеспечивает важные, с их точки зрения, потребности» [8, с. 119].

Усиление положительных эмоций в процессе работы приводит к стремлению идентифицировать себя с ней, т. е., по сути, к максимальной вовлечённости (см. рис. 2). Конечно, в данной цепочке от первичного интереса до вовлечённости в работу существует много факторов, влияющих её составляющие. Например, при повторяющихся неудачах в работе интерес не становится устойчивым, а, наоборот, спадает. При напряжённой атмосфере в коллективе и/или несправедливой оплате труда удовлетворённость работой снижается. К тому же, если цен-

ности работника и организации не совпадают, удовлетворённость трудом не приведёт к возникновению вовлечённости в работу. И всё-таки при наличии благоприятных факторов интерес к работе приобретает устойчивость и перерастает в вовлечённость [7, с. 86].

Данная цепочка (рис. 2) приводит к вовлечённости – интегральному фактору трудовой мотивации, который свидетельствует не только о том, соответствует ли труд потребностям, но и о том, насколько сотрудник идентифицирует себя с местом работы,

т. е., по сути, вовлечённость означает включённость в жизнь компании, готовность сотрудника прикладывать значительные усилия и высокую трудовую активность.

Таким образом, наличие устойчивого интереса к работе создаёт стабильную и прогрессивную удовлетворённость трудом, что может поддерживаться ротацией работы, расширением и обогащением труда, перепроектированием трудового функционала, ведущим к профессиональной самореализации личности.

Рис. 2. Взаимосвязь интереса к работе, удовлетворённости трудом и вовлечённости

Трудовое поведение показывает, как реализуется физический и интеллектуальный потенциал работников в процессе трудовой деятельности, и характеризуется *трудовой активностью*. Трудовая активность выражается различными показателями, например качеством и количеством выполненной работы, производительностью труда, использованием нового оборудования, передовых методов и технологий, соблюдением норм и пра-

вил внутреннего распорядка, технологической дисциплины, а также вовлечённостью и участием работников в совершенствовании организации производства и труда [10].

Исследования в области психологической модели трудовых интересов

Существуют исследования, доказывающие, что степень вовлечённости сотрудника связана с результатами

его деятельности. Метаанализ, проведённый Дж. Хартером из института Гэллапа и его коллегами, подтверждает эту связь [17]. Данные компании *Hewitt Associates* показывают, что стоимость акций тех организаций, где высокий уровень вовлечённости, на 12% больше по сравнению с компаниями с низким уровнем вовлечённости. Прибыль на одного сотрудника в таких организациях больше на 3800 USD в год, а уровень удовлетворённости клиентов выше на 5–10%. По данным исследования ЭКОПСИ Консалтинг в одном из российских производственных холдингов, корреляция индекса вовлечённости и производительности труда в натуральном выражении составила 0,82. Дополнительный ресурс, скрытый в управлении вовлечённостью, оценивают как очень значительный. Проведённое институтом Гэллапа США в 2008 г. исследование показало, что только 29% американских сотрудников в полной мере отдаются своей работе, а 54% сотрудников не заинтересованы в выполняемой деятельности, 17% полностью отвлечены от неё.

Можно привести также исследование российских психологов, рассматривающих влияние трудового интереса на показатели труда. В статье Ю.И. Переваловой приводятся результаты исследования лояльности банковского персонала [9]. Методом корреляционного анализа было выявлено, что лояльность сотрудников тесно связана с интересом к работе. Кроме того, отмечается, что трудовой интерес прямо связан с удовлетворённостью достижениями в работе ($r = 0,45$; $p = 0,05$), с возможностью мотивационной реализации в организации ($r = 0,35$; $p = 0,01$),

с предпочтением интересной работы высокому заработку ($r = 0,32$; $p = 0,01$), а также с удовлетворённостью условиями труда ($r = 0,24$; $p = 0,05$).

Рассмотрим результаты ещё одного исследования, проведённого автором и показывающего взаимосвязь интереса и продуктивности выполнения работы (см. более полный вариант описания в [6]). Как верно заметил доктор психологических наук Института психологии РАН А.А. Грачев, «можно считать общепринятой позицию, которая предполагает, что продуктивность работника определяется внешними факторами и двумя внутренними – мотивацией и способностями работника» [2, с. 177], т. е. психологической компонентой продуктивности является уровень трудовой активности, когда работник делает больше, чем от него ожидается руководителями или другими экспертами (по составу служебных обязанностей, времени выполнения, объёму работ и прочим характеристикам).

Исследование проводилось на 10%-й выборке из сотрудников московского офиса дочерней компании западного холдинга, занимающегося электронной коммерцией. Участвовали работники в возрасте 20–40 лет рангами от специалиста до руководителя службы. Им была предложена анонимная анкета из восьми вопросов, в которой предлагалось оценить, насколько для опрашиваемого важно наличие интересных задач, насколько эта потребность реализована в их текущей работе, а также насколько работник удовлетворён работой в организации, вовлечён в её деятельность, т. е. отзывается ли он положительно об организации среди своих коллег и знакомых, стремится ли

быть её членом и делает ли на работе больше, чем от него ожидается¹.

Параллельно с данным опросом работников проводилось интервью руководителей и экспертов на предмет продуктивности их подчинённых. При этом задавались вопросы о готовности сотрудников выполнять больший объём работ, обеспечивать более качественные результаты (например, делать меньше ошибок), браться за сверхурочную работу и т. п.

Был разработан адаптированный для организаций вопросник для выявления связи продуктивности и интереса к работе. Каждому участнику исследования предлагалось оценить важность определённых факторов работы по десятибалльной шкале. Перечень факторов был взят из методики Gallup [15] и включал такие параметры, как интересные задачи, хорошая атмосфера в коллективе, профессиональная компетентность руководителя и коллег, справедливое вознаграждение, возможности карьерного роста и обучения, статус, совпадение ценностей компании и работника и др.

После оценки важности данных факторов необходимо было оценить их наличие в реальной работе участников исследования. Разрыв между параметрами считался имеющимся, если разница оценки составляла три и более балла. Вопросник включал также проективные ситуации, например, требовалось дать «совет другу» о работе в данной компании.

По результатам исследования участники были разделены на четыре

группы в зависимости от важности для них интересных задач и их наличия в работе (см. рис. 3).

Названия групп условно выражают взаимосвязь между важностью и наличием интересных задач: «удовлетворённые» – для данной категории сотрудников было важно наличие интересных задач, и интересные задачи присутствовали в их работе; «неудовлетворённые» – для них наличие интересных задач было важно, однако, по мнению работников, они не присутствовали или недостаточно присутствовали в работе; «равнодушные» – интересные задачи не были важны, но присутствовали в работе; «рутинные» – наличие интересных задач было неважно, и интересные задачи отсутствовали в работе.

В ходе исследования мы предположили, что для большинства участников важно присутствие в работе интересных задач, что «удовлетворённые» сотрудники чаще иницируют улучшения в своей работе и охотней соглашаются на дополнительную сверхурочную работу.

В результате опроса выяснилось, что 91% опрошенных действительно полагали важным наличие интересных задач, но практически более четверти работников (27%) признались, что стоящие перед ними задачи недостаточно интересны, т. е. мы можем говорить о том, что данный интерес к работе в действительности не находил реализации (параметр «реализуемость»).

Улучшения и инициативы по работе чаще предлагались в группе «удовлетворённых» (80% опрошенных), среди «неудовлетворённых» так ответили только 67%, в группе «рутинных» – 50%. Индивидуальный опрос показал,

¹ Согласно определению AON Hewitt. *Best employers* [Электронный ресурс]. URL: https://ceplb03.hewitt.com/bestemployers/canada/pages/emp_engagement.htm.

что небольшое количество попыток вносить новые предложения и проявлять инициативу в группах «неудовлетворённых» и «рутинных» было связано, в том числе, с пассивностью реакции руководства на внедрение

предлагаемых работниками инициатив, т. е., опять же, с фактором «нереализуемости» трудовых интересов. Вместе с тем данный результат требует отдельного исследования, например, с помощью методики фокус-групп.

Рис. 3. Группы участников исследования

Как и ожидалось, «удовлетворённые» более охотно брались за дополнительную работу – 93% из них выразили готовность выполнять сверхурочную работу, среди «неудовлетворённых» такое желание изъявили несколько меньше – 83% опрошенных. Интересен тот факт, что «удовлетворённые» показывали большую склонность к сотрудничеству и взаимодействию: при возникновении трудностей 43% из них готовы были обратиться за помощью к коллегам. В группе «неудовлетворённых» это было 33%, а в группе «рутинных» вообще никто не высказал желания попросить поддержки по рабочим вопросам.

Что касается оценки оплаты труда, наиболее справедливой её считала группа «удовлетворённых» работников (средняя оценка справедливости равна 8,3 балла по 10-ти бальной шка-

ле), в группе «неудовлетворённых» такая оценка составляла 5,5 балла, а в группе «рутинных» – 4,0 балла. При этом в рассматриваемой компании зарплаты работников соответствовали средним по рынку и были в основном одинаковы. Все объективные предпосылки для оценки заработной платы как несправедливой были минимизированы. Отсюда следует, что оценка справедливости заработной платы во многом зависит от удовлетворённости и интереса к труду, чем от её фактического размера.

Перспективы своего карьерного роста в группе «удовлетворённых» работников оценивались также высоко (7,1 балла в среднем). В то время как в группах «неудовлетворённых» и «рутинных» оценки возможностей карьерного продвижения составляли всего 4,3 и 2 балла соответственно.

Можно предположить, что частично данные оценки связаны с объективным фактором: «удовлетворённым», активным работникам руководители чаще предлагают продвижение по карьерной лестнице. Вместе с тем в каждой компании есть такой объективный фактор, как наличие вакантных позиций, который не зависит от существования или отсутствия интересных задач. В этой связи следует отметить тот факт, что по результатам рейтинговой оценки работников всех групп руководителями-экспертами на первых местах оказались сотрудники, считающие свою работу более интересной, они и предлагались для продвижения. Таким образом, можно сказать, что отсутствие возможностей карьерного роста являлось скорее следствием неудовлетворённости работой, чем его причиной.

Было выявлено, что «удовлетворённые» работники в 71% случаев отказывались от предложений работы, поступающих извне. В группе «неудовлетворённых» готовы были отказать другому работодателю только 33%, а в группе «рутинных» – 50%. Эти результаты подтверждают высказанное предположение: сотрудники, которые считают свою работу интересной, более продуктивны и более предпочтительны для руководителей. То же самое можно сказать и о кандидатах, претендующих на работу: те из них, кто желает решать интересные задачи, более перспективны.

Заключение

Резюмируя изложенные в данной статье концептуальные основания для построения психологической модели трудовых интересов, следует отметить

следующее. Интерес к работе возникает как ценностная и эмоционально окрашенная позиция личности по отношению к значимому объекту труда. Он сопровождается концентрацией внимания и стремлением больше узнать об этом объекте. Если данное стремление работника успешно реализуется, интерес обретает устойчивость, а реализованный устойчивый интерес, подкреплённый успехами и поддерживаемый руководством, позволяет оценивать работу как отвечающую потребностям и вызывает длительные положительные эмоции (удовлетворённость). Нарастание положительных эмоций, в свою очередь, приводит к стремлению идентифицировать себя с работой или организацией, т. е. к желанию работника делать больше и эффективней выполнять свои служебные обязанности. Такая лояльность положительно оценивается руководством и продуцирует трудовую активность.

Таким образом, изложенная в статье психологическая модель трудовых интересов учитывает социально-экономическую среду и организационные условия, в которых находится работник, его личностные особенности, а также его самодетерминацию и динамику как личности, ориентированной на трудовые возможности, а не только на необходимость работы.

Анализ трудовых интересов и продуктивности работы сотрудников, а также влияния реализации мотивационного потенциала на трудовое поведение работников [5, с. 55, 56] продемонстрировал взаимосвязь между наличием интересной работы, реализуемостью интересов работников и их продуктивностью.

Приведённое исследование показало, что наличие интересных задач является важным фактором для большинства работников. И если эта потребность в интересных задачах реализуется, сотрудники положительнее относятся к работодателю, чаще предлагают улучшения в своей работе, чаще отказываются сменить работу, оценивают оплату труда как справедливую, а возможности карьерного роста как положительные и в результате оцениваются руководителями как эффективные и продуктивные.

Статья поступила в редакцию 11.05.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: монография. Красноярск, 2001. 160 с.
2. Грачев А.А. Проектирование мотивации работника // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 5 / под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М., 2013. С. 177–197.
3. Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб., 2008. 188 с.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000. 512 с.
5. Лобанова Т.Н. Активизация трудового поведения граждан за счет реализации мотивационного потенциала // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 54–59.
6. Лобанова Т.Н. Взаимосвязь трудовых интересов и организационного поведения работников // Психологический журнал. 2015. № 2. С. 95–106.
7. Лобанова Т.Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум. М., 2015. 482 с.
8. Организационное поведение: учебник для вузов / под ред. Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. СПб., 2004. 432 с.
9. Перевалова Ю.И. К вопросу о психологических аспектах, влияющих на лояльность банковского персонала // Психология в экономике и управлении. 2013. № 2. С. 114–118.
10. Попов А.В. Трудовая активность как основа трудового поведения населения // Молодой ученый. 2012. № 10. С. 151–158.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/rubinshteyn_osnovy_obschey_psihologii_t2_1989/go,103;fs,1 (дата обращения: 02.02.2018).
12. Шауфели В., Дийкстра П., Иванова Т.И. Увлеченность работой: Как научиться любить свою работу и получать от нее удовольствие. М., 2015. 144 с.
13. Bordin E.S. Comment // Journal of Counseling Psychology. 1959. № 6. P. 44–45.
14. Carter H.D. The development of vocational attitudes // Journal of Consulting Psychology. 1940. № 4 (5). P. 185–191.
15. Engagement at Work: Its Effect on Performance Continues in Tough Economic Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/services/176657/engagement-work-effect-performance-continues-tough-economic-times.aspx> (дата обращения: 08.02.2018).
16. James G. Business Without the Bullsh*t: 49 Secrets and Shortcuts You Need to Know. New York; Boston: BusinessPlus, 2014. 268 p.
17. Harter J.K., Schmid F.L., Hayes T.L. Business-unit-level relationship between employee satisfaction, employee engagement, and business outcomes: a meta-analysis // Journal of Applied Psychology. 2002. Vol. 87. P. 268–279.

18. Parks L., Guay R.P. Can Personal Values Predict Performance? Evidence in an Academic Setting // *Applied Psychology: An International Review*. 2012. Vol. 61. No. 1. P. 149–173.
19. Roe A., Siegelman M. The origin of interests. Washington DC., 1964. 98 p. (APGA Inquiry studies).
20. Van Beek I., Hu Q., Schaufeli W.B., Taris T.W., Schreurs B. For Fun, Love, or Money: What Drives Workaholic, Engaged, and Burned-Out Employees at Work? // *Applied Psychology: An International Review*. 2012. Vol. 61. № 1. P. 30–55.

REFERENCES

1. Goncharova A.N. *Problema soglasovaniya obshchestvennykh i lichnykh interesov v protsesse postroyeniya grazhdanskogo obshchestva* [The challenge of reconciling public and private interests in the process of building a civil society]. Krasnoyarsk, 2001. 160 p.
2. Grachev A.A. [Designing employee motivation]. In: Oboznov A.A., Zhuravlev A.L., eds. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vyp. 5* [Actual problems of psychology of labor, engineering psychology and ergonomics. Iss. 5]. Moscow, 2013, pp. 177–197.
3. Grachev A.A. *Psikhologicheskoe proektirovanie proizvodstvennoi organizatsii* [Psychological designing of industrial organization]. St. Petersburg, 2008. 188 p.
4. Il'in E.P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, 2000. 512 p.
5. Lobanova T.N. [Intensification of labor behavior of citizens through the implementation of motivational potential]. In: *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of Economics and law], 2015, no. 1 (33), pp. 54–59.
6. Lobanova T.N. [The relationship of labor interests and organizational behavior of employees]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, no. 2, pp. 95–106.
7. Lobanova T.N. *Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti* [Motivation and stimulation of labour activity]. Moscow, 2015. 482 p.
8. Latfullin G.R., Gromova O.N., eds. *Organizatsionnoe povedenie* [Organizational behavior]. St. Petersburg, 2004. 432 p.
9. Perevalova Yu.I. [On the psychological aspects influencing the loyalty of Bank staff]. In: *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and management], 2013, no. 2, pp. 114–118.
10. Popov A.V. [Labor activity as the basis of the labor behavior of the population]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2012, no. 10, pp. 151–158.
11. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii. T. 2* [Fundamentals of General psychology. Vol. 2]. Available at: http://elib.gnpbu.ru/text/rubinshteyn_osnovy-obschey-psihologii_t2_1989/go,103;fs,1 (accessed: 02.02.2018).
12. Shaufeli V., Diikstra P., Ivanova T.I. *Uvlechennost' rabotoi: Kak nauchit'sya lyubit' svoyu rabotu i poluchat' ot nee udovol'stviye* [Dedication: How to learn to love your job and enjoy it]. Moscow, 2015. 144 p.
13. Bordin E.S. Comment. In: *Journal of Counseling Psychology*, 1959, no. 6, pp. 44–45.
14. Carter H.D. The development of vocational attitudes. In: *Journal of Consulting Psychology*, 1940, no. 4 (5), pp. 185–191.
15. Engagement at Work: Its Effect on Performance Continues in Tough Economic Times. Available at: <http://www.gallup.com/services/176657/engagement-work-effect-performance-continues-tough-economic-times.aspx> (accessed: 08.02.2018).
16. James G. *Business Without the Bullsh*t: 49 Secrets and Shortcuts You Need to Know*. New York; Boston: BusinessPlus, 2014. 268 p.

17. Harter J.K., Schmid F.L., Hayes T.L. Business-unit-level relationship between employee satisfaction, employee engagement, and business outcomes: a meta-analysis. In: *Journal of Applied Psychology*, 2002, vol. 87, pp. 268–279.
18. Parks L., Guay R.P. Can Personal Values Predict Performance? Evidence in an Academic Setting. In: *Applied Psychology: An International Review*, 2012, vol. 61, no. 1, pp. 149–173.
19. Roe A., Siegelman M. The origin of interests. Washington DC., 1964. 98 p.
20. Van Beek I., Hu Q., Schaufeli W.B., Taris T.W., Schreurs B. For Fun, Love, or Money: What Drives Workaholic, Engaged, and Burned-Out Employees at Work? In: *Applied Psychology: An International Review*, 2012, vol. 61, no. 1, pp. 30–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобанова Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: lobanova@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Lobanova – PHD (Psychology) Associate Professor The National Research University Higher School of Economics;
e-mail: lobanova@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лобанова Т.Н. Психологическая модель трудовых интересов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 125–140.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-125-140.

FOR CITATION

Lobanova T. Psychological model of labor interests In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 125–140.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-125-140.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе научных электронных библиотек eLibrary.ru и КиберЛенинка, а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2018. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор Т.С. Павлова
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор И.К. Глузунов
Компьютерная верстка Н.Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,5, усл. п.л. 9,0.
Подписано в печать: 28.06.2018. Выход в свет: 12.07.2018. Заказ № 2018/06-02.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А